

Учреждение Российской академии наук  
Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока  
Дальневосточного отделения РАН

---

Establishment of the Russian Academy of Sciences  
Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East  
Far Eastern Branch RAN

---

**WORKS  
OF INSTITUTE OF HISTORY,  
ARCHAEOLOGY AND ETHNOGRAPHY  
OF THE PEOPLES OF THE FEB RAS**

**Orientalistic Series**

Vol. XV

**PROBLEMS OF CHINA HISTORY  
AND INTERNATIONAL RELATIONS  
IN CHINESE SCHOLARS STUDIES**



Vladivostok  
Dalnauka  
2011

Учреждение Российской академии наук  
Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока  
Дальневосточного отделения РАН

---

**ТРУДЫ  
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ,  
АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ  
НАРОДОВ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА ДВО РАН**

**Серия ВОСТОКОВЕДЕНИЕ**

Том XV

**ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ КИТАЯ  
И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ  
В ТРУДАХ КИТАЙСКИХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ**



Владивосток  
Дальнаука  
2011

**Проблемы истории Китая и международных отношений в трудах китайских исследователей** (ответ. ред. Г.П. Белоглазов). — Владивосток: Дальнаука, 2011. — 184 с. (Тр. Ин-та истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока. Сер. Востоковедение. Т. XV).

ISBN

Труды Института являются продолжающимся изданием, которое регулярно выпускается уже более 20 лет. Данный том (серия «Востоковедение») содержит статьи, являющиеся результатом научных изысканий сотрудников востоковедных и иных подразделений ИИАЭ ДВО РАН. В них исследуется комплекс проблем по историографии Китая в разные периоды его исторического развития. Статьи содержат оценку взглядов современных китайских учёных на актуальные проблемы истории, экономики и культуры Китая. Особое внимание уделяется анализу трудов китайских учёных по комплексу проблем межрегионального взаимодействия Китая и России в Северо-Восточной Азии и китайско-русским трансграничным торгово-экономическим, политическим и культурным связям. Представленные научные материалы разбиты на ряд разделов, объединённых общей тематической направленностью.

**Ключевые слова:** китайская историография, международные отношения, российско-китайские связи, проблемы истории, экономика и культура Китая.

**Problems of China History and International Relations in Chinese Scholars Studies** (managing editor G.P. Beloglazov). — Vladivostok: Dalnauka, 2011. — 184 p. (Works of Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the FEB RAS, Orientalistic Series, Vol. XV).

ISBN

“Works of Insitute...” is a continued edition which regularly released for 20 years. Present volume (Orientalistic series) includes papers by orientalists and other researchers of our Institute. We investigate a complex of problems of China historiography for different periods of its history. The papers include evaluation of opinions of modern Chinese scholars on actual problems of Chinese history, economic and culture. Special attention paid to analysis of the Chinese scholars' works by the problems of the China-Russia interregional cooperation in North-East Asia and Chinese-Russian transboundary economical, political and cultural relations. Presented materials are divisioned to thematic sections.

**Key words:** Chinese historiography, international relationships, Russia-Chinese relations, problems of history, economics, culture of China.

Редакционная коллегия:

д-р *В.Л. Ларин*, д-р *Л.И. Галлямова*, к.и.н. *Г.П. Белоглазов*,  
к.и.н. *В.В. Кожевников*, *Г.В. Кондратенко* (уч. секретарь)

Ответственный редактор канд. ист. наук *Г.П. Белоглазов*

Рецензенты:

канд. ист. наук *Д.А. Владимирова*, канд. ист. наук *Г.А. Сухачёва*

Утверждено к печати учёным советом Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН

Издание осуществлено при поддержке гранта Отделения историко-филологических наук РАН, проект № 09-1-ОИФН-01

УДК: 327(471+510)

## «ГОРЯЧИЕ ТОЧКИ» РОССИЙСКО-КИТАЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ В СОВРЕМЕННОЙ КИТАЙСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ И ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МЫСЛИ\*

*В.Л. Ларин,  
доктор исторических наук, профессор*

В статье дана оценка китайской россиеведческой мысли последнего десятилетия по истории российско-китайских связей и политики Москвы в отношении Китая. Проанализированы основные аспекты современной китайской историографии, связанные с формированием образа России в КНР и отношением к ней будущих поколений китайцев. Автор делает вывод о достаточно жёсткой критике российской политики в отношении Китая в некоторые периоды двусторонних связей. Тем не менее, у китайских историков всё же преобладает позитивный настрой как в общей оценке их истории, так и в рассуждениях о будущем российско-китайских отношений. **Ключевые слова:** историография Китая, образ России, российско-китайские отношения, китайская оценка истории.

## “HOT ISSUES” OF RUSSIAN-CHINESE RELATIONS IN MODERN CHINESE HISTORICAL AND ECONOMIC THOUGHTS

*V.L. Larin*

The paper assesses the thoughts of China's Russian studies scholars during the last decade on the history of Russian-Chinese relations and Moscow's policy toward China. Author analyses the main aspects of modern Chinese historiography relating to the formation of the image of Russia in China and attitudes of future generations of the Chinese people. The author concludes that there is rather harsh criticism of Russian policy towards China at some periods of bilateral relations. The positive mood still dominates as among the Chinese historians in the overall assessment of Russian-Chinese cooperation as in discussions about the future of two countries relations.

**Key words:** Chinese historiography, the image of Russia, the Russian-Chinese relations, China's assessment of history.

---

\* Статья подготовлена при поддержке гранта ДВО РАН, проект № 09-III-A-11-556.

Китайские политики, дипломаты, общественные деятели, рассуждая о современных российско-китайских отношениях и оценивая их результаты, любят вспоминать слова патриарха китайских реформ Дэн Сяопина, призвавшего обе стороны «закрыть прошлое, открыть будущее» во время его исторической встречи с М.С. Горбачёвым в мае 1989 г., ознаменовавшей полное восстановление отношений между СССР и Китаем.

Одновременно, говоря о проблемах и препятствиях к дальнейшему развитию китайско-российских отношений, они, как правило, ставят на первое место недостаточный уровень взаимопонимания и взаимного доверия\* [1]. Причины этого недоверия они обнаруживают преимущественно на российской стороне, пеняя ей — и справедливо — за муссирование в СМИ «теории китайской угрозы» и «китайской экспансии», гонения на китайских трудовых мигрантов, непостоянство в решениях, невыполнение принятых на себя обязательств и т.д.

Однако у любого явления, в том числе определяемого как «недостаточный уровень доверия между россиянами и китайцами», всегда присутствуют две стороны. Как же сами китайцы формируют образ России на территории Поднебесной? Как она способствует укреплению дружбы и доверия между двумя народами?

Есть немало форм, средств и путей создания фундаментального образа соседней страны и её народа, того образа, который может — в силу политической конъюнктуры, идеологической платформы или экономической целесообразности — как-то корректироваться, но в любом случае определяет общий вектор отношения к ней. Один из ключевых — оценка истории двусторонних отношений и политики соседа к собственному государству.

Россияне, выявляя историческую подоплёку формирования отношения китайцев к России, обычно ограничиваются фактом публикации в Китае исторических карт, представляющих территорию Приамурья как «...силой отторгнутую царской Россией у Китая». Этого, как правило, хватает им для того, чтобы предполагать реанимацию территориальных претензий Пекина к России даже в обозримом будущем. Китайцы по этому поводу откровенно недоумевают: карты же исторические и, как правило, учебные, они лишь отражают реальное прошлое, скромно умалчивая о том, что эти карты ещё и взращивают будущее, и что спектр исторических претензий Китая к России несколько шире, чем «утраченные в результате агрессии царской России исконные китайские территории». Оценивая причины развала китайско-российских союзнических отношений в начале 60-х гг. XX в., сотрудник Института истории Хэйлунцзянской АОН Ли Суйань не случайно на первое место поставил «проблемы исторического наследия», и только потом — идеологические разногласия и столкновение национальных интересов [2, с. 694].

---

\* Очевидно, не случайно первым среди четырёх предложений по развитию китайско-российского стратегического партнёрства, выдвинутых Председателем КНР Ху Цзиньтао на его первой встрече с Президентом России Д.А. Медведевым в мае 2008 г., было «дальнейшее развитие взаимного политического доверия, укрепление взаимной поддержки».

В Китае, где историописание всегда выполняло функцию инструмента, посредством которого не столько изучалось прошлое, сколько фиксировалось настоящее и проектировалось будущее, роль и значение истории в формировании общественного сознания исключительно велики. Достаточно вспомнить гневную реакцию всей страны на издание в Японии школьных учебников, необъективно, с точки зрения Пекина, отражающих историю войны на Тихом океане и агрессии Японии в Китае [см. подробнее 3, с. 23—42; 4, с. 15—34]. А в китайско-российских отношениях, как утверждает уже цитировавшийся выше Ли Суйань, «изначально существуют сложные проблемы исторического наследия» [5, с. 694].

В этой статье мы обратимся к китайской россиеведческой мысли последнего десятилетия, той её части, которая занимается изучением истории и современного состояния российско-китайских отношений и политики Москвы в отношении Китая. Поскольку пласт подобных исследований в КНР весьма широк и охватить его полностью практически невозможно, то основой для нашего анализа стали материалы двух Всекитайских научных конференций, организованных Китайским обществом по изучению китайско-российских отношений (中国中俄关系史研究会) и собравших со всей страны многих ведущих экспертов по России. Безусловно, нельзя утверждать, что участники конференций выражают мнение всех китайских специалистов по России и китайско-российским отношениям. Тем более что в последние годы наблюдается заметная диверсификация взглядов и подходов китайских исследователей ко многим вопросам общественной жизни страны, в том числе историческим проблемам, ослабление диктата официальных доктрин и идеологических установок. Тем не менее, я полагаю, что есть основания судить об основных тенденциях китайского историописания на основе докладов, представленных на этих конференциях, тем более что некоторые монографии и публикации ведущих научных журналов КНР по общественным наукам последних лет, также использованные при анализе данной проблемы, подтверждают выявленные тенденции.

Первая конференция прошла в августе 2003 г. в г. Харбине. На ней было представлено около 60 докладов, 56 из них опубликованы в виде статей в объёмном сборнике «История и современное состояние китайско-российских отношений» [6]. Вторая конференция (апрель 2008 г., Пекин) собрала аналогичное первой количество участников, а представленные на ней 59 докладов вошли во второй выпуск книги «История и современное состояние китайско-российских отношений» [7]. По замыслу организаторов, конференция была ориентирована на «укрепление и углубление китайско-российского стратегического партнёрства, нацеленного в 21 век, объективную оценку различных успехов, достигнутых в ходе реализации программ года России в Китае и года Китая в России». Сборник статей призван стать «важным доказательством того, что оба государства отмечают 60-летие установления дипломатических отношений, и сыграть большую роль в расширении обмена между научными кругами двух государств и укреплении взаимопонимания» [8, предисловие]. Последний пассаж об «укреплении

взаимопонимания» кажется мне особенно важным и в свете проблемы, которая поставлена в центр внимания данной статьи, и в контексте настроения ряда китайских учёных в отношении России, речь о котором пойдёт ниже.

Кроме того, ещё раз подчеркну, что целью данной статьи является не анализ современной китайской историографии как таковой, а лишь тех её аспектов, которые связаны с формированием образа России в КНР и отношением к ней будущих поколений китайцев. И одной из ключевых посылок к её появлению стало спонтанно возникшее, а потом твёрдо сложившееся у меня убеждение, что в последние несколько лет китайская историческая наука стала более активно способствовать укреплению негативных представлений китайцев о России и россиянах в Китае. Это обстоятельство рельефно выявляется как при изучении содержания и тональности докладов, представленных на конференциях 2004 и 2009 годов, так и некоторых публикаций в китайских научных журналах.

## 1. ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ ДВУСТОРОННИХ ОТНОШЕНИЙ И ПОЛИТИКИ РОССИИ В ОТНОШЕНИИ КИТАЯ: XVII в. — 1990 г.

Внимательное ознакомление с работами китайских историков, опубликованными в двух сборниках «История и современное состояние китайско-российских отношений», заставляет начать с некоторых общих выводов.

1. Если в первом сборнике статей отсутствуют обобщающие работы, оценивающие тенденции развития российско-китайских отношений за длительный период, то во втором таковых статей шесть, и в числе их авторов такие известные специалисты по России, как Ли Цзинцзе, Лунань Цзинхэ, Чжао Хуашэн.
2. Количество публикаций по разным этапам двусторонних отношений приблизительно одинаково: 13 и 10 по периоду до 1917 г., 15 и 10 по периоду 1918—1949 гг., соответственно, 6 и 7 статей посвящены истории 1949—1990 гг.
3. Первый сборник выглядит более толерантным в оценках истории китайско-российских отношений, чем второй. В частности, вошедшие в него статьи о китайско-российских отношениях в XVII — начале XX в. имеют уклон в культурные связи, обходят стороной многие острые углы, избегают жёсткой критики политики царского правительства в отношении цинского Китая, всего того, что в избытке присутствует во втором сборнике. Единственным исключением стала оценка политики России, «направленной на отрыв от Китая Внешней Монголии» (статьи Юнь Цзичжоу, Лю Цунькуаня и Фань Минфана) [9, с. 137—150, 151—166, 167—185], и сюжет о захвате? Россией лесных ресурсов Хэйлунцзяна [10, 186—193].

4. В работах китайских историков о российско-китайских отношениях рельефно вырисовывается идея о Китае как о жертве агрессивной политики Запада XIX—XX вв., давно получившая распространение в китайской историографии, но теперь уже в преломлении «колониальной политики» России.
5. Несмотря на достаточно жёсткую критику российской политики в отношении Китая в некоторые периоды у китайских историков всё же преобладает позитивный настрой и в общей оценке их истории, и в суждениях о будущем этих отношений. В частности, как резюмирует Чжао Хуашэн, независимо от того, что за последние 400 лет в общественном развитии Китая и России произошли большие изменения, а двусторонние отношения развивались в условиях воздействия различных внешних и внутренних факторов и между государствами происходили «многочисленные военные конфликты», «вне зависимости от внутренней и внешней обстановки, Китай и Россия никогда не находились в состоянии тотальной войны друг с другом». Это обстоятельство Чжао Хуашэн называет «не случайным явлением, а закономерной особенностью китайско-российских отношений» [11, с. 42]. А по мнению Фэн Юйцзюня, более чем 300 лет китайско-российских отношений свидетельствуют, что «Китай и Россия могут только дружить и не могут враждовать... в дружбе [они] оба выигрывают, в борьбе оба проигрывают» [12, с. 797]. «Исторические дружеские основы китайско-российских отношений неизменны, атмосфера для будущего развития китайско-российских отношений очень хороша», — вторит ему Лю Гуйлин [13, с. 769].

Тем не менее, отталкиваясь от цели данной статьи, оставим за её рамками сюжеты о дружбе и взаимной помощи, выгодной (и не очень) торговле, научном, образовательном и культурном обмене, и обратимся к проблемам, для России не слишком приятным, но в сознании китайцев неизменно присутствующим, а, значит, влияющим на общее к ней отношение.

Таких сюжетов в истории отношений до 1990 г. несколько.

Первый и наиболее хорошо известный как в Китае, так и в России — «захват царской Россией значительной части китайской территории». В КНР он обрамлён в упаковку «агрессивной политики российского царизма в отношении Китая», которая распространяется на обширный исторический период. Этот период начинается с «агрессивных действий русских на китайских берегах реки Чёрного дракона (Хэйлуцзян) в середине XVII в.», проходит болезненную стадию подписания «неравноправных договоров» середины XIX в. и заканчивается «кознями царского правительства», направленными на отделение Внешней Монголии от Китая в начале XX в. В совокупности получается два с половиной столетия агрессивной, ущемляющей интересы Китая и нарушающей его суверенитет, независимость и территориальную целостность, внешней политики России.

Для иллюстрации этого заключения пройдемся по страницам китайских публикаций последних лет. Итак, китайские историки убеждены, что

с 40-х гг. XVII в. царская Россия «вторглась в северо-восточные границы Китая» [14, с. 40] и «осуществляла вооружённую экспансию в принадлежавших Китаю районах монгольской Халхи и Хэйлунцзяна» [15, с. 158]. С этого времени «она стала представлять серьёзную долговременную угрозу национальной безопасности Китая» [16, с. 797]. В процессе дальнейшего развития отношений «российская сторона неоднократно посягала на пограничные районы Китая, прежде всего в районе Удихэ, где не была определена граница, а также смежные с Россией районы Северо-Востока Китая» [17, с. 171] и «непрерывно пыталась захватить» территорию Внешней Монголии [18, с. 339].

К середине XIX в. в китайской политике России основным направлением стала так называемая «мирная экспансия», «в которой [слово] «мирная» было ложным, а «экспансия» — настоящим», и эта стратегия «являлась основной внутренней движущей силой политики России в отношении Китая» [19, с. 207]. После 1840 г. царская Россия «развернула агрессивную деятельность на северо-восточных и северо-западных границах Китая, в центре которой стоял захват территорий»\* [20, с. 18—19]. В конечном итоге, хотя «Россия и не была в передовых рядах агрессоров и захватчиков в Китае» [21, с. 46], но она коварно «воспользовалась безвыходным положением цинского правительства» [22, с. 207] и в результате «получила наибольшие выгоды»: «по трём договорам 1858—1860 гг. 1,5 млн. кв. км территории Китая перешли к России»\*\* [23, с. 45]. «После опиумных войн царская Россия, грея руки на чужой беде, ещё раз попыталась осуществить захваты во Внешней Монголии, подготовила захват Кулунь (库伦), чтобы «отторгнуть Внешнюю Монголию от Китая»\*\*\* [24, с. 339].

Действия России в Маньчжурии во время восстания ихэтуаней имели своей целью «захват нашей территории на Северо-Востоке» [25, с. 230], превращение её в колонию царской России [26, с. 35]. Эти «агрессивные действия не только ухудшили международную обстановку на Дальнем Востоке, но и нанесли глубокие страдания китайскому народу» [27, с. 244]. «Вероломство русских и жестокие действия русских войск на Северо-Востоке позволили китайцам познать другую сторону российской «дружественной политики в отношении Китая», её лицемерие и лживость. На Северо-Востоке бурно развивалась антироссийская вооружённая борьба... В 1904 г., когда началась русско-японская война, китайское правительство хотя и объявило нейтралитет, но все — от правительственных чиновников до простого народа — в большинстве своём надеялись на победу Японии. Большое развитие получили как обмен информацией между японцами

\* По мнению авторов, эти действия начинаются в 1849 г. с «вторжения военного транспорта «Байкал» под командованием Г.И. Невельского в устье китайской реки Хэйлунцзян и на остров Куе» (китайское название острова Сахалин).

\*\* Аналогичное обобщение зафиксировано в изданной в то же время «Истории Китая» [70, с. 472]. Луань Цзинхэ уточняет, что из этих полутора миллионов кв. км более 1 млн. кв. км Россия захватила на Северо-Востоке и полмиллиона — на Северо-Западе Китая [71, С. 59—62].

\*\*\* Кулунь — район в юго-восточной части Внутренней Монголии на границе с пров. Ляонин.

и китайцами, так и материальная помощь японским войскам. И многие антирусски настроенные солдаты помогали японцам сопротивляться русским войскам» [28, с. 256].

«Стратегической базой в агрессии царской России в Китае», по мнению харбинского учёного Юнь Цзичжоу, стала КВЖД [29, с. 142]. Каждый шаг в её развитии осуществлялся путём «принесения в жертву интересов китайского народа» [30, с. 604]. После русско-японской войны Россия не уступала в своей агрессивности Японии. Более того, именно она инициировала подписание четырёх тайных договоров с Японией, которые «нанесли серьёзный ущерб суверенитету Китая и Кореи, подорвали территориальную целостность обоих государств». На основе этих договоров «Россия в сговоре с Японией расчленила Северо-Восток Китая, Внешнюю Монголию и Корею», «российское правительство, полагаясь на союз с Японией, постоянно провоцировало новые конфликты с Китаем, к примеру, пересмотрело китайско-российский торговый договор, инспирировало независимость Внешней Монголии, создавало крайне тревожную обстановку на границах Китая...» [31, с. 147].

«Агрессивность политики царизма в отношении Китая» стала столь привычным шаблоном, обязательным к применению китайскими историками, что он не только широко штампуется в работах, казалось бы, не имеющих прямого отношения к этим проблемам, но и априори влияет на оценки и выводы их авторов. Примером может служить статья бывшего директора Института России АОН пров. Цзилинь Ван Шицая, человека, который, насколько мне известно, достаточно хорошо относится к России. Тем не менее, в его работе, посвящённой культурному обмену между Северо-Восточным Китаем и Россией [32, с. 675—690], мотив агрессивности царизма звучит достаточно отчётливо, хотя и кажется «притянутым за уши».

Иначе трудно представить, зачем в статье о культурном обмене делать акцент на «агрессии царской России в бассейне китайского Хэйлунцзяна» и «массовых убийствах и грабежах аборигенов [провинции] Хэйлунцзян русскими агрессорами» в XVII в., «широкомасштабной вооружённой агрессии царской России в бассейнах Хэйлунцзяна и Уссури», захвате ею «более 1 млн. кв. км территории Северо-Восточного Китая» в середине XIX в. и «разграблении природных ресурсов Северо-Восточного Китая» на рубеже XIX—XX вв. [33, с. 678—679]. Разве что в качестве доказательства тезиса, что «распространение русской культуры на Северо-Востоке носило глубокий колониальный оттенок и являлось продуктом агрессивной политики России»? [34, с. 680] Что все экономические и культурные приобретения Маньчжурии в ходе строительства и эксплуатации КВЖД, которые, как пишет сам Ван Шицай, «изменили облик китайского Северо-Востока». Города и посёлки, заводы и дороги, сельскохозяйственные культуры и технологии, школы и газеты, наконец, харбинское пиво, которое и сегодня любят по всему Китаю — это «продукт российской культурной экспансии», полученный в условиях «неравноправного положения Китая и России», «неестественного культурного обмена» [35, с. 678—688].

Обретение Внешней Монголией независимости является самой болезненной для китайцев темой российско-китайских отношений периода после Синьхайской революции. В частности Лю Цунькуань начинает свою статью со ссылки на авторитет «многочисленных» (хотя и безымянных) зарубежных исследователей, которые «в большинстве своём считают, что произошедшее в 1911 г. отделение Внешней Монголии от Китая стало результатом долговременной деятельности царской России», которая воспользовалась трудностями Китая в период Синьхайской революции, подстрекала монгольских сепаратистов на отделение от Китая и фактически реализовала «давно задуманный исторический сценарий». И это мнение, считает автор, «абсолютно правильно» [36, с. 151]. Анализируя эти события на основе российских архивных источников, в том числе опубликованной в Китае переписки российского МИДа по китайскому и монгольскому вопросам, Лю Цунькуань приходит к заключению, что отделение Внешней Монголии от Китая в 1911—1915 гг. стало следствием интриг России; эти события, будучи одними из важнейших в истории китайско-российских отношений, являются «чёрной страницей в этих отношениях, нанесли им серьёзный урон, и их пагубное влияние прослеживалось на протяжении нескольких десятилетий» [37, с. 164].

Таким образом, не удивительным, если отталкиваясь от всех этих эпизодов китайско-российских отношений XVII — начала XX в., является заключение Луань Цзинхэ о том, что «политика царской России в отношении Китая в новое время являлась политикой агрессии, которая осуществлялась «под шапкой дружбы», политикой «греть руки на чужой беде», жертвуя интересами китайского народа» [38, с. 62]. Очевидно, что господствующие в Китае концепции вполне вписываются в схему, тщательно разработанную в 70—80-е гг. и нашедшую полное отражение в четырёхтомной «Истории агрессии царской России против Китая». Последний том, кстати, вышел в апреле 1990 г. уже после того, как Дэн Сяопин призвал «закрыть прошлое». А переиздание этого труда в марте 2007 г., осуществлённое под эгидой Академии общественных наук КНР [39], наглядно подтверждает наличие тех тенденций, которые были отмечены в начале статьи.

Впрочем, на фоне концепций некоторых молодых исследователей выводы мэтров россиеведения отдают плесенью. Для сотрудника Института международных отношений Пекинского университета Вэнь Сюэ — не последней по своему авторитету в Китае организации — царская Россия — даже больший агрессор, чем Япония. Как сообщает исследователь своим коллегам, Россия, вторгнувшись в Сибирь в конце XVI в., «захватила более 10 млн. кв. км территории Азии», а затем планомерно вела агрессию против Китая и Японии. В отношениях с Японией «важнейшей целью и фокусом внимания России стал захват территории». В то же время Япония, выступая против экспансии России на восток, сама начала изучать возможные выгоды от обретения китайской территории... [40, с. 34] Так и напрашивается вывод, что научившись у русских, японцы сами приступили к захвату территории Китая.

Оставляю за скобками оценку качества пространной аргументации одних авторов и бездоказательность суждений других. Для этого потребовалась бы ещё одна работа не меньшего масштаба. Отмечу лишь, что обвинения китайских историков в адрес политики царской России в отношении Китая частью справедливы, частью — откровенно надуманы, а частью — спорны и требуют серьёзного научного обсуждения. Но дело в другом — создаётся ощущение, что для многих исследователей самоцелью является не восстановление исторической истины, а подтверждение образа России как агрессивного, враждебного Китаю государства, того образа, который сформировался у китайской знати в XVII—XIX вв., культивировался Гоминьданом в конце 20-х — 40-е гг. XX в. и был реанимирован КПК в 60—70 гг. этого столетия.

Советский Союз, в принципе, представляется китайскими учёными в не столь неприглядном, как царская Россия, свете. Отдаётся должное и его существенной помощи в создании маньчжурской революционной базы [41, с. 381—400, 424—442; 42, с. 398—399], восстановлении экономики страны после победы китайской революции и в годы первой пятилетки, но общая оценка, которая рефреном проходит в ряде работ — негативная. «Бывший СССР, начиная со Сталина, — убеждены Цзян Чанбинь и Ли Чуаньсюн, — неоднократно наносил вред нашим суверенитету и безопасности, игнорировал нашу территориальную целостность и долгое время угрожал безопасности наших границ крупными воинскими силами, что было важной причиной того, что Мао Цзэдун и весь народ Китая испытывали «чувство позора» и «чувство недоверия» [43, с. 613]. «Теоретически Октябрьскую революцию 1917 г. в России можно считать поворотным пунктом в китайско-российских (советских) отношениях», — продолжает эту мысль Луань Цзинхэ, — но «в её истинном смысле» политика советского правительства во главе с Лениным в отношении Китая не отличалась от политики царской России, поскольку «ключевая проблема двусторонних отношений не получила разрешения»\* [44, с. 63].

По мнению профессора Цзилиньского университета Хуан Динтяня, советское правительство «полностью не отвергло великодержавную внешнюю политику национального эгоизма империалистической России», «продолжило политику империалистической России в отношении Китая», что проявилось в его позиции по КВЖД и Внешней Монголии на этапе подготовки китайско-советского договора 1924 г. [45, с. 205]. Автора не удивляет экспансионизм Японии в этот период, но вот Советскому Союзу, по его мнению, следовало бы придерживаться принципов, провозглашённых в его первой декларации в отношении Китая и китайско-российском договоре, надлежащим образом разобраться с вопросами ущемления интересов и суверенитета Китая со стороны империалистической России, а «не расплачиваться интересами и суверенитетом Китая ради обеспечения собственных интересов и безопасности в Северо-Восточной Азии» [45, с. 212].

---

\* Под «ключевой проблемой» отношений Луань Цзинхэ подразумевает погранично-территориальную проблему.

События революции 1925—1927 гг. — ещё один повод попенять России (точнее, СССР) на этот раз вместе с Коминтерном за «неправильное отношение» к Китаю. Сотрудник Института России Хэйлунцзянской АОН Хуан Цюди пытается доказать, что «Великая китайская революция 1925—1927 гг.» потерпела поражение из-за неправильного руководства СССР и Коминтерна, которые следовали концепции «интересы СССР — в центре», навязали Китаю модель революции в СССР, а не революции китайского типа, «абсолютно необъективно оценили возможность КПК руководить китайской революцией», и поэтому делали ставку не на КПК, а на Гоминьдан и игнорировали идеи КПК. Это — одна из основных причин появления капитулянтского курса Чэнь Дусю [47, с. 277].

Не обходится без ложки дёгтя и в оценке помощи СССР Китаю в борьбе против японской агрессии. По мнению Луань Цзинхэ, несмотря на то, что «Советский Союз оказал большую экономическую и военную помощь Китаю», особенно в 30-е гг. главное всё же в том, что «коренные вопросы китайско-советских отношений не получили подлинного разрешения» [48, с. 65]. Смиримся с убеждённостью автора (и не его одного), что Советский Союз только лишь «помог Китаю разгромить империалистическую агрессию Японии», что «объективно завершило процесс антияпонской войны Китая», но вот его антитеза, что «подлинной целью введения войск СССР на территорию Северо-Востока Китая была не помощь китайскому народу в разгроме японской империалистической агрессии, а окончательный разгром Японии, которая с нового времени вела войну на Северо-Востоке Китая» [49, с. 66], как и постоянные ремарки, что «Советский Союз преследовал собственные интересы», вызывают странные чувства. Напрашивается вывод, что главной задачей СССР во всех его действиях в Восточной Азии в 20—40-е гг. XX в. должно было быть следование интересам Китая и китайского народа, а не обеспечение собственных интересов и собственной безопасности. Стоит и нам, наверное, попенять руководству КНР, что в своей политике реформ и внешней открытости оно ориентируется на нужды и интересы собственной страны и её народа, а не на потребности России.

## 2. БОЛЕВЫЕ ТОЧКИ СОВРЕМЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

Значительная часть статей, представленных в двух анализируемых сборниках и посвящённых китайско-российским отношениям, касается современности — событий 90-х гг. XX и начала XXI в. В первом из них содержится 19 статей, посвящённых этому периоду (35% от общего числа публикаций), во втором — почти половина (27 с учётом трёх обобщающих работ по истории двусторонних отношений). Кроме того, современным проблемам двусторонних отношений посвящены сотни статей в различных исторических, политологических, экономических и общегуманитарных журналах Китая.

Авторитет № 1 в области современных российско-китайских отношений в Китае в последние годы — академик АОН КНР, бывший директор Института России, Восточной Европы и Центральной Азии, а ныне член НПКСК Ли Цзинцзе. Он является одним из самых активных пропагандистов дружественных, основанных на уважении взаимных интересов Китая и России двусторонних отношений и в то же время объективным критиком существующих в них проблем.

В работе, которая открывает научную часть второго сборника статей [50, с. 17—37], Ли Цзинцзе выделяет три болевых точки современного российско-китайского взаимодействия: неравномерное развитие экономических и политических отношений, «теорию китайской угрозы» и проблему «китайских мигрантов».

По мнению Ли Цзинцзе, отставание экономических отношений (а автор оценивает как «очень низкий» не только уровень взаимных инвестиций, но и объём двусторонней торговли и называет отсталой, не соответствующей уровню экономического и научно-технического развития двух государств структуру торговли) «неизбежно повлияет на политические отношения». Обе стороны должны удвоить усилия и совместными усилиями решить эту проблему [51, с. 32].

Страх перед «китайской угрозой» у россиян, по мнению Ли Цзинцзе, проявляется в опасении быстрого развития Китая и превращении России в его «младшего партнёра» в двустороннем сотрудничестве; в боязни китайской «демографической экспансии» вследствие разницы демографических потенциалов двух государств; в опасении превращения своей страны в «сырьевой придаток Китая» и рынок сбыта его товаров; в боязни ущемления интересов России в Центральной Азии и вытеснения её оттуда Китаем. Причины этого синдрома автор обнаруживает в истории, современности, но самое главное — в болезненном процессе самоидентификации россиян, а также в поведении китайцев в России, которые «застревают в России сверх установленного срока и ведут некультурную торговлю». Бороться с этим явлением должны и Китай, которому следует доказывать, что он представляет для России не угрозу, а величайший исторический шанс, и россияне — путём «преодоления душевной неуравновешенности, вызываемой развитием и мощью соседних государств» [52, с. 32—33].

Страх россиян перед «китайской миграцией» в России Ли Цзинцзе рассматривает как «самую горячую проблему» в «теории китайской угрозы». При этом он видит в ней не только негативный фактор, осложняющий российско-китайские отношения, но и одно из препятствий к развитию Дальнего Востока: страх перед иностранной рабочей силой не позволяет решить проблему нехватки трудовых ресурсов в этом регионе и реализовывать планы по интенсивному его развитию. Ещё сложнее будет это сделать в будущем, поскольку вступление Китая в стадию «стареющей нации» постепенно ограничивает количество свободной рабочей силы в КНР. Так что на реализацию взаимовыгодного сотрудничества в сфере привлечения трудовых ресурсов у России и Китая остаётся не более 10—15 лет.

Но в любом случае большого притока китайских рабочих в Россию, по мнению автора, не предвидится [53, с. 34—36].

Одной из самых болевых точек для китайских исследователей является негативное отношение россиян к Китаю и китайцам. В высших политических кругах эта проблема, как уже отмечалось в начале этой статьи, обтекаемо сформулирована как «недостаточный уровень доверия между двумя государствами». В научных — вещи называются своими именами. О значимости этой проблемы для китайского научного и политического сообщества говорит хотя бы тот факт, что некоторые исследователи считают её главным препятствием к развитию китайско-российского стратегического партнёрства [см. 54, с. 37—43]. Но если в начале первого десятилетия нового века китайские учёные пытались понять, откуда в России появились и активно развиваются представления о «китайской угрозе», «китайской экспансии», «жёлтой опасности», то ближе к его концу уже выработали определённый взгляд на проблему.

Наиболее детальный её анализ, опираясь на тщательное изучение российской прессы и научных работ российских исследователей 90-х гг. XX — начала XXI в., представила докторант Института мировой истории АОН КНР Ван Сяоцзюй [55, с. 596—609]. Автор отмечает, что идея «жёлтой опасности», возникшая в России в конце XIX в., возродилась после обретения ею независимости в 90-е гг. XX в. в связи с появлением в ней китайских мигрантов, проявилась в форме антикитайских настроений, прежде всего на Дальнем Востоке, а основным её содержанием стала идея об «экспансии Китая». Эта «экспансия» трактовалась в трёх проекциях: как «демографическая», «экономическая» и «военная». Автор детально и на примерах анализирует истоки этих представлений о «китайской экспансии», выделяя среди них следующие:

- решающий фактор — сдвиг в соотношении комплексной мощи Китая и России, происходящий в пользу Китая. Россияне, привыкшие видеть перед собой слабый, уступающий России Китай, интерпретируют это изменение как угрозу;
- неготовность россиян к взаимодействию с восточной культурой, что несут китайские мигранты, порождает их «определённую закрытость»;
- разность демографических потенциалов по обе стороны границы;
- более умелое регулирование Китаем приграничной торговли, приносящее выгоды Китаю;
- разыгрывание карты «китайской угрозы» «региональными сепаратистами» и некоторыми местными политиками;
- европоцентризм российской внешней политики, создающий «тёплую постель» для распространения этих идей;
- влияние западного общественного мнения [56, с. 599—604].

Отметим, что из этого длинного и в общем объективно выделенного ряда причин как-то выпадают деятельность и поведение самих китайцев на российской территории, которые далеко не всегда вписываются в рамки не только российского, но и китайского законодательства. Интересно, что

писали бы о россиянах те же самые авторы, если бы десятки тысяч граждан России, пребывающие в Китае, нарушали его миграционное законодательство, браконьерничали в китайских лесах и на китайских реках, занимались нелегальной трудовой деятельностью, незаконными валютными операциями и контрабандой, создавали свои преступные группировки?

По мнению Ван Сяоцзюй, «теория китайской экспансии» в России в последние 10 лет демонстрирует тенденцию к «утончению» и «углублению». Само по себе изменение социально-экономической ситуации в Китае «обогатывает и развивает» её. Многие российские политики и учёные ищут доказательств реальности этой экспансии в мировой истории, в современном Китае, в реакции китайских учёных на «теорию китайской экспансии» в России. В результате недовольство и враждебность россиян в отношении Китая и китайцев растут, что не только сказывается на российско-китайских отношениях (в частности на торговлю и сотрудничество в использовании рабочей силы), но и влияет на образ Китая в мире и фон международной политики [57, с. 604—608]. По мнению автора, раздуваемые российскими СМИ идеи «китайской экспансии» способны «разжечь шовинистические настроения» россиян, которые впоследствии могут быть использованы и повсеместно распространены «жёлтыми» СМИ. Китай должен не только изучать это явление, искать ответы на его распространение, но и информировать о нём китайцев, дабы смягчить воздействие того шока, который их ожидает в процессе взаимодействия с Россией.

Если Ван Сяоцзюй пишет только об угрозе «шовинистических настроений» в России, то уже известный нам тандем хэйлунцзянских исследователей — Цзян Чанбинь и Ли Чуаньсюн — полностью уверен, что утрата Россией прежних позиций СССР нанесла «сильнейший удар по национальному самолюбию и чувству превосходства» россиян. Поскольку же их «великодержавие» и «чувство сильной державы» почти не изменились, это уже породило рост национализма, который нашёл выражение в ксенофобии и «теории жёлтой опасности». На Дальнем Востоке и в Сибири, где «из-за временного снижения государственной мощи России проблема так называемой китайской «незаконной миграции» приобрела со страха истерический характер», острие ксенофобии было направлено против китайцев [58, с. 619—620].

Многие китайские исследователи видят главную причину распространения «теории китайской угрозы» в России в изменении соотношения комплексной мощи России и Китая, в вызревающих в России националистических и ксенофобских силах. Задумываются они и о том, что же Китай должен сделать для преодоления этих тенденций, неблагоприятных и опасных для его граждан, работающих в России.

Такой прагматический подход характерен прежде всего для учёных пров. Хэйлунцзян. Для таких исследователей из Харбина, как Инь Цзяньпин, Ли Чуаньсюн, Ван Сяолин, важна не теоретическая составляющая «китайской угрозы» или «жёлтой опасности» в России, а их негативное влияние на экономические отношения их провинции с Россией, важным элементом которых является привлечение туда китайской рабочей силы. Именно поэтому

Инь Цзяньпин с удовлетворением фиксирует реальное и положительное изменение отношения дальневосточников к Китаю и китайскому присутствию в регионе, наблюдаемое во второй половине первого десятилетия XXI в. и обусловленное, по его мнению, прежде всего прагматическими потребностями дальневосточных территорий и реалистичностью взглядов его жителей на отношения со своим соседом [59, с. 25—29], а Ван Сяолин предлагает конкретные меры, которые должно предпринять китайское правительство для увеличения масштабов экспорта рабочей силы в Россию [60, с. 9—10].

Среди других проблем в двусторонних отношениях китайские исследователи выделяют вопросы экологии, возможные столкновения интересов Китая и России в Центральной Азии, противоречия в использовании российских ресурсов, прежде всего энергетических. Отмечаются опасения россиян, что Россия может стать сырьевым придатком Китая, что также подпитывает их страх перед Китаем и китайцами [61, с. 821]. Много проблем обнаруживается в сфере торгово-экономических отношений, но к их анализу и поискам решения китайские авторы подходят с сугубо практической точки зрения. Особенно эта тенденция характерна для учёных пров. Хэйлунцзян, чьё экономическое благосостояние сегодня в немалой степени зависит от характера экономических отношений с Россией. Сотни статей и докладов на научных конференциях посвящены тому, как улучшить двусторонние, особенно межрегиональные экономические отношения и разрешить существующие в них проблемы.

Будем справедливы: не все исследователи смотрят на причины взаимного недоверия столь односторонне. Чжоу Юндун видит одну из главных причин возникающих проблем в том, что «знание народов друг о друге отстаёт от реальности». По его мнению, «очень многие россияне... не имеют представления о многотысячелетней китайской культуре», а представления китайцев о России «неполны, неточны, необъективны», у многих из них они застыли на уровне 50-х гг. XX в. В результате, не только россияне не испытывают доверия к Китаю, но и в КНР: «...в отношении России существует недостаточно понимания, недостаточно доверия... Китайцы в определённой степени испытывают ложные, иррациональные националистические чувства» [62, с. 784, 785]. Причинами возникновения этого «негармоничного фона российско-китайских отношений» являются не только «нерешённость исторически возникших основ для взаимного недоверия» [63, с. 780], разные культурные традиции, но и деятельность СМИ, которые создают «неадекватные представления друг о друге» [64, с. 784].

Итак, подводя итоги, можем констатировать не только существование, но и заметное укрепление в Китае в последние годы научной платформы, формирующей негативный образ России и россиян в глазах китайцев.

Есть, правда, весомый аргумент, к которому можно прибегнуть ради самоуспокоения: всё то, о чём пишут китайские учёные — это история, которая не должна, если исходить из установок политиков, влиять на настоящее. Хорошо бы так, но вот завершая свой экскурс в «историю агрессии России» против Китая и Японии, сотрудник Института международных от-

ношений Пекинского университета с сожалением резюмирует: «...до сегодняшнего дня более 1 млн. кв. км северо-востока нашей страны захвачены Россией... территория государства утеряна и до сих пор нет способа её вернуть» [65, с. 35, 37]. Заметим, что написано это уже после того, как Китай и Россия разделили последний спорный участок территории в районе Хабаровска, официально зафиксировали и демаркировали границу на всём её протяжении\*.

Ван Сяоцзуй, которую я достаточно много цитировал в этой статье, отмечает, что некоторые российские учёные «тщательно изучают даже мизерные изменения во взглядах некоторых китайских историков, выскивая в них тенденции политики Китая в отношении России» [66, с. 605]. Формально, это, наверное, так. Историки отражают общественное мнение и в какой-то степени формируют его. Мне трудно представить, какие взгляды в отношении России сформируются у китайского студента или аспиранта, который ознакомится с цитировавшимися выше статьями китайских учёных, но мне кажется, что они не будут дружественными.

Более тревожно, что такие подходы явно льют воду на мельницу части китайской военной и политической элиты, которая придерживается, по выражению Я.М. Бергера, «великодержавно-экспансионистских взглядов» и стремится «повернуть экспансию Китая в северном и западном сухопутных направлениях, в сторону Центральной Азии и Сибири» [67, с. 25]. Это течение не только не является доминирующим, но и не занимает видного места в современной военной и политической мысли Китая. И официальные документы КНР, и многочисленные публикации последних лет, посвящённые стратегии развития Китая, его внешней политике и проблемам обеспечения его безопасности, ориентированы на поддержание и развитие дружественных связей с Россией. Но не учитывать наличие таких тенденций нельзя. Как и питающих их научных концепций.

Не менее тревожно, что эти концепции внедряются в сознание молодых китайцев, формируют образ России у подрастающего поколения. В программы вступительных экзаменов в высшие учебные заведения по истории, ежегодно утверждаемые Министерством образования Китая, в вопрос о «Второй опиумной войне» стабильно входит раздел о «захвате Россией обширных северных территорий Китая» (俄国侵占我国北方大片领土) [см. например, 68]. При этом о захвате не «царской Россией», как традиционно пишут учёные-историки, а просто Россией.

В заключение не могу не согласиться с тезисом, высказанным в глубокой статье Цзян Чанбиня и Ли Чуаньсюна: «решение проблемы «подлинного доверия» — это дело взаимное». Китайские историки призывают не возлагать это дело только на китайскую сторону [69, с.613]. К сожалению, сами они в большинстве своём ищут виновных только в России.

\* Дополнительное соглашение о восточном участке российско-китайской границы было подписано в Пекине 14 октября 2004 г., ратифицировано ВСНП КНР 27 апреля 2005 г. и Государственной Думой РФ 20 мая 2005 г., обмен ратификационными документами состоялся во Владивостоке 2 июня 2005 г.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Ху Цзинтао чжуси юй Мэйдэвэйцзефу цзунтун хуйтань (胡锦涛主席与梅德韦杰夫总统会谈) = Переговоры председателя КНР Ху Цзиньтао и президента РФ Д. Медведева. [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.fmprc.gov.cn/chn/zxxx/t439773.htm> (дата обращения: 24.05.2008).
2. Ли Суйань. Бань гэ шицзы илай элосы синсян цзай чжунго дэ бяньхуа (李随安. 半个世纪以来俄罗斯形象在中国的变化) = Изменение образа России в Китае за последние полвека // Чжунэ гуаньси дэ лиши юй сяньши (ди эр цзи) Sino-Russia Relations: History and Reality (中俄关系的历史与现实 (第二辑)) = История и современное состояние китайско-российских отношений / отв. ред. Гуань Гуйхай, Луань Цзинхэ. Пекин: Шэхуй кэсюэ вэньсянь чубаньшэю, 2009. Вып. 2.
3. Yung-deh Richard Chu. Historical and Contemporary Roots of Sino-Japanese Conflicts — In: China and Japan at Odds: Deciphering the Perpetual Conflict. Ed. by James C. Hsiung. N.Y: Palgrave Macmillan. 2007. P. 23—42.
4. Jiang Zhang. The Influence of Chinese nationalism on Sino-Japanese relations — In: China-Japan Relations in the Twenty-first Century. Creating a Future Past? Ed. by Michael Heazle and Nick Knight. Cheltenham — Northampton: Edward Elgar Publishing. 2007. P. 15—34.
5. Ли Суйань. Указ соч.
6. Чжунэ гуаньси дэ лиши юй сяньши (中俄关系的历史与现实) = История и современное состояние китайско-российских отношений / отв. ред. Луань Цзинхэ. Кайфэн: Хэнань дасюэ чубаньшэю, 2004. 855 с.
7. Чжунэ гуаньси дэ лиши юй сяньши (ди эр цзи) Sino-Russia Relations: History and Reality (中俄关系的历史与现实 (第二辑)) = История и современное состояние китайско-российских отношений / отв. ред. Гуань Гуйхай, Луань Цзинхэ. Пекин: Шэхуй кэсюэ вэньсянь чубаньшэ, 2009. Вып. 2. 823 с.
8. Там же. Предисловие.
9. Юнь Цзичжоу. Лунь жиэ сы цы миюэ юй эго дэ юаньдун чжэнцэ (云继洲. 论日俄四次密约与俄国的远东政策) = Четыре тайных японо-российских договора и дальневосточная политика России // Чжунэ гуаньси дэ лиши юй сяньши (中俄关系的历史与现实) = История и современное состояние китайско-российских отношений / отв. ред. Луань Цзинхэ. Кайфэн: Хэнань дасюэ чубаньшэ, 2004. С. 137—150; Лю Цунькуань. Чжунэ гуаньси юй ваймэнгу цзы чжунго дэ фэньли (1911—1915) (刘存宽. 中俄关系与外蒙古自中国的分离) = Китайско-российские отношения и отделение Внешней Монголии от Китая // Там же. С. 151—166; Фань Минфан. 1912 «эмэн сеюэ» цзи «эмэн чуаньтяо» чжи цяньдин (樊明方. 1912 ‘俄蒙协约’及‘俄蒙专条’之签订) = «Российско-монгольский договор» 1912 г. и подписание «Специальных российско-монгольских статей» // Там же. С. 167—185.
10. Чжан Фэну. Шаэ дуй хэйлунцзян дицью сэньлин цзыюань дэ люедо (张凤鸣. 沙俄对黑龙江地区森林资源的掠夺) = Захват царской Россией лесных ресурсов Хэйлунцзяна // Там же. С. 186—193.
11. Чжао Хуашэн. Чжунэ гуаньси дэ моши (赵华胜. 中俄关系的模式.) = Модели китайско-российских отношений // Чжунэ гуаньси дэ лиши юй сяньши (ди эр цзи). Sino-Russia Relations: History and Reality (中俄关系的历史与现实 (第二辑)) = История и современное состояние китайско-российских отношений / отв. ред. Гуань Гуйхай, Луань Цзинхэ. Пекин: Шэхуй кэсюэ вэньсянь чубаньшэ, 2009. Вып. 2.
12. Фэн Юйцзюнь. Чжунэ гуаньси фачжань цянцзин юй чжунго гоцзя лии (冯玉军. 中俄关系发展前景与中国国家利益) = Перспективы развития китайско-российских отношений и национальные интересы Китая // Там же.
13. Лю Гуйлин. Дансянь чжунэ гуаньси дэ фачжан цзи вэньти (刘桂玲. 当前中俄关系的发展及问题) = Развитие и проблемы современных китайско-российских отношений // Там же.

14. Чжао Хуашэн. Указ соч.
15. Лю Дэси. 19 шицзы чжунэ иянь дэ чжунэ гуаньси (刘德喜19世纪中叶以前的中俄关系) = Китайско-российские отношения до середины 19 в. // Там же.
16. Фэн Юйцзюнь. Указ соч.
17. Лю Дэси. Указ соч.
18. Сунь Цайшунь. Ваймэнгу дули гочэн шупин (孙才顺. 外蒙古独立过程述评) = Обзор движения Внешней Монголии к независимости // Там же.
19. Чэнь Кайкэ. Элосы гуаньюй тайпин тяньго шици шаэ дэ дуйхуа вайцзяо (陈开科. 俄罗斯馆与太平天国时期沙俄的对华外交) = Российская миссия и политика царской России в отношении Китая в период Тайпинского государства // Там же.
20. Ши Фан, Лю Шуан, Гао Линь. Хаэрбин эцяо ши (石方, 刘爽, 高凌. 哈尔滨俄侨史) = История русских эмигрантов Харбина. Харбин: Хэйлунцзян жэньминь чубаньшэ, 2003. С. 18—19.
21. Чжао Хуашэн. Указ соч.
22. Чэнь Кайкэ. Указ соч.
23. Чжао Хуашэн. Указ соч.
24. Сунь Цайшунь. Указ соч.
25. Чжан Ли. Вэйтэ юй ихэтуань юньдун шици эго дуй хуа чженцэ (张丽. 维特与义和团运动时期俄国对华政策) = Защита особых прав и политика России в отношении Китая в период движения ихэтуаней // Чжунэ гуаньси дэ лиши юй сяньши (ди эр цзи) Sino-Russia Relations: History and Reality (中俄关系的历史与现实 (第二辑)) = История и современное состояние китайско-российских отношений / отв. ред. Гуань Гуйхай, Луань Цзинхэ. Пекин: Шэхуй кэсюэ вэньсянь чубаньшэ, 2009. Вып. 2.
26. Вэнь Сюэ. Цзиньдай илай чжунжи дуй эго дун куан дэ бутун фаньин (文学. 近代以来中日对俄国东扩的不同反应) = Неодинаковый ответ Китая и Японии на восточную экспансию России в новое время. Дунбэйя яньцзю (东北亚研究). 2008. № 1.
27. Чжан Ли. Указ соч.
28. Сюй Ваньминь. Гэнцзы чжунэ дунбэй чжи чжаньфань сылу (徐万民. 庚子中俄东北之战犯思录) = Записки о преступлениях во время китайско-русской войны на Северо-Востоке в годы гэнцзы // Чжунэ гуаньси дэ лиши юй сяньши (ди эр цзи) Sino-Russia Relations: History and Reality (中俄关系的历史与现实 (第二辑)) = История и современное состояние китайско-российских отношений / отв. ред. Гуань Гуйхай, Луань Цзинхэ. Пекин: Шэхуй кэсюэ вэньсянь чубаньшэ, 2009. Вып. 2.
29. Юнь Цзичжоу. Указ соч.
30. Ши Фан, Лю Шуан, Гао Линь. Указ соч.
31. Юнь Цзичжоу. Указ соч.
32. Ван Шицай. Цяньси чжунго дунбэй юй элосы дэ вэньхуа цзяюлю (王世才. 浅析中国东北与俄罗斯的文化交流) = Анализ культурного обмена между Северо-Востоком Китая и Россией // Чжунэ гуаньси дэ лиши юй сяньши (ди эр цзи) Sino-Russia Relations: History and Reality (中俄关系的历史与现实 (第二辑)) = История и современное состояние китайско-российских отношений / отв. ред. Гуань Гуйхай, Луань Цзинхэ. Пекин: Шэхуй кэсюэ вэньсянь чубаньшэ, 2009. Вып. 2. С. 675—690.
33. Там же.
34. Там же.
35. Там же.
36. Лю Цунькуань. Указ соч.
37. Там же.
38. Луань Цзинхэ. Указ соч.
39. Шаэ цинь хуа ши (сыцзюань уцэ) (沙俄侵华史 (四卷五册)) = Истории агрессии царской России против Китая (в 4 т., 5 кн.). Пекин: Чжунго шэхуй кэсюэ чубаньшэ, 2010.
40. Вэнь Сюэ. Указ соч.

41. Сунь Сыюань. Гомин чженцэ юй сулянь цзай дунбэй вэньти шан дэ иму цзиньгуй (孙思源. 国民政府与苏联在东北问题上的一幕进退) = Манёвры национального правительства и СССР в вопросе о Северо-Востоке // Чжунэ гуаньси дэ лиши юй сяньши (中俄关系的历史与现实) = История и современное состояние китайско-российских отношений. 2004. С. 381—400; Сюэ Сяньтянь, Лю Чэнюань. Сулянь юй дунбэй гэньцзюй ди (薛衡天, 刘成元. 苏联与东北根据地) = Советский Союз и северо-восточная революционная база // Там же. С. 424—442.
42. Чэнь Хуй. Масеэр тяочу шицы сулянь дуй хуа чженцэ дэ яньбянь (1945 нянь 12 юе — 1947 нянь 1 юе) (陈晖. 马歇尔调处时期苏联对华政策的演变 (1945年12月—1947年1月)) = Изменение политики СССР в отношении Китая в период миссии Маршала (декабрь 1945 — январь 1947) // Чжунэ гуаньси дэ лиши юй сяньши (ди эр цзи) Sino-Russia Relations: History and Reality (中俄关系的历史与现实 (第二辑)) = История и современное состояние китайско-российских отношений / отв. ред. Гуань Гуйхай, Луань Цзинхэ. Пекин: Шэхуй кэсюэ вэньсянь чубаньшэ, 2009. Вып. 2. С. 398—399.
43. Цзян Чанбинь, Ли Чуаньсюн. Цзекай сяй миньцзучжуй шинцзе, цзяшэнь лицзе юй ляоцзе (姜长斌, 李传勋. 解开狭隘民族主义情结, 加深理解与了解) = Ослабить чувства национализма, углубить понимание // Чжунэ гуаньси дэ лиши юй сяньши (中俄关系的历史与现实) = История и современное состояние китайско-российских отношений / отв. ред. Луань Цзинхэ. Кайфэн: Хэнань дасюэ чубаньшэ. 2004.
44. Луань Цзинхэ. Указ соч.
45. Хуан Динтянь. Цун «чжунэ седин» дао «сужи седин» — 1924 нянь цяньхоу сулянь дэ дуй хуажи вайцзю (黄定天. 从‘中俄协定’到‘苏日协定’ — 1924年前后苏联的对华对日外交) = От «Китайско-российского договора» к «Советско-японскому договору». Политика СССР в отношении Китая и Япония накануне и после 1924 г. // Чжунэ гуаньси дэ лиши юй сяньши (中俄关系的历史与现实) = История и современное состояние китайско-российских отношений. 2004.
46. Там же.
47. Хуан Цюди. Суэ, гунчань гоцзи чжидао чжунго да гемин шибай дэ сысян юаньюань (黄秋迪. 苏俄, 共产国际指导中国大革命失败的思想渊源) = Идеологические истоки поражения Советской России и Коминтерна в руководстве великой китайской революцией // Там же.
48. Луань Цзинхэ. Указ. соч.
49. Там же.
50. Ли Цзинцзе. Синь шицзи дэ чжунэ гуаньси (李静杰. 新世纪的中俄关系) = Китайско-российские отношения в новом веке // Чжунэ гуаньси дэ лиши юй сяньши (ди эр цзи) Sino-Russia Relations: History and Reality (中俄关系的历史与现实 (第二辑)) = История и современное состояние китайско-российских отношений / отв. ред. Гуань Гуйхай, Луань Цзинхэ. Пекин: Шэхуй кэсюэ вэньсянь чубаньшэ, 2009. Вып. 2. С. 17—37.
51. Там же.
52. Там же.
53. Там же.
54. Хуан Дэньсюэ. Чжунэ чжаньлюэ сецзо хобань гуаньси чжэлунь — вэньти, дуйцэ юй цзяньцзин (黄登学. 中俄战略伙伴关系析论 — 问题, 对策与前景) = Анализ китайско-российского стратегического партнёрства — проблемы, вызовы, перспективы. Дунбэйя лунтань (东北亚论坛). 2008. № 2. С. 37—43.
55. Ван Сяоцзюй. Элосы дуй хуа юйцин дэ яньхуа цзи тэдянь (王晓菊. 俄罗斯对华舆情的演化及特点) = Эволюция и особенности российского общественного мнения о Китае // Чжунэ гуаньси дэ лиши юй сяньши (中俄关系的历史与现实) = История и современное состояние китайско-российских отношений / отв. ред. Луань Цзинхэ. Кайфэн: Хэнань дасюэ чубаньшэ, 2004. С. 596—609.
56. Там же.

57. Там же.
58. Цзян Чанбинь, Ли Чуаньсюн. Указ. соч.
59. Инь Цзяньпин. Чжунгожэнь цзай юаньдун: цун «вэйсе» дао цуцинь юаньдун цзинцзи вэйдин фачжань дэ иньсу (殷剑平. 中国人在远东: 从“威胁”到促进远东经济稳定发展的因素) = Китайцы на Дальнем Востоке: от «угрозы» к фактору, стимулирующему стабильное экономическое развитие Дальнего Востока. Элосы чжуня дуноу яньцзю (俄罗斯中亚东欧研究). 2006. № 3. С. 25—29.
60. Ван Сяолин. Хэйлунцзян шэн дуй э лаоу хэцзо дэ сяньчжуан, вэньги юй дуйцэ (王晓玲. 黑龙江省对俄劳务合作的现状, 问题与对策) = Современное состояние, проблемы и решения сотрудничества провинции Хэйлунцзян с Россией в области рабочей силы. Сиболия яньцзю (西伯利亚研究) 2007. № 6. С. 9—10.
61. Цзо Фэнчжун. Элосы дэ цзян го вайцзяо юй чжунэ чжаньлюе хэцзо гуаньси (左凤荣. 俄罗斯的强国外交与中俄战略合作关系) = Внешняя политика России как сильной державы и китайско-российские отношения стратегического сотрудничества — Чжунэ гуаньси дэ лиши юй сяньши (ди эр цзи) Sino-Russia Relations: History and Reality (中俄关系的历史与现实 (第二辑)) = История и современное состояние китайско-российских отношений / отв. ред. Гуань Гуйхай, Луань Цзинхэ. Пекин: Шэхуй кэсюэ вэньсянь чубаньшэ, 2009. Вып. 2. С. 821.
62. Чжоу Юндун. Дуй чжунэ чжаньлюе сецзо хобань гуаньси чжун дэ бу хэсе иньсу дэ сыкао (周永东. 对中俄战略协作伙伴关系中的不和谐因素的思考) = Анализ негармоничных факторов в развитии отношений китайско-российского стратегического партнёрства // Там же.
63. Там же.
64. Там же.
65. Вэнь Сюэ. Указ. соч.
66. Ван Сяоцзюй. Указ. соч.
67. Бергер Я. Эволюция геополитических взглядов в Китае // Проблемы Дальнего Востока. 2010. № 4.
68. 2010 нянь путун гаодэн сюэсяо чжаошэн цзюаньго туни каоши даган: вэнькэ цзунхэ (2010年普通高等学校招生全国统一考试大纲: 文科综合) = Программа единого государственного экзамена по специальности «история» для абитуриентов, поступающих в высшие учебные заведения в 2010 г. [Электронный ресурс]. — URL: <http://gaokao.chsi.com.cn/gkxx/ss/201001/20100120/62267352-3.html>.
69. Цзян Чанбинь, Ли Чуаньсюн. Указ. соч.
70. Чжунго лиши (中国历史) = История Китая / под ред. Сюй Хайшаня. Пекин: Сяньчжуан чубаньшэ, 2006.
71. Луань Цзинхэ. Цзиньдай илай элосы дуй хуа чженсэ шулуьн (栾景河. 近代以来俄罗斯对华政策述论) = Политика России в отношении Китая в новое время // Чжунэ гуаньси дэ лиши юй сяньши (ди эр цзи) Sino-Russia Relations: History and Reality (中俄关系的历史与现实 (第二辑)) = История и современное состояние китайско-российских отношений / отв. ред. Гуань Гуйхай, Луань Цзинхэ. Пекин: Шэхуй кэсюэ вэньсянь чубаньшэ, 2009. Вып. 2. С. 59—62.

## СОВЕТСКАЯ МОДЕЛЬ СОЦИАЛИЗМА: ЕЁ ОЦЕНКА И КРИТИКА В КНР

*Н.П. Рябченко,*  
кандидат исторических наук

После 1949 г. в Китае, особенно на Северо-Востоке, широко использовался советский опыт строительства социализма, который с началом проведения политики реформ стал критически переосмысливаться. Китайские учёные подробно изучают советскую модель социализма и её роль в гибели Советского Союза. Анализ советской модели социализма позволяет понять её роль и место в истории.

**Ключевые слова:** советская модель социализма, Советский Союз, Китай, Ленин, Сталин, мобилизационная модель развития, гибель СССР, реформы, капитализм, либерализм.

## THE SOVIET MODEL OF SOCIALISM: ITS ASSESSMENT AND CRITICISM IN THE PEOPLES REPUBLIC OF CHINA

*N.P. Ryabchenko*

After 1949 in China, especially in the Northeast, began to make wide use of the Soviet experience of construction of socialism. With the beginning of carrying out of policy of reforms its critical reconsideration has begun. The Chinese scholars in detail study the Soviet model of socialism and its role in death of Soviet Union. The analysis of the Soviet model of socialism allows an understanding of its role and place in history.

**Key words:** the Soviet model of socialism, Soviet Union, China, Lenin, Stalin, mobilization model of progress, death of the USSR, reform, capitalism, liberalism.

В 50-е гг. XX в. Советский Союз оказывал Китаю как своему другу и союзнику самую широкую помощь и поддержку в строительстве социализма, создании и развитии тяжёлой промышленности. Вполне естественно, что многое из советского опыта экономического и социального развития тогда было перенято в КНР. В первое время там не было и тени сомнения в правильности советских подходов и методов строительства социализма, но после XX съезда КПСС (1956 г.), вскрывшего серьёзные изъяны советского режима, китайское руководство стало более критично относиться к советскому опыту. Мао Цзэдун начал предлагать, как он считал, более совершенные и более отвечающие условиям своей страны пути решения социально-экономических проблем [1]. Когда же в ходе «большого скачка», закончившегося полным провалом, не удалось доказать их преимущество перед советскими методами, это не поколебало его уверенности в собственной правоте, а только усилило неприязненно-критическое отношение к СССР. В дальнейшем советско-китайская дружба совсем расстроилась, стала перерастать в конфронтацию, что привнесло в двусторонние отно-

шения много негативного, мешающего взаимопониманию. Но одно было совершенно ясно: Китай дальше намерен «жить своим умом».

Окончательно идея собственного пути развития получила своё воплощение в конце 70-х — начале 80-х гг. в концепции строительства социализма с китайской спецификой и в ходе осуществления политики реформ. В 80-е гг. в Китае получила распространение идея множественности моделей социализма и развернулась критика недостатков советской (сталинской) модели\*. Следует отметить, что эта критика имела как научное, так и практическое значение. Внедрение рыночной экономики в КНР требовало критического переосмысления прежнего опыта, в том числе связанного с советским влиянием, а также поиска новых подходов в решении сложных проблем модернизации китайского общества. После крушения СССР открылись новые направления исследований советской модели, её положительных и отрицательных сторон, так как в Китае почувствовали острую необходимость глубже понять, каким образом можно избежать повторения чужих ошибок, представляющих опасность для существования государства. Интерес к этой теме в Китае не ослабевает до сих пор.

Северо-Восток КНР был наиболее сильно подвержен советскому влиянию, так как территориально он расположен вблизи бывшего СССР, на него пришёлся наибольший объём советской помощи, здесь была создана мощная промышленная база и начала формироваться социально-экономическая модель во многом сходная с советской. Эти вопросы уже рассматривались как китайскими, так и российскими учёными [2, с. 7—8; 3]. В настоящее время данная проблема вновь стала актуальной в связи с необходимостью реконструкции старой промышленной базы и всей социально-экономической структуры региона, сложившейся в 50-е годы прошлого века.

## I

Первый этап критики в КНР советской модели социализма охватывает период 80-х гг. и по 1991 г. включительно, то есть до крушения СССР. Хотя в начале статьи речь шла не о модели, а о советской системе, но их объединяет то, что в отличие от 60—70-х гг., когда в негативном плане рассматривалось в основном послесталинское время, критическому переосмыслению подвергся весь советский социализм, начиная с 1917 г.

Поскольку в Китае особый вес имеет мнение инициатора политики реформ Дэн Сяопина, прежде всего следует обратиться к его взглядам на данный вопрос. Они были обобщены в статье Чэн Ючжуна «Взгляды

---

\* Правильнее было бы говорить не о модели, что подразумевает точное воспроизведение первоначального образца — задачу в данном случае практически невыполнимую, а о типе, системе или подходе к строительству социализма. Поэтому следует иметь в виду, что понятие «советская модель» достаточно условное. Автор использует его как закрепившееся в научной литературе.

Дэн Сяопина на советскую модель социализма», опубликованной в журнале «Изучение Восточной Европы и Центральной Азии».

Ещё в 1956 г., после XX съезда КПСС, Дэн Сяопин вместе со всем китайским руководством начал придерживаться позиции «учиться у СССР хорошему, не повторять советских ошибок». В первой половине 60-х гг. он уже руководил полемикой Китая с Москвой по проблемам мирового коммунизма. Тогда же он отмечал недостатки советской политической системы, состоящие в том, что она породила культ личности и ей не хватало демократии и контроля. В 1980 г. в связи с необходимостью реформирования руководства партией и государством Дэн Сяопин напомнил о советском влиянии, идущем со времён Коминтерна и проявившемся в высокой концентрации власти в руках руководителей коммунистических партий. А также о широком распространении бюрократизма, тесно связанного с «высокоцентрализованной системой управления экономикой, политикой, культурой, обществом, в течение длительного времени считавшейся необходимой для социализма и плановой системы управления» [4, с. 28]. В ходе проведения экономических реформ он отмечал, что в сельском хозяйстве не следует копировать западные или советские методы, а исходить из условий Китая. В СССР, по его мнению, сравнительно хорошими были ленинские идеи НЭПа, но потом советская модель закоснела. Если заниматься только плановой экономикой, не уделяя внимания рынку, то это может сковать развитие производительных сил [4, с. 28].

В 80-е гг. Дэн Сяопин активно пропагандировал своё отрицательное отношение к советской модели при встречах с руководителями Польши, Чехословакии, Югославии, Мозамбика. Во время встречи с Горбачёвым в мае 1989 г. он заявил, что все страны должны строить социализм в соответствии с собственными условиями, твёрдой модели нет. Если же упорно стоять на старой точке зрения, то можно отстать и даже потерпеть поражение [4, с. 29].

Говоря о взглядах Дэн Сяопина на советскую модель в плане международных отношений, Чэн Ючжун отмечает его критику КПСС как «партии-отца», а также советского «гегемонизма» и «великодержавного шовинизма». В отношении «партии-отца» можно сказать, что КПСС оказалась в этой роли в силу исторических обстоятельств как старейшая, самая опытная и большая коммунистическая партия. Поэтому ничего здесь особенно предосудительного не было, учитывая, что другие компартии действительно нуждались и в советах, и в поддержке. Независимость, самостоятельность, учёт местной специфики, на чём с некоторых пор начала настаивать КПК, также очень важны. Но нельзя забывать, что в то время шло ожесточённое противостояние двух мировых систем — социалистической и капиталистической, и любая несогласованность или раскол в одном лагере были на руку силам другого лагеря. Китай в острых спорах и борьбе с КПСС полностью отстоял свою самостоятельность и независимость, только это резко ослабило позиции социалистической системы перед лицом мирового капитализма. Потом не стало самой «партии-отца» и большей части социалистических государств. Излишне говорить, какая сторона при этом выиграла.

Тезис о советском «гегемонизме» и «великодержавном шовинизме» прочно закрепился в КНР и превратился в клише, постоянно повторяющееся в публикациях о послесталинском СССР. В сущности, это не более чем ярлыки времён китайско-советской конфронтации. Тогда обвинения в гегемонизме появились в связи с утверждениями китайских левых радикалов о том, что СССР якобы переродился, отбросил коммунизм и все силы сосредоточил на борьбе с Соединёнными Штатами за мировую гегемонию [5; 6]. Хотя совершенно очевидно — Советский Союз не изменил своего «цвета» и продолжал ту же борьбу с капиталистическим миром, которая велась им с 1917 г. Что касается советского «великодержавного шовинизма», то это чистая фантазия, рождённая в пылу конфронтации. В СССР не было никаких настроенных великодержавно шовинистических элементов, групп или социальных слоёв. Ведь не может же великодержавный шовинизм существовать без его носителей. Конечно, в годы китайско-советского конфликта имело место серьёзное противостояние между двумя государствами, но его, на наш взгляд, можно характеризовать, используя более адекватную терминологию.

В нараставшем потоке критики советской модели нельзя не обратить внимание на авторитетное мнение бывшего директора Института марксизма-ленинизма — идей Мао Цзэдуна Юй Гуаньюаня, который призывал углубить исследования в данной области, при этом обратить особое внимание на полемику Сталина с Бухариным и учитывать всю сложность обстановки в СССР в 30-е гг. О том, как советская модель утверждалась в КНР, он высказался ясно и определённо: «В вопросе выбора социалистической экономической системы Китай не подвергался какому-либо давлению со стороны Сталина. В области экономической и социальной политики, мы сохраняли независимость и самостоятельность» [7, с. 9—10].

В 1988 г. связи с ростом интереса в Китае к изучению советской модели социализма редакция журнала «Шицзе лиши» («Мировая история») провела «круглый стол» на эту тему. В нём приняли участие более 20 специалистов по экономике и мировой истории. В четвёртом номере журнала за 1988 г. была опубликована подборка из 14 статей участников «круглого стола». Она интересна тем, что в ней нашли отражение самые разные аспекты критики советской модели и её оценки, характерные для периода 80-х гг.

Подборка открывается статьёй директора Института Советского Союза и стран Восточной Европы Академии общественных наук (АОН) Китая Сюй Куя [8, с. 1—4]. Он отметил, что в ходе перестройки в СССР развернулось обсуждение исторических истоков современных проблем советского общества и сослался на выступление М.С. Горбачёва на январском (1987 г.) Пленуме ЦК КПСС, на его доклад «Октябрь и перестройка: революция продолжается», а также книгу «Перестройка и новое политическое мышление для нашей страны и всего мира», в которых было обобщено историческое развитие Советского Союза за несколько последних десятилетий. В связи с публикацией в «Советской России» письма Н. Андреевой и последовавшего затем отклика «Правды» на него, Сюй Куй констатировал наличие в СССР

неодинаковых точек зрения на сталинскую модель социализма, утвердившуюся в 30-е гг. Позитивное значение критики этой модели социализма, по мнению китайского учёного, состоит в том, что она способствует преодолению Советским Союзом собственного догматизма и окажет соответствующее влияние на другие страны. Для Китая такой критический подход был актуален в связи с тем, что в течение длительного времени сталинский «Краткий курс истории ВКП(б)» являлся «энциклопедией марксизма-ленинизма», что не могло не оказать глубокого влияния на народ.

Лю Кэмин, учёный того же института, рассмотрел изменение советских представлений о социализме [9, с. 4—8]. Как известно, Хрущёв в своё время начал проводить реформы, но ему так и не удалось выйти за рамки сталинской модели. Брежнев в начале своего правления попытался улучшить положение в экономике, но не довёл дело до конца, и страна пришла к застою. Сохранению многих ошибочных теоретических положений в те годы способствовали упрощённые представления о социализме. Лю Кэмин назвал эту разновидность социализма «социализмом быстрого перехода к коммунизму».

Только в ходе перестройки, пишет он далее, произошли серьёзные сдвиги в советской модели. От попытки «быстрого построения коммунизма» перешли к длительному претворению в жизнь социалистических отношений. В вопросах социалистической собственности, социальной структуры в СССР поняли, что жизнь обнаруживает тенденцию к многообразию, а не единообразию. Коренные изменения произошли в управлении экономикой. Вновь был сделан акцент на использовании достижений научно-технической революции и перестройке производительных сил общества. Демократия и гласность стали широко использоваться в перестройке политической системы.

Большинство из этой подборки публикаций было посвящено анализу различных аспектов жизни советского общества сталинского периода. Так, Сюй Тяньсинь (исторический факультет Пекинского университета) полагал его коренной проблемой то, что Сталин «не верил крестьянству» и рассматривал его в качестве резервной армии пролетариата, которую можно «использовать для строительства основ социализма» [10, с. 8—11]. Хотя Сталин не мог подобно Троцкому заявить, что не доверяет середняку, однако идейно он был в основном солидарен с последним. Далее Сюй Тяньсинь приводит ряд примеров дискриминации крестьян в то время: неравные с рабочими избирательные права, отсутствие у крестьян своей политической партии, принятие важнейших решений, таких, как сплошная коллективизация, без обсуждения с представителями крестьянства. А также использование предложенной в своё время Преображенским идеи о «ножницах цен» на промышленную и сельскохозяйственную продукцию, оценённую Бухариным как «военно-феодалная эксплуатация». Такое отношение к крестьянству, с точки зрения китайского историка, заложило основу последующего неравномерного развития экономики, дальнейшего отставания сельского хозяйства, а затем привело к репрессиям 30-х годов.

Ван Чжэнцюань (Институт СССР и стран Восточной Европы Народного университета Китая) проследил основные моменты формирования советской политической модели и характерной для неё высокой степени концентрации власти [11, с. 11—15]. Он пишет, что система времён Сталина не упала с неба и не появилась вдруг, она начала создаваться в специфических условиях, которые возникли в стране после победы Октябрьской революции. Тогда как раз произошёл сдвиг от многопартийного сотрудничества к однопартийной системе, от полновластия Советов к контролю партии над Советами, от идеи вооружения всего народа к созданию регулярной армии, от избрания кадровых работников к их расстановке. Получили распространение чрезвычайные меры. Чистка охватила самые различные сферы. Власть в партии всё больше концентрировалась в Политбюро, была запрещена любая фракционная деятельность.

Хотя Ленин, подчёркивает Ван Чжэнцюань, много внимания уделял вопросам развития демократии, но не успел осуществить реформу складывавшейся политической системы. Позже культ личности Сталина способствовал дальнейшей концентрации власти. Полностью эта система власти сформировалась в 30-е гг. Ван Чжэнцюань называет десять, по его мнению, основных аспектов «сталинской модели социализма». В их числе — концентрация власти в руках генерального секретаря ЦК партии, ограничение внутрипартийной демократии и демократических прав народных масс, расширение партийного аппарата, усиление подмены правительства партией, укрепление системы кадровой номенклатуры. К этим аспектам Ван Чжэнцюань относит также ограничение прав союзных республик и мест, всё большую концентрацию законодательной и исполнительной власти на всесоюзном уровне, возвышение органов госбезопасности над партией и государством и некоторые другие факторы.

Вэнь И (Институт мировой истории АОН Китая) отметил тот факт, что формирование сталинского политического курса завершилось в борьбе вокруг вопроса о темпах социально-экономических преобразований [12, с. 18—22]. Но чем выше были темпы, тем сильнее промышленность отрывалась от сельского хозяйства. Это привело к снижению сельскохозяйственного производства и выступлениям крестьян против советской власти. Из-за нарушения соотношения между капитальными вложениями и накоплением производство стало отставать от потребностей людей, что, в конечном счёте, отрицательно сказывалось на самом производстве. Опора на командно-административные методы в достижении высоких темпов усиливала бюрократическую прослойку, создавала угрозу отрыва руководства партии от рядовых её членов, партии от масс. Последствия всего этого оказались очень серьёзными. Массы стали связывать социализм с осуществлением политики высоких темпов. Укрепилось представление, что советский социализм является единственной его моделью. После отказа от ленинской новой экономической политики (НЭП) единственно соответствующими «социалистической теории» стали считать закоснелые взгляды военного

коммунизма. «Краткий курс истории ВКП(б)» ещё более усугубил ситуацию, закрепив ошибочные теоретические положения.

Попытку осветить философский аспект сталинской модели предпринял профессор Цзинь Хуэймин — заведующий теоретическим сектором отдела пропаганды ЦК КПК [13, с. 43—46]. Анализируя работу Сталина «Диалектический и исторический материализм», он пришёл к выводу, что для неё характерны упрощение и абсолютизация, проявившиеся в подчёркивании какой-либо одной стороны явления. А упрощённая связь философских принципов с практикой стала причиной их вульгаризации.

Чжэн Ифань (редакционно-переводческий сектор ЦК КПК) в своей статье показал, что Сталин привнёс в социализм много ошибок и отрицательных явлений, а многое из того, что действительно присуще социалистическому обществу, было им отброшено [14, с. 28—32]. Одну из имеющих негативное значение проблем автор видит в провозглашении в 1936 г. социализма построенным, хотя в то время СССР ещё далеко отставал от развитых стран, а в сельском хозяйстве даже не достиг уровня царской России 1913 г. Вскоре после этого стали говорить о переходе к коммунизму. При Хрущёве волюнтаристски были поставлены «конкретные задачи» по строительству коммунистического общества. Потом пришлось отступить в определении исторического этапа, на котором находилось советское общество. И только при Горбачёве была найдена в какой-то мере соответствующая реальности формулировка «развивающийся социализм». Кроме того, строительство социализма неразрывно связано с мировым развитием, в частности с развитием экономики, поэтому Ленин так настойчиво разрушал империалистическую блокаду. Сталин же в течение длительного времени осуществлял политику «закрытых дверей», самоизолировался на международной арене и, в конце концов, нашёл себе «друга» — главу немецкого фашистского государства Гитлера.

Среди других моментов, привнесённых Сталиным в социализм и считавшихся его закономерностями, Чжэн Ифань подверг критике высокие темпы развития, особенно тяжёлой промышленности, коллективизацию сельского хозяйства, стремление к максимальному уровню обобществления. Он пишет, что высокие темпы развития производства не были связаны с военной угрозой Советскому Союзу, так как в 1928—1929 гг. во время споров Сталина с Бухариным по этому вопросу её просто не существовало. Затем в капиталистическом мире разразился экономический кризис, и у него не было сил для развязывания войны. А фашизм пришёл к власти в Германии только в 1933 г. Чжэн Ифань также считает, что не высокие темпы развития тяжёлой промышленности обеспечили победу СССР в Великой Отечественной войне, а система военного коммунизма, утвердившаяся в 1929 г. после ликвидации НЭПа. Эта система подходила не для мирного строительства, а именно для ведения войны.

Оценивая преобразования в сельском хозяйстве, Чжэн Ифань пишет, что Ленин и Бухарин выступали за кооперацию в деревне, и это принципиаль-

но отличалось от того, что сделал Сталин своей политикой «сплошной коллективизации». Колхоз стал формой управления деревней, обеспечивающей сдачу государству продовольствия. У крестьян были отобраны средства производства. Они потеряли возможность самостоятельно производить продукцию и утратили право по своему желанию выйти из колхоза.

В промышленности стремление максимально обобществить производство привело к тому, что рабочие были отчуждены от средств производства, их права владения и распределения стали осуществлять управленцы. В конечном счёте трудящиеся утратили чувство хозяина и активность в общественном производстве.

Чжэн Ифань отмечает, что в СССР необходимо, устраняя всё наносное, восстановить подлинную сущность социализма. В этом он видит суть лозунга, выдвинутого Горбачёвым, — «больше социализма», и подчёркивает важность развития при социализме демократии, товарной экономики и законности.

Рассматривая вопросы формирования советской модели социализма, китайские учёные затрагивали также проблему альтернативности в развитии советского общества. В частности Чжан Вэйюань (Институт марксизма-ленинизма Пекинского педагогического университета) замечает, что, говоря о «советской модели», обычно указывают на «сталинскую модель», но в действительности в советской истории существовали две неодинаковые модели: одна ленинская позднего периода (НЭП), другая сталинская. Далее он показывает это на примере того, как в 20-е гг. решались вопросы индустриализации, коллективизации и товарного хозяйства [15, с. 36—40].

В «Кратком курсе...», пишет Чжан Вэйюань, закреплено положение о том, что сталинская индустриализация ведёт своё начало с XIV съезда ВКП(б). Но в действительности на этом съезде ещё не говорилось о «преимущественном развитии тяжёлой промышленности». Не было такого акцента и в решениях пленумов ЦК ВКП(б) в тот период. Росту тяжёлой промышленности тогда уделялось достаточно внимания, но вместе с тем не игнорировалось развитие лёгкой промышленности и сельского хозяйства. XV съезд ВКП(б) даже предостерегал от перемещения капиталов из сельского хозяйства в промышленность, так как это грозило политическим разрывом с крестьянством, подрывом сырьевой базы, рынка и равновесия всего народного хозяйства. Лишь в апреле 1929 г., уже после удара, нанесённого по Бухарину, на XVI конференции ВКП(б) был выдвинут курс на «преимущественное развитие тяжёлой промышленности».

Наличие этих двух моделей проявилось и в подходе к сельскому хозяйству. Это были ленинская новая экономическая политика и сталинская модель нового «военного коммунизма». В товарной экономике Сталин видел опасность создания условий для реставрации капитализма. Бухарин же поддерживал развитие товарной экономики, полагая, что политическая власть пролетариата гарантирует от возможности реставрации капитализма. В результате анализа Чжан Вэйюань пришёл к выводу, что ленинская, а затем бухаринская модель была гораздо более экономически обоснованной, чем сталинская.

Ма Луншань (Институт мировой истории АОН Китая) пишет о бухаринской модели в идеологии и культуре в период 1925—1929 гг. и отмечает такие её черты, как осуществление партией лишь общего руководства наукой и культурой, поощрение свободного соперничества всех групп учёных и научных течений, свободная полемика (как основной метод руководства идеологией и культурой) [16, с. 22—25]. Всё это, конечно, резко контрастировало с теми методами, которые использовал Сталин.

И всё же, почему победила сталинская модель социализма? Сунь Чжэньюань (Институт мировой экономики и политики АОН Китая) видит причины в условиях того времени: империалистическое окружение, неразвитость производительных сил, нереалистическая оценка ситуации в мире [17, с. 25—28]. Тогда считали, что общий кризис капитализма в скором времени приведёт к замене капитализма социализмом в мировом масштабе. Перед страной соответственно ставилась задача, опираясь на собственные резервы, за короткое время развить производительные силы и превзойти развитые капиталистические страны. Такие особенности сталинской модели социализма, как высокая централизация власти, директивное планирование в экономике, подмена правительства партией и, прежде всего, партийным руководством, хотя во многом и не соответствовали концепциям Маркса и Ленина, но они, отмечает Сунь Чжэньюань, превратили Советский Союз в мощное в военном отношении государство, нанёсшее поражение немецкому фашизму и заставившее «трепетать от страха весь мир». Поэтому такая модель явилась образцом, которому стали следовать другие социалистические государства. Но она была незрелой. В экономике много внимания уделялось развитию производства и очень мало улучшению жизни людей. Был допущен также ряд других перекосов. Например, в политике обращали внимание на централизм, а не на демократию.

Для устранения пороков «сталинской модели» нужны были реформы. Став во главе ЦК КПСС, Хрущёв приступил к их практическому осуществлению. Отказавшись от сталинской политики «пушки вместо масла» и идя навстречу желаниям масс, он избрал стратегию «и пушки, и масло». В идейно-политической области Хрущёв развернул критику культа личности Сталина. В области теории были выдвинуты идеи мирного существования, соревнования двух мировых систем, мирного перехода стран к социализму. Осуществляя преобразования в экономике, он из 25 союзных и 113 республиканских министерств создал 105 совнархозов. Была пробита прежняя «окостенелость» в вопросах товарного производства и начались дискуссии экономистов. Также в определённой мере была восстановлена демократия в государственной и партийной жизни. А в целом китайский учёный считает, что Хрущёв, хотя и осуществил ряд преобразований, однако не смог реформировать основы сталинской модели. В определённом смысле можно сказать, что он заложил основу для реформ Горбачёва.

Чэнь Чжихуа (Институт мировой истории АОН Китая) в своей статье исходит из того, что советская модель не является порождением субъективных взглядов Сталина, а была создана определённой исторической эпохой

[18, с. 34—36]. При этом свою роль сыграло то, что дореволюционная Россия была экономически, политически и культурно относительно отсталой страной. Строить социализм пришлось в условиях капиталистического окружения и приближающейся войны. И, наконец, существенным было то, что в 20—30-е гг. многие теоретики ещё не избавились от пут догматизма. В начале своего существования сталинская модель соответствовала уровню производительных сил Советского Союза и идейно-культурному уровню народа того времени, поэтому она смогла сыграть активную роль.

Другой исследователь — У Жэньчжан (Институт Советского Союза и стран Восточной Европы АОН Китая), также отмечает историческую обусловленность формирования советской модели социализма [19, с. 32—33]. Фактически она представляла собой систему военного времени, которая в последующем уже не отвечала необходимым требованиям, так как подавляла активную созидательную деятельность масс, сковывала развитие социалистической экономики, не соответствовала современным темпам развития мировой научно-технической революции. Всё это обусловило необходимость проведения реформ. Сначала это была неудачная попытка 50-х гг., потом реформы возобновились в ходе перестройки.

Окидывая взором полувековой период от «Краткого курса истории ВКП(б) до «Перестройки и нового мышления», У Жэньчжан выделяет два конкретных момента: утверждение высокоцентрализованной системы военного времени и начало «всесторонней коренной перестройки». Он подчёркивает, что советская перестройка как составная часть исторической тенденции развития всех социалистических стран по пути реформ играет огромную роль.

Более подробно особенности советской перестройки рассматривает Чжан Чжунъюнь (партийная школа при ЦК КПК) [20, с. 40—43]. Он отмечает, что Горбачёв смело разбил оковы старого мышления и бросил вызов консервативным силам, вскрыл «механизм торможения» и считал социализм делом самого народа, отказался от идеализации строя и «перескакивания» через этапы. Чжан Чжунъюнь указывает на перемены, которые произошли в Советском Союзе за три года перестройки. Это прежде всего оживление в идейно-теоретических кругах, утверждение нового мышления и преодоление прежней монополии высшего руководства партии в области теории. Во внутренней жизни он отмечает постепенное развитие открытости, демократизацию, оживление экономики. В числе новых аспектов в отношении международного коммунистического движения были названы отход от «брежневизма», то есть монополии на истину и права распоряжаться, провозглашение независимости и равенства всех партий. В области внешней политики автор акцентирует внимание на новом понимании Советским Союзом международной обстановки и его активных шагах в таких важных для всего человечества вопросах, как сокращение вооружений, разрядка международной напряжённости.

Изучая советскую модель социализма, китайские учёные отмечали значение советского опыта для Китая. Юй Гуанъюань (учебный отдел АОН Китая) считал, что в ходе строительства социализма необходимо обобщать опыт

не только Китая, но и других стран, особенно Советского Союза — первого социалистического государства. К тому же после образования КНР многое из того, что делалось здесь, испытывало на себе влияние СССР, и поэтому, замечает автор, советский опыт во многом является собственным опытом и уроками Китая [21, с. 15—18].

По другим публикациям того времени видно, что этот опыт стал восприниматься в основном негативно. На начальном этапе существования КНР китайское руководство под влиянием СССР отказалось от проведения политики новой демократии и приняло курс на переход к социализму. Следуя «шаг в шаг» за Советским Союзом, Китай приступил к осуществлению пятилетних планов. Но сорокалетний опыт показал, об этом пишет Лю Цзунъюяо из провинции Сычуань, что успешными были только первая и шестая пятилетки. Более того, он связывает «большой скачок» и особенно возникшее накануне его «слепое забегание вперёд» с влиянием косной модели пятилетних планов [22, с. 1—10].

Перестройка в СССР вызвала в КНР интерес к различным аспектам формирования советского социализма, и в этой связи китайскими учёными также много внимания уделялось изучению советской модели. Наиболее распространённой точкой зрения стала мысль о том, что «после войны советская модель уже не соответствовала объективным потребностям развития социализма» и её реформа стала исторически неизбежной. Особенностью этого периода было соединение исследований советской модели и формирования социализма [23, с. 572].

## II

После распада СССР в Китае начался новый, продолжающийся и в настоящее время, этап изучения советской модели социализма, характеризующийся поиском глубинных причин драматических изменений в нашей стране. В течение первых пяти лет внимание китайских обществоведов переклонило на разработку новой темы «История расцвета и гибели СССР», включённой как важнейшая в план работы Академии общественных наук Китая на 9-ю пятилетку [24, с. 49—53]. Проблематика советской модели стала частью этой большой темы [25, с. 123—125].

Научный поиск вёлся широким фронтом. Первостепенное внимание уделялось изучению советских документов. Здесь следует отметить опубликованный в 1998 г. большой (в пяти частях) и содержательный труд директора Института России, Восточной Европы и Центральной Азии Син Гуанчэна «Решения, принятые в СССР за 70 лет на высшем уровне. — От Ленина до Горбачёва». В поле зрения исследователей также была иностранная научная литература. В 1995 г. вышла книга «Зарубежные учёные о сталинской модели». В научных журналах публиковались и продолжают публиковаться в настоящее время переводы наиболее важных статей иностранных авторов [26, с. 119—122]. Было проведено большое количество научных конферен-

ций. Результаты исследований обобщались в статьях, сборниках. В конце 90-х гг. стали выходить коллективные и индивидуальные монографии, в которых подробно рассматривались история формирования советской модели, её особенности, сущность, роль в советской и мировой истории.

Интересные суждения о социализме в СССР и его сталинской модели мы находим в вышедшей в Пекине монографии «Расцвет и гибель СССР и перспективы социализма». Авторы относят возникновение сталинской модели к 1929 г. и категорически не согласны с теми, кто полагает, что она возникла после смерти Ленина в 1924 г. [27, с. 464]. Действительно, 1929 г. можно взять за исходный. Он известен в советской истории как «год великого перелома», когда сталинский режим окончательно утвердился у власти, и начались социально-экономические преобразования по планам и замыслам «вождя». Это важный, но частный вопрос. Более основательная проблема, поднятая в книге, — «восточная» специфика Октябрьской революции и её значение для советского социализма.

Представление об Октябрьской революции как революции «восточного типа» авторы связывают со сложившейся в то время обстановкой. Тогда коммунисты оказались перед проблемой: либо отказаться от «пробуждения» мировой революции, либо несмотря ни на что стараться продвигать её на Запад, либо, исходя из конкретных условий российского общества, искать новый путь строительства социализма. Особое положение России заставило Ленина задуматься о её «восточном» характере. В подтверждение приводится его высказывание, в котором о России говорится в числе других угнетённых стран, таких как Персия, Турция, Китай с общей численность населения в 1 млрд. 500 млн. чел. Социализм предстояло строить в отсталой стране, в этом состояла её «восточная» специфика. Сталин же, говорится далее, пренебрегал ею, механически использовал принципы обобществления собственности, диктатуры пролетариата и другие, превратил советскую модель социализма в стандартную, продвигал её на Восток и на Запад. Она оторвалась от реальной обстановки в России и ещё меньше подходила для других стран. Дальнейшая судьба «восточного» пути в международном социалистическом движении, по мнению авторов, вылилась в обретение им своей специфики (вероятно, имеется в виду, прежде всего китайская специфика), но для избавления отсталых стран от капиталистической эксплуатации и угнетения он по-прежнему сохраняет своё значение [27, с. 390—395].

Восточный угол зрения на советскую историю удивляет своей парадоксальностью. Оказывается, что восточный человек Сталин проводил недостаточно восточную политику в строительстве социализма в государстве с легко узнаваемыми чертами восточной деспотии. Хотя авторы во многом правы: для Сталина было характерно стремление точно следовать постулатам марксизма, не особенно считаясь с местными условиями, а недобор «восточности» с лихвой компенсировался его вождистским деспотизмом. Но дело не только в этом. Восточная специфика России, идущая из глубины веков, — большая, сложная проблема, и важно попытаться понять, как она повлияла на советский социализм.

Конечно, нельзя безоговорочно ставить Россию начала XX в. в один ряд с отсталыми восточными странами. Правильнее будет сказать, что она была не отсталой, а отставшей в своём развитии. Это, во-первых. Поэтому ей были близки и понятны проблемы развития восточной периферии капиталистического мира. А во-вторых, несмотря на наличие восточных элементов и влияний в своей культуре, что также способствовало её сближению с революционным Востоком, она оставалась страной евразийской. Из истории, по крайней мере с XIII в., хорошо видно, как она, склоняясь то в сторону Востока, то в сторону Запада, играла роль своеобразного балансира. Прозизошедший после Октябрьской революции полный разрыв с Западом неизбежно подталкивал её в сторону Востока. Стоит также вспомнить идею Ленина о России как слабом звене в мировом капитализме и тот факт, что здесь слабое звено не заканчивалось, его продолжением были поднимавшиеся на борьбу за своё освобождение народы колоний и полуколоний. Всё это вместе взятое и определило восточный путь социализма.

Далее пекинские обществоведы прослеживают всю историю советского социализма, его внутреннюю и внешнюю политику и отмечают те негативные стороны, которые, в конце концов, привели его к гибели. В том числе упрощения, односторонность, догматизм, косность, отрыв от народных масс. А также недостаточно настойчивое развитие экономического строительства, увлечение гонкой вооружений и мировой революцией. Среди других изъянов — слабое удовлетворение материальных и культурных потребностей народа, отсутствие своевременного выявления и разрешения конфликтов реальной жизни, непрерывного реформирования и улучшения социалистического строя и т.д. [27, с. 414].

Столь суровые оценки явно не учитывают всей сложности исторических условий советского периода. Но один из отмеченных недостатков, касающийся выявления и разрешения конфликтов реальной жизни, на который у нас обычно не обращают внимания, является особенно серьёзным. Быстрый экономический рост снимал остроту конфликтов, оттеснял их на второй план, и казалось, ничто не сможет помешать устойчивому развитию страны. Но когда темпы роста экономики стали снижаться, обнаружилось, что отсутствие опыта и нежелание заниматься разрешением противоречий, не говоря уже о конфликтах, ведёт к обострению имеющихся проблем и вызывает новые там, где их можно было вообще избежать. На каком-то этапе этого процесса и произошла гибель СССР в полном расцвете его мощи.

В фундаментальном труде учёных Академии общественных наук Китая под редакцией Лу Наньцюаня «Об истории расцвета и гибели СССР» изучению советской (сталинской) модели социализма отводится центральное место, она рассматривается как ключ к раскрытию секрета расцвета и гибели советского государства. Лу Наньцюань в предисловии отмечает принципиальные расхождения среди китайских учёных в оценке сталинской модели. Одни в целом или частично оценивают её положительно, другие утверждают, что сталинская модель сформировалась на основе догматического понимания марксизма, и не соответствует научному социализму. Предстояло

разобраться во всём этом, углубившись в изучение причин её возникновения, её исторической роли, показать ограниченность сталинской системы и необходимость её реформирования [28, с. 4, 14].

Причины возникновения сталинской модели авторы связывают с российской традицией укрепления государственности. Сталин был таким же «укрепителем государства» как Иван Грозный, Пётр Великий, Екатерина II, Александр I. Видна их преемственность в идеях и методах, кроме знамени социализма. В значительной мере это было копирование «успешного опыта» российской истории [28, с. 16].

В послеоктябрьский период «нормальным путём строительства социализма», с использованием рыночных отношений, по мнению авторов, был НЭП. Его появление считают не случайным и объясняют как возврат Ленина к его дореволюционной идее о том, что Россия не может просто так перешагнуть капитализм, как этап своего развития. Уже после неудачи с военным коммунизмом он понял, что решение этой проблемы в использовании товарной экономики, что она не противоречит социализму [28, с. 242—243].

Сталин, как известно, избрал другой курс. После ликвидации НЭПа в ходе коллективизации, сверхиндустриализации и политических чисток сформировалась сталинская модель социализма. Названы три её основные особенности: 1) высокоцентрализованная власть, ядром которой была слепая вера в одного человека, и его личное самоуправство; 2) господство государства в экономике, основанное на широкой подготовке к войне, и подход к ней с административно-командных плановых позиций; 3) закрытость государства (превращение его в один военный лагерь), которая является медленным способом самоубийства. В стране утвердилась высокоцентрализованная плановая система, в которой предприятия и территории не имели никакой самостоятельности. Жизнь народа оказалась на втором плане, темпы развития сельского хозяйства и лёгкой промышленности не поспевали за развитием тяжёлой промышленности [28, с. 14, 21].

Отдавая должное достижениям сталинского времени, в книге говорится, что в 30-е гг. сталинская советская модель сыграла «некоторую роль» в развитии производительных сил общества, в подготовке условий для победы в войне против гитлеровского фашизма. Однако нельзя переоценивать эту роль. Приводится сравнение с войной против Наполеона и делается вывод, что СССР за развитие военной и тяжёлой промышленности заплатил слишком высокую цену, растратив огромные человеческие ресурсы [28, с. 22].

Здесь нельзя не возразить. «Некоторая роль» на самом деле была мощной мобилизацией всех сил и средств страны, в результате которой произошёл невиданный в мире индустриальный скачок, нацеленный на преодоление отсталости и укрепление обороны. Сегодня, когда Вторая мировая война уже осталась в далёком прошлом, хорошо видно, что ничто, сделанное Советским Союзом для подготовки к войне, не было лишним. В 30-е гг. это хорошо понимало советское руководство, так как знало, что воевать придётся с такими сильными противниками, уже показавшими своё мастерство в недавних войнах с Россией, как Япония и Германия.

Сталинская модель рассматривается авторами как единая целостная система, соединяющая в себе экономическую, политическую и идеологическую модели, имеющие свои собственные особенности. Все эти модели взаимосвязаны, для них характерны взаимопроникновение и взаимодополняемость. Показаны особенности сталинской экономической модели. Главные из них — система экономического господства государства при высокой централизации власти и директивная плановая экономика. Экономическое развитие было связано со стремлением «догнать и перегнать развитые капиталистические страны» и отдавать преимущество тяжёлой промышленности [28, с. 457, 477, 486].

Отмечены два основных отличия сталинской модели по сравнению с другими существовавшими в истории системами высокой концентрации власти. Первое состоит в том, что она связана с государством рабочих и крестьян, имела целью строительство социализма, коммунизма и несла на себе густой оттенок уравнительности. Второе — сверхвысокая степень централизации. Если в феодальном обществе концентрация власти имела место в основном в идейно-политической области, то в советском обществе — в политической, экономической и идейно-культурной областях. При этом сталинская модель сыграла свою роль в истории: «в специфический исторический период» способствовала развитию производительных сил общества, особенно тяжёлой и военной промышленности, и созданию индустриальной базы советского социализма; стала мощной гарантией победы в войне с фашизмом [28, с. 488, 491—492].

Послесталинский СССР сохранил в себе многие прежние пороки, которые проявлялись в стремлении перескочить через этапы развития — построить коммунизм, «развитой социализм», и в постепенном загнивании политической системы. При Брежневле она становилась всё более косной и ориентированной на концентрацию власти. В 80-е гг. пороки системы также давали о себе знать [28, с. 30, 36].

Гибель советского государства стала результатом сложения многих факторов и обстоятельств. В монографии «Об истории расцвета и гибели СССР» они обобщены в выводах, основанных на критике советской модели. Всего их восемь. 1. После завоевания власти пролетариатом в экономически и культурно отсталой стране нельзя перескакивать через этапы развития, а надо сосредоточить усилия на развитии производительных сил, создавать необходимые материальные и культурные предпосылки социализма. 2. Социалистическое общество не имеет установленной модели и «окончательных закономерностей», которым можно следовать, оно изменяется, реформируется, реформы — неизбежный путь развития общества. 3. Социализм связан с капитализмом связями диалектического отрицания. При строительстве социализма в неразвитых странах следует внимательно учиться и не повторять ошибок капитализма, осуществлять политику открытости во внешний мир. 4. Социализм обязательно должен быть зажиточным и демократичным. Как говорил Дэн Сяопин, «...бедность это не социализм». 5. Пролетарская партия одновременно с руководством народными массами должна обращать

внимание на преобразование самой себя, чтобы получать доверие и поддержку масс, развивать внутрипартийную демократию, проводить политику при постоянном контроле народа в отношении партии и правительства. 6. Партия должна правильно относиться к интеллигенции, поддерживать с ней хорошие отношения. 7. В многонациональной стране партии следует, учитывая положение в стране, принять правильную теорию и курс в национальном вопросе. 8. Правящей партии надо делать правильный выбор стратегии и тактики реформ [28, с. 859—880].

Примером диаметрально отличающихся оценок сталинской модели в Китае являются две монографии, вышедшие с разницей в несколько лет. Одна, созданная коллективом авторов, называется «Изучение сталинской модели», другая — «Современное осмысление сталинской модели» молодого исследователя Шэнь Цзунъю. В первой монографии авторы исходят из простого определения сталинской модели как модели строительства социализма в соответствии с собственным пониманием Сталиным социализма. Но рассматривают её детально и основательно, включая такие аспекты, как тип собственности, экономическая, политическая и культурная системы, система управления экономикой, политический механизм, способы и пути индустриализации и коллективизации, национальный вопрос, идеология, деятельность партии. В числе важнейших — теоретический аспект сталинской модели.

В условиях строительства социализма в одной стране, в окружении капиталистических государств сформировались взгляды и теоретические подходы Сталина, касающиеся преимущественного развития тяжёлой промышленности, решения крестьянского вопроса, несовместимости социализма с товарным производством и другие. Отмечены три главные сталинские идеи: ускоренное построение социализма, создание экономических форм на пустом месте, постоянное обострение классово-борьбы. Воплощением сталинского понимания социализма стали полное огосударствление собственности и коллективизация как подготовка к огосударствлению в деревне, высокий уровень централизации принятия решений в управлении экономикой и соответствующая ей высокоцентрализованная политическая система. В сущности, Сталин от НЭПа вернулся к системе централизации периода военного коммунизма и развил её до крайних пределов, чтобы путём ускоренного подъёма производительных сил построить социализм и перейти к коммунизму [29, с. 429, 437—439, 443].

Такая модель социализма, говорится далее, не соответствует идеям марксизма-ленинизма и представляет собой особую модель государственного социализма\* [30, с. 272. ]. Трагизм Сталина состоял в том, что он опошлил, упростил и исказил понимание высоких идеалов социализма, снизил его стандарт. Его модель оказалась неуспешной, ей не хватало жизненной силы,

\* Сам Сталин категорически отрицал существование в СССР государственного социализма, объясняя это тем, что «частная собственность на фабрики, заводы, землю, банки, транспортные средства у нас отменена и заменена собственностью общественной» [30, с. 272].

ей была свойственна большая закрытость, косность, неспособность к саморегуляции, она препятствовала последовательному развитию производительных сил общества. Поэтому её поражение не стало неожиданностью [29, с. 460, 471].

Другая точка зрения на сталинскую модель представлена в книге Шэнь Цзунъю. Он считает, что это классический тип традиционной модели социализма, который существовал в СССР с конца 20-х до начала 50-х гг. Её рождение было связано с вынужденным обновлением системы в процессе модернизации СССР. В то время в стране был серьёзный кризис, международная обстановка неустойчивая, что вынудило советское руководство остановить осуществление объективно необходимого НЭПа и создать высокоцентрализованную сталинскую модель, которая сыграла важную роль в разгроме фашистской Германии и достижении исключительных успехов внутри страны. Фактически сталинская модель была моделью эффективной всесторонней модернизации, однако она имела свои серьёзные системные пороки, связанные с игнорированием экономических закономерностей, и её изменение стало исторически неизбежным. Распад СССР показал, что к реформированию социализма надо относиться осторожно, чтобы сохранить основные принципы научного социализма. Не следует полностью отказываться от традиционной модели социализма. Надо унаследовать её положительные стороны и путём «отсеивания» избавиться от её пороков [31, с. 1, 6, 8—10]. Советский опыт социально-экономических преобразований оказал огромное влияние на весь мир, что выразилось в подъёме социалистического движения, вынужденных уступках властей трудящимся в капиталистических странах, усилении роли государства в экономике. В определённом смысле новый курс президента США Рузвельта также был использованием советского опыта [31, с. 289].

Книга Шэнь Цзунъю является публикацией докторской диссертации и в ней помещены отзывы на его работу. В рецензии учёного совета Института марксизма-ленинизма, идей Мао-Цзэдуна положительную оценку получила точка зрения автора на сталинскую модель как сравнительно эффективный путь модернизации в отсталых странах. В двух других отзывах, подготовленных учёными АОН Китая, говорится, что сталинская модель — это первая практическая модель социализма, которая в основном соответствовала марксизму-ленинизму, и заслуга автора в том, что он дал отпор правым политическим силам Запада, отрицающим и атакующим сталинскую модель [31, с. 295—304]. Сравнивая два подхода к её оценке, можно было бы сказать, что истина лежит где-то посередине. Но, учитывая объективную обусловленность хода истории (ведь нельзя всё, что произошло в те годы в СССР, связывать с волей одного человека — Сталина), позиция Шэнь Цзунъю представляется более предпочтительной.

Полемика среди китайских обществоведов о советской (сталинской) модели не утихает. Гао Фан в рецензии на книгу профессора Центрально-китайского педагогического университета Чэн Ючжуна «Расчет и упадок советской модели» высказывает сожаление о том, что в кругах теоретиков

немало людей, которые преувеличивают неизбежность советской модели, её рациональность и превосходство, но мало касаются её пороков, а поражение связывают с правооппортунистическим уклоном и ревизионистской линией в период от Хрущёва до Горбачёва или возлагают вину на предательство одного-двух руководителей. На рынке достаточно книг такого содержания. Но Чэн Ючжун, пишет рецензент, не уподобляется «облаку, следующему за ветром», он имеет собственную точку зрения, основанную на фактах и личных наблюдениях во время стажировки в Ростовском университете в 1989—1990 гг., старается вскрыть пороки модели, развенчивает некоторые мифы о советской истории [32, с. 83—84].

Кроме монографий в Китае публикуется большое количество статей, посвящённых критике советской модели социализма, что позволяет охватить самые разнообразные аспекты изучаемой проблемы, связанные с историей, экономикой, политикой. Так, Гао Фан, профессор Института международных отношений Народного университета Китая, размышляя об историческом поражении советской модели, характеризует её как социалистический феодализм. В «Манифесте Коммунистической партии» Маркс и Энгельс писали о феодальном социализме, который представлял интересы феодалов и аристократии и под социалистическими лозунгами выступал против развития капитализма. Советский Союз являлся социалистическим государством, где были ликвидированы эксплуататорские классы и достигнуты значительные успехи в социально-экономической сфере, но так как оставались не до конца вычищенные остатки «феодального яда», то он проник в советскую модель социализма, превратив его в социалистический феодализм. В числе признаков такого социализма названы монархизм в виде единоличной власти Сталина, превращение системы социалистической собственности в чиновничью систему, сохранение феодальных традиций во внешней политике (здесь упоминается о традиционно приписываемых в Китае Советскому Союзу «гегемонизме», «экспансионизме», «великодержавии», «великопартийности»).

По аналогии с ленинской характеристикой царской России как военно-феодального империализма Гао Фан даже называет советскую модель «военно-феодальным социализмом». Он полагает, что в ней 3/5 это феодализм, а 2/5 — догматизм и прагматизм. Так как все эти пороки продолжали сохраняться и от них не могли избавиться ещё в течение сорока лет после Сталина, то народ СССР отказался от советской модели. Но получилось так, что вместе с водой выплеснули и ребёнка, то есть социализм [33, с. 78—81].

В XX в. китайское общество оставалось гораздо более сильно поражённым феодальными пережитками, чем советское, поэтому концепция социалистического феодализма, похоже, была навяна не только советскими реалиями, но и отечественными. Гао Фан даёт целую программу развития социалистического общества, которую следовало бы осуществить в СССР, чтобы «слуги народа» — привилегированная бюрократическая группировка, представляющая собой «странный плод соединения феодализма и социализма», не превратились в его хозяев. Речь идёт об экономических реформах,

демократии, в том числе внутривнутрипартийной, свободе для трудового народа, осуществлении информационного и юридического контроля со стороны народных масс за правительственными чиновниками [33, с. 81].

Лю Кэмин исследует другую особенность сталинской модели, вынесенную в заголовок его статьи, — неспособность правильно решить вопрос об отношениях с капитализмом. Он пишет, что переход от «военного коммунизма» к НЭПу был оправданной попыткой использовать в сравнительно отсталой России капитализм, достижения его культуры. Сталин, отбросив НЭП, абсолютизировал противоречия социализма и капитализма и создал высокоцентрализованную систему, имевшую свои достоинства и недостатки, под крылом которой сформировался слой бюрократии, которая стала «корнем зла», приведшим советский социализм к гибели. Лю Кэмин называет сталинскую модель социализмом недостаточно развитых производительных сил или социализмом «преодоления бедности», выгодным только для немногочисленной привилегированной бюрократии, за который советский народ нисколько не держался, что обнаружилось при его крахе [34, с. 2—9].

На самом деле, вопрос об отношениях социализма и капитализма очень сложный. Капиталисты не настолько наивны, что их можно легко использовать, тем более без серьёзных негативных последствий для социалистического общества. В своё время Сунь Ятсен безуспешно пытался использовать иностранный капитал для «создания социализма в Китае» [35, с. 280]. В СССР НЭП просуществовал только несколько лет, и сейчас трудно судить о том, какие результаты он мог дать в дальнейшем: либо способствовал бы развитию творческого социализма, как полагает Лю Кэмин, либо взрастил новые буржуазные силы, которые в удобный момент вернули бы страну к капитализму. В условиях капиталистического окружения второй вариант представлял для СССР немалую опасность, её необходимо учитывать при критике сталинизма и советской системы.

В более ранней своей статье Лю Кэмин обратился к очень важной теме — милитаризации советской экономики. Автор показал эрудицию и понимание проблемы милитаризма, его влияния на развитие советской экономики и общества. Он проследил изменение уровня военного производства в СССР единственным доступным для современного исследователя методом — по росту доли средств производства (статистический показатель, включавший и военную промышленность) в общем объёме произведённой промышленной продукции, и показал, что за исключением нескольких послевоенных лет постоянно шло его увеличение. Милитаризация экономики усиливала закрытость страны. Приоритет в течение многих лет, отдаваемый тяжёлой промышленности в ущерб выпуску товаров лёгкой промышленности, привёл к формированию «самоистощающейся экономики» производства ради производства [36, с. 14—15].

Объяснение, которое Лю Кэмин даёт такому развитию событий, можно свести к нескольким основным положениям. Преимущественное развитие тяжёлой промышленности в годы первых пятилеток сыграло свою положительную роль и дало Советскому Союзу возможность победить в Великой

Отечественной войне, но после войны Сталин абсолютизировал приоритет тяжёлой промышленности по отношению к лёгкой, и эта линия была продолжена в последующие десятилетия. СССР также абсолютизировал противостояние социалистической и капиталистической систем и связанную с этим угрозу войны. В целом же милитаризация советской экономики была концентрированным выражением «левизны» в теории и политике. По мнению автора, Советскому Союзу следовало после победы в антифашистской войне использовать хорошие союзнические отношения с капиталистическими странами и пойти на разрядку международных отношений, перевести экономику на мирные рельсы, центральное место отводить экономическому развитию и в ходе его заниматься оборонным строительством. Подъём экономики сочетать с улучшением жизни людей [36, с. 15—18, 61].

Почему же в Советском Союзе всё получалось далеко не так, как подсказывает простой здравый смысл? Конечно, в советском руководстве было понимание, особенно при Маленкове, необходимости более гармоничного развития народного хозяйства, в том числе путём преодоления отставания лёгкой промышленности, в статье об этом говорится. Но всё равно преодолеть милитаризацию экономики не удавалось. Неудачей окончилась попытка одностороннего крупномасштабного сокращения советских вооружённых сил, предпринятая Хрущёвым в 1960 г. Малорезультативными были последующие соглашения с Западом по уменьшению гонки вооружений. Здесь видно действие как внешних, так и внутренних причин. Главная внешняя причина — продолжающееся противостояние двух мировых систем, внутренняя — теснейшая связь экономики с военным производством. В СССР, как и в США, сформировался и стал играть ведущую роль военно-промышленный комплекс. Его ликвидация означала бы крушение всей экономики и глубокие социальные потрясения. Москва ни при каких обстоятельствах не могла решиться на такой шаг.

Также нереально было после войны использовать хорошие отношения с союзниками, чтобы пойти на серьёзное сближение с Западом. Тогда внешняя экспансия капитала, особенно американского, получила новый размах [37, с. 203—238], и вряд ли следовало добровольно становиться объектом этой экспансии. Кроме того, продолжалась борьба за расширение «социалистического лагеря». В Европе это стало поводом для начала «холодной войны», но в Азии ещё был открыт вопрос о будущем Китая. Хорошо понимая его значение для судеб социализма, СССР, хотя и стремился всячески избегать здесь столкновения с Западом, но не собиравшись в этот решающий момент хоть в чём-то ему уступать и смягчать свои антикапиталистические позиции.

С образованием КНР советская модель социализма получила здесь широкое поле для практического воплощения. Китайские авторы, естественно, не могли оставить без внимания эту тему и неоднократно обращались к различным её аспектам. Так, в рассмотренной выше монографии «История расцвета и гибели СССР и перспективы социализма» говорится о копировании в Китае советской плановой системы, которая сыграла определённую

стимулирующую роль в индустриализации страны. Но никто тогда не мог предвидеть отдалённых последствий этого шага, тех трудностей, с которыми придётся столкнуться в будущем («до сих пор не можем приложить ума к реформированию государственных предприятий») [27, с. 22—23].

Шэнь Цзунъю в своей книге о сталинской модели делает акцент на исторической обусловленности копирования советской модели в Китае. Объясняет её влиянием советских успехов, общими для двух стран целями социалистического строительства и неблагоприятными условиями капиталистического окружения. Шэнь Цзунъю отмечает, что нельзя недооценивать успехи, достигнутые в экономике в то время, но также указывает на ряд проблем, связанных с её недостаточной эффективностью [31, с. 273—286].

Кун Ханьбин, профессор Института международных отношений Пекинского университета, в двух статьях проанализировал процесс утверждения советской модели и её укрепления в Китае. Он даёт ей определение как системы политических, экономических, идеологических и международных отношений, утвердившихся в СССР в 30-е гг. и представлявшей собой соединение «чистой, бестоварной, безрыночной» теории Маркса и Энгельса с большевистской практикой военного коммунизма. Её осуществление было связано с господством в экономике административных методов [38, с. 52].

История советской модели в Китае берёт своё начало в решении китайцев «держаться одной стороны», то есть социализма, о чём Мао Цзэдун объявил летом 1949 г. [39, с. 7]. В феврале 1953 г. он призвал всех учиться у Советского Союза. Эта учёба дала свои результаты, концентрированным воплощением которых стало успешное выполнение первого пятилетнего плана. С его завершением советская экономическая модель в основном утвердилась в КНР. Кун Ханьбин рассматривает изменение китайской системы высшего образования в ходе учёбы у СССР, её приспособление для нужд развития промышленности, особенно тяжёлой. Тогда были ликвидированы частные университеты, западные вузы, существовавшие в Китае, переведены на советскую систему управления. Все вузы разделили на гуманитарные, естественные и технические. Роль гуманитарных и общественных наук была ослаблена. Если в 1947 г. их изучением занимались 47,6% всех студентов, то в 1957 г. только 9,6% [38, с. 55—56].

Кун Ханьбин считает, что советская модель сыграла важную роль в быстром становлении промышленной системы Китая, которую нельзя недооценивать. Но, с другой стороны, это придало китайской экономике черты советской 20—30-х гг. А слишком добросовестная учёба у Советского Союза привела к тому, что, когда в середине 50-х гг. в СССР началось «урегулирование» советской модели, в Китае это сочли «ревизионизмом» и развернули полемику с КПСС. В ходе критики «ревизионизма» превозносились различные пороки советской модели, и только после 1978 г. началась их переоценка [38, с. 56].

У советской модели в Китае оказалась сложная «судьба». О ней Кун Ханьбин размышляет во второй своей статье. Советская модель принесла Китаю те же проблемы, что и другим социалистическим странам: политические

чистки, культ личности, поспешные преобразования в экономике. Мао Цзэдун, после того как в СССР стали говорить об ошибках Сталина, попытался «окончательно» урегулировать заимствованную модель. В апреле 1957 г. он развернул кампанию по исправлению стиля работы, направленную против субъективизма, фракционности, бюрократизма. Но таким методом он смог достичь только временного смягчения существующих противоречий. Противоречивой была сама его позиция, он стремился избежать «извилистого пути» Советского Союза и стран Восточной Европы, но не хотел разрушать советскую модель. Мао Цзэдун по-прежнему считал, что главное в строительстве государства — тяжёлая промышленность, производство средств производства. В кругах интеллигенции в то время предлагались различные варианты дальнейшего развития Китая, в том числе возможность существования рыночной экономики при социализме. Некоторые высказывались против копирования советской модели. Так, заместитель председателя Демократической лиги Шанхая Пэн Вэньин говорил, что «учиться у Советского Союза — это не обязательно хорошо, учиться у Америки — не обязательно плохо». Однако вольнодумство интеллигенции очень быстро было пресечено в ходе кампании борьбы против правых [40, с. 79—82].

В монографии Кун Ханьбина о китайско-советских отношениях одна из глав посвящена «пересаживанию советской модели в Китай». Уточняя свою ранее высказанную позицию, он связывает принятие советской модели Китаем прежде всего с приверженностью Мао Цзэдуна социалистическим идеалам, и это послужило готовым «каналом» для принятия решения «держаться одной стороны». В главе подробно рассказывается об учёбе у «старшего брата» и советской помощи в годы первой пятилетки, которая «очень сильно способствовала экономическому строительству в Китае» [41, с. 117, 144].

Тема советской модели по-прежнему привлекает внимание китайских учёных. Её научную и политическую актуальность они видят в том, что Китаю как социалистической стране необходимо извлечь уроки из печального опыта КПСС, чтобы не повторять её ошибок. В 1992 г. Ли Цзинцзе — учёный из Института России, Восточной Европы и Центральной Азии АОН Китая, один из первых обратился к этой проблеме, опубликовав статью «Исторические уроки поражения КПСС», в которой, опираясь на взгляды классиков марксизма, показал, что в социализме нет твёрдой модели, это постоянно изменяющееся, реформируемое общество. В годы реформ в Китае был совершен прорыв в прежнем догматическом понимании социализма. Дальнейшую задачу автор видит в том, чтобы в ходе углубления процесса реформ и открытости вычищать из сознания людей устаревшие представления о социализме [42, с. 3—4].

Об исторических уроках гибели КПСС пишет профессор Восточно-китайского педагогического университета Чжоу Шанвэнь. Он заостряет внимание читателей на идейных, организационных и политических аспектах проблемы. В течение долгого времени в КПСС сохранялись догматизм, идейная косность, имели место левый и правый уклон. Горбачёв, пытаясь

реформировать партию, не смог избежать идейного разброда в ней, а резкий поворот вправо после длительной приверженности к левизне привёл её к краху. Чжоу Шанвэнь также отмечает организационные недостатки КПСС, выразившиеся в концентрации личной власти руководства, отсутствии действенных механизмов ограничения и контроля, что мешало осуществлению внутрипартийной демократии, усиливало бюрократизм. Партия не смогла сохранить хороший стиль работы, избежать «загнивания», это вело к утрате доверия масс и стало важной причиной её гибели [43, с. 57—63].

Ярким примером политической актуальности изучения советской модели в Китае стала статья Син Гуанчэна об уроках гибели КПСС, опубликованная в связи с изучением материалов очередного XVI съезда КПК. Проблема, которая волнует автора, — укрепление положения правящей партии при социализме. Он подходит к ней не пропагандистски, а старается поднять фундаментальные вопросы. Прежде всего, его интересует «тема века»: как должна развивать производительные силы общества партия, пришедшая к власти в бедной, отсталой стране? Пример Советской России показал, какие опасности здесь могут подстерегать. В своё время Плеханов предупреждал, что если социалистический строй с помощью силы утвердится в России, то это приведёт к созданию государства подобного тем, какие были в Древнем Китае и Перу, и новому самодержавию в коммунистических одеждах. То есть спешка с социализмом может привести к серьёзному поражению, что и произошло через 70 лет — с сожалением констатирует Син Гуанчэн. Советская модель оказала влияние на всё международное коммунистическое движение, Китай не стал исключением. Но он нашёл выход в развитии рыночной экономики в условиях социализма. На XVI съезде КПК это было отмечено как исторический вклад китайских коммунистов в развитие марксизма [44, с. 5—11].

Вопросы реформирования советской модели так или иначе затрагивают большинство китайских авторов, пишущих о Советском Союзе и проблемах социализма. Статья Цай Гоцзяна, ответственного сотрудника издательства ЦК КПК, привлекает тем, что она позволяет сравнить реформы в СССР и странах Восточной Европы\* и более ясно увидеть те просчёты, которые были допущены [46, с. 3—10].

Первой в Восточной Европе на путь реформ встала Югославия. Однако избранный ею подход оказался полностью ошибочным, хотя там и старались всё делать по Марксу, передавая право хозяйствования трудовым коллективам. В стране был утрачен макроэкономический контроль, произошло обособление республик, государство стало полицентричным. Главной причиной неудачи было то, что из одной крайности — приверженности централизму и плановости, бросились в другую — абсолютизацию рынка.

---

\* Сравнительно-исторические исследования социализма в странах Восточной Европы были начаты в КНР в 1979 г., тогда предпочтение отдавалось венгерской модели реформ. В 1981—1982 гг. они были широко развернуты в связи с разработкой концепции строительства социализма с китайской спецификой [45, с. 23—25].

Советские реформы начались с неуклюжих попыток Хрущёва организовать совнархозы, что внесло ещё больший беспорядок в экономическую жизнь. Но всё-таки первый шаг был сделан: пробита брешь в прежней системе, начался поиск путей реформирования. Подобные советским меры принимались в Польше и Венгрии. Последовавшие затем косыгинские реформы принесли лишь частичные улучшения, так как проводились они на основе прежней модели, не было серьёзного прорыва в теории, соответствующих политических, социальных реформ. Осуществлялись они сверху вниз и не комплексно.

В каждой из восточноевропейских стран реформы оказались неудачны по-своему. Начавшиеся в 1968 г. преобразования в Чехословакии носили всесторонний характер, затрагивали как экономику, так и политику, изменение руководства партией и государством, были ориентированы на сочетание плана и рынка. Но, к сожалению, они продлились недолго и погибли под советскими танками. В 70-е гг. неудача постигла Польшу в её попытках ускорить экономический рост с помощью западных кредитов. В результате вместо ожидавшихся радужных перспектив страна погрязла в долгах. В СССР горбачёвские реформы в политике фактически означали копирование западной политической системы. Оживились националистические и враждебные социализму элементы.

Цай Гоцзян достаточно подробно останавливается на тех подходах, которыми следовало бы руководствоваться, чтобы реформы были успешными и происходило самосовершенствование социализма. Также он говорит об уроках неудач. Один из них, на наш взгляд, заслуживает особого внимания — это необходимость не упускать из виду проводившуюся Западом «стратегию мирных изменений» в соцстранах [46, с. 9]. Действительно, реформы проводились отнюдь не в «безвоздушном пространстве», позволяющем сколько угодно экспериментировать и совершать ошибки. Капиталистический мир не только ждал, надеялся, но и прилагал немалые усилия к тому, чтобы социалистические государства «изменили свой цвет» [47, с. 192—193]. В конце концов, это и произошло в СССР и странах Восточной Европы.

Изучая советскую модель, китайские учёные выходят на теоретический уровень и рассматривают её с системной точки зрения. Именно такой подход содержится в работах Син Гуанчэна. Он не приемлет определения советской модели как сталинской, ведь она продолжала существовать и после смерти Сталина, и подразделяет её на два типа: экстремистский (точнее сказать «радикальный»), или тип «А», существовавший в 30—50-е гг. и улучшенный — тип «Б», относящийся к 50—80-м гг. Модель типа «А», в некотором смысле, была возвратом к модели «военного коммунизма» и отрицанием НЭПа. Её целями были строительство социализма и быстрый переход к коммунизму, превращение СССР в мощное государство, осуществление мировой революции. Основные цели модели типа «Б» состояли в ускорении перехода к коммунизму, сохранении положения СССР как мощной сверхдержавы, поддерживающей паритет с Америкой, и в стратегической экспансии. Советская модель представляла собой завершённую, органичную,

сверхкрупную систему, имеющую прямые и опосредованные связи с внешним миром, энергетические и материальные обмены с окружающей средой. Её ядро состояло из политической, экономической и идеологической систем. Экономический фактор играл ведущую роль в изменении всей системы и разрешении возникающих несоответствий. Самая главная особенность советской модели — её сверхцентрализация [48, с. 27—34].

Мощный диктат центральной власти способствовал усилению СССР, но он же сковывал силы непрерывно развивающегося общества, снижал эффективность советской модели. Как система она обладала способностью к саморегуляции, и в стремлении к устойчивости могла отбрасывать всё, что её нарушало. Этим объясняется то, что в СССР не укоренились факторы научно-технической революции, хотя советское руководство выступало в её поддержку. Советской модели также не хватало «упругости». Навязанное идеологией стремление к «чистоте» социализма и надежда на скорое достижение коммунизма создавали крайнее напряжение в обществе. Трудностей добавляло то, что советская экономика была не обычной, а политизированной, подчинённой плану и воле тех, кто устанавливал плановые задания. Всё это вело к нарастанию кризиса системы, самым опасным его проявлением был крах убеждений советских людей. Сюда добавились трудности в «руководящем ядре» партии и государства, которое не смогло предложить эффективных способов решения возникающих проблем. Общим итогом стал крах советской модели, хотя её реформирование, пишет Син Гуанчэн, было не только теоретически, но и реально возможно. Нужно было только изменить её в сторону коренных целей социализма, пресечь и ослабить привилегированную бюрократическую группировку, решительно выступить против «загнивания» и тем самым получить защиту и поддержку народных масс [49, с. 18—23].

Важный вывод, к которому приходит Син Гуанчэн, состоит в том, что поражение советской модели не было поражением социализма. В советской модели на первом месте были «богатое государство», «мощное государство», а не «богатый народ», «сильный народ», как это должно было быть. Такую модель советское руководство поспешно выбрало в специфических обстоятельствах, но потом её стали считать самой лучшей и даже основной и единственной. Следуя такому «социализму», СССР пошёл в противоположную сторону: к чрезмерной централизации власти, командной экономике, разрушению духовной сферы. Советская модель являлась деформированной разновидностью научного социализма, его патологической формой. Кризис и поражение советской модели был только поражением исторического выбора модели [48, с. 28—31].

Системный подход в изучении советской модели хорош тем, что он позволяет рассматривать её как одну из социальных систем, имеющую свои особенности, но, тем не менее, не выпадающую из истории, как это может показаться, если подходить к ней только с критических позиций. Как часть исторического процесса она возникла отнюдь не случайно, к этому были свои предпосылки. Поэтому вряд ли можно говорить о «выборе» модели как

каком-то произвольном акте, когда останавливаются на том или ином варианте. На самом деле имел место сложный многосторонний процесс, в котором участвовали десятки и сотни миллионов людей, включающий пробы и ошибки, противоречия, конфликты, гражданские войны. Так история подводит народы к «выбору», который остаётся только принять. А то, что он потом оказывается недостаточно хорошим или совсем уж плохим, как раз и движет историю дальше. Иначе люди уже давно сделали бы единственно верный последний выбор, делающий ненужными ни революции, ни реформы\*.

### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. A Critique of Soviet Economics by Mao Tsetung. N.Y. 1977. 157 p.
2. История Северо-Восточного Китая XVII—XX вв. Кн. 3. Северо-Восточный Китай в 1945—1978 гг. Владивосток: Дальнаука, 2004. 344 с.
3. Ся Чжунцзэ. Дуй чжэньсин Дунбэй дэ цзи дянь сыкао = Некоторые размышления о возрождении Северо-Востока // Цие вэньмин. 2004. № 7. 夏中泽: 对振兴东北的机点思考 — 企业文明. 2004 年. 7 期。
4. Чэн Ючжун. Дэн Сяопин дэ сулянь шэхуйчжуй моши гуань = Взгляды Дэн Сяопина на советскую модель социализма // Дунъюу чжунъя яньцзю. 1999. № 1. С. 25—31. 程又中: 邓小平的苏联社会主义模式观 — 东欧中亚研究 1999 年. 第 1 期. 25—31 页。
5. Хунци, 1970. № 5. С. 5—21. 红旗, 1970 年. 第 5 期. 5—21 页。
6. Хунци, 1971. № 9. С. 5—9. 红旗, 1971 年. 第 9 期. 5—9 页。
7. Юй Гуаньюань. Цун шицзе хэ Чжунго лиши пай кань шэхуйчжуй цзяньшэ шици дэ гайгэ = Реформы периода строительства социализма в свете мировой и китайской истории // Чжунго шэхуй кэсюэ. Пекин, 1985. № 1. С. 53—68. 于光远: 从世界和中国历史派看社会主义建设时期的改革 — 中国社会科学» 北京. 1985 年. 第 1 期. 55—53—68 页。
8. Сюй Куй. Сулянь гэмин чжун дуй лиши вэньти дэ таолунь чжидэ чжунши = Обсуждение исторических проблем советских реформ заслуживает серьёзного внимания // Шицзе лиши. 1988. № 4. С. 1—4. 徐葵: 苏联改革中对历史问题的讨论值得重视 — 世界历史. 1988 年. 第 4 期. 1—4 页。
9. Лю Кэмин. Сулянь дэ гайгэ хэ шэхуйчжуй моши дэ цзай жэньши = Советские реформы и новое познание модели социализма // Шицзе лиши. 1988. № 4. С. 4—8. 刘克明: 苏联的改革和社会主义模式的再认识 — 世界历史. 1988 年. 第 4 期. 4—8 页。
10. Сюй Тяньсинь. Дуй нунминь вэньти дэ цоу жэньши хэ чжэнцэ ши Сыдалинь моши дэ игэ гэньбэнь вэньти = Ошибки в познании и политическом курсе в отношении крестьянства являются коренной проблемой сталинской модели // Шицзе лиши. 1988. № 4. С. 8—11. 徐天新: 对农民问题的错误认识和政策是斯大林模式的一个根本问题 — 世界历史. 1988 年. 第 4 期. 8—11 页。
11. Ван Чжэнцюань. Гуаньюй Сулянь чжэньчжи тичжи дэ синчэн = О формировании советской политической системы // Шицзе лиши. 1988. № 4. С. 11—15. 王正泉: 关于苏联政治体制的形成 — 世界历史. 1988 年. 第 4 期. 1—15 页。

\* Пожалуй, сейчас только американцы пребывают в полной уверенности, что они такой выбор уже сделали. Однако, как заметил Э. Морен, «...Трагедия США в том, что они не могут добиться воспроизводства своей собственной демократической системы в подчиненных им странах... Напротив, достоинством советского тоталитаризма является способность к самовоспроизводству везде, где он начинает укореняться» [50, с. 152—153].

12. Вэнь И. Сулянь шэхуйчжуи цзяньшэ чжун дэ гао суду юй лисиньли = Высокие темпы строительства социализма в СССР и центробежные силы // Шицзе лиши. 1988. № 4. С. 18—22. 闻一：苏联社会主义建设中的高速度与离心力—世界历史. 1988年 第4期, 18—22页.
13. Цзинь Хуэймин. Цзяньхуа дэ моши юй цзюэдуйхуа дэ чжэсюэ = Косная модель и философия абсолютизации // Шицзе лиши. 1988. № 4. С. 43—46. 靳辉明：僵化的模式与绝对化的哲学—世界历史. 1988年 第4期. 43—46页.
14. Чжэн Ифань. Шэхуйчжуи дэ цзя хэ цзянь = Плюсы и минусы социализма // Шицзе лиши. 1988. № 4. С. 28—32. 郑异凡：社会主义的加和减—世界历史. 1988年 第4期. 28—32页.
15. Чжан Вэйюань. Совэй «Сыдалинь моши» ши бу цюаньмян дэ = Так называемая «сталинская модель» не является всеобщей // Шицзе лиши, 1988. № 4. С. 36—40. 张伟垣：所谓“斯大林模式”是不全面的—世界历史. 1988年 第4期. 36—40页.
16. Ма Луншань. Таньтань Сулянь сысян вэньхуа тичжи дэ тэдянь юй синчэн = Об особенностях и формировании советской системы идеологии и культуры // Шицзе лиши. 1988. № 4. С. 22—25. 马龙闪：谈谈苏联思想文化体制的特点与形成—世界历史. 1988年 第4期. 22—25页.
17. Сунь Чжэньюань. Сыдалинь моши дэ бибин юй Хэлусяофу дэ гайгэ = Пороки сталинской модели и хрущёвские реформы // Шицзе лиши. 1988. № 4. С. 25—28. 孙振远：斯大林模式的弊病与赫鲁晓夫的改革—世界历史. 1988年 第4期. 25—28页.
18. Чэнь Чжихуа. Гайгэ чуаньгун моши ши лиши дэ бижань = Реформа традиционной модели исторически неизбежна // Шицзе лиши. 1988. № 4. С. 34—36. 陈之骅：《改革传统模式是历史的必然》—《世界历史》. 1988年 第4期. 34—36页.
19. У Жэньчжан. Гайгэ Сулянь моши ши лиши чаолю = Реформа советской модели является историческим течением // Шицзе лиши. 1988. № 4. С. 32—33. 无仁彰：改革苏联模式是历史潮流—世界历史. 1988年 第4期. 32—33页.
20. Чжан Чжунъюнь. Сулянь моши дэ бидуань юй Гээрбацяофу дэ гайгэ = Пороки советской модели и горбачёвская реформа // Шицзе лиши. 1988. № 4. С. 40—43. 长中云：苏联模式的弊端与戈尔巴乔夫的改革—世界历史. 1988年 第4期. 40—43页.
21. Юй Гуанъюань. Дуйюй шицзе ши яньцзю дэ и се каолюй (чжайяо) = Некоторые размышления об исследовании мировой истории (резюме) // Шицзе лиши. 1988. № 4. С. 15—18. 于光远：对于世界史研究的一些考虑 (摘要)—世界历史. 1988年 第4期. 15—18页.
22. Лю Цзунъяо. Сулянь, гунчань гоцзи юй Чжунго году шици цзун лусянь = Советский Союз, Коммунистический интернационал и генеральная линия переходного периода в Китае // Сычуань цзяоюй сюэюань сюэбао. Чэнду. 1990. № 2. С. 1—10. 刘宗尧：苏联、共产国际与中国过渡时期总路线—四川教育学院学报—成都. 1990年 第2期. 1—10页.
23. Син Гуанчэн. Сулянь гао цэн цзюэцэ 70 нянь—цун Ленин Дао Гээрбацяофу = Решения, принятые в СССР за 70 лет на высшем уровне.—От Ленина до Горбачёва. Пекин: Шицзе чжиши чубаньшэ, 1998. Ч. 5. 771 с. 邢广程：苏联高层决策70年—从列宁到戈尔巴乔夫—北京：世界知识出版社, 1998. 第五分册. 771页.
24. Ван Шицзюнь, Лю Бо. Люэ пин Сулянь цзети юаньинь яньцзю чжун дэ цзи чжун гуаньянь = Краткая оценка основных точек зрения в изучении причин распада СССР // Сиболия яньцзю. Харбин, 2002. № 3. С. 49—53. 王士军, 刘波：略评苏联解体原因研究中的集种观点—西玻利亚研究, 2002年 第3期. 49—53页.
25. У Вэй, Лю Сяньчжун. Китайские учёные о развале Советского Союза // Проблемы Дальнего Востока. 2003. № 1. С. 120—131.
26. «Дандай шицзе юй шэхуйчжуи». Пекин, 2005. № 4. С. 119—122. 当代世界与社会主义, 2005年 第4期. 119—122页.
27. Сулянь син ван хэ шэхуйчжуи цянцзинь = Расцвет и гибель СССР и перспективы социализма / под ред. Чжан Вэйюаня, Цао Чаншэна, Ян Иньцзы. Пекин: Синьхуа

- чубаньшэ, 1998. 464 с. 苏联兴亡和社会主义前景/张伟垣, 草长盛, 杨阴滋主编。—北京: 新华出版社.1998年.464页.
28. Сулянь син ван ши лунь = Об истории расцвета и гибели Советского Союза / под ред. Лу Наньцюаня. Пекин: Жэньминь чубаньшэ, 2002. 896 с. «苏联兴亡史论»/陆南泉主编—北京: 人民出版社.2002年.896页.
29. Ли Цзунъюй и др. Сыдалинь моши яньцзю = Изучение сталинской модели. Пекин: Чжунъян бяньи чубаньшэ, 1999. 495 с. 李宗禹等著: 斯大林模式研究 — 北京: 中央编译出版社.1999年. 495页.
30. Геллер М.Я., Некрич А.М. Утопия у власти. М.: Издательство «МИК», 2000. — 855 с.
31. Шэнь Цзунъю. Сыдалинь моши дэ сяньдай шэнсы = Современное осмысление сталинской модели. Куньмин: Юньнань жэньминь чубаньшэ, 2004. 314 с. 沈宗武: «斯大林模式的现代省思 — 昆明: 云南人民出版社, 2004年. 314页.
32. Гао Фан. Шэхуйчжуи Сулянь моши дэ бибин хэ гэньюань — пинцзе Чэн Ючжун цзяошоу чжу «Сулянь моши дэ синшуай» = Пороки советской модели социализма и [их] истоки. — Рецензия на работу профессора Чэн Ючжун «Расцвет и упадок советской модели» // Дунъюу чжунъя яньцзю. 2002. № 3. С. 83—87. 高放: 社会主义苏联模式的弊病和根源 — 评介程又中教授著“苏联模式的兴衰” — «东欧中亚研究». 2002年第.3期. 83—87页.
33. Гао Фан. Фэньцзянь шэхуйчжуи бу тунъюй шэхуйчжуи фэнцзяньчжуи — сулянь моши шэхуйчжуи шибай дэ идянь фаньсы = Феодалный социализм не тождествен социалистическому феодализму. — Размышления о поражении социализма советской модели // Дунъюу чжунъя яньцзю. 2001. № 4. С. 78—81. 高放: 封建社会主义不同于封建社会主义 — 苏联模式社会主义失败的一点反思 — 东欧中亚研究. 2001年第.4期. 78—81页.
34. Лю Кэмин. Сыдалинь моши: вэй нэн чжэнцюэ чули тун цзыбэньчжуи дэ гуаньси — Сулянь цзети юаньинь синь тань = Сталинская модель: неспособность правильно решить вопрос об отношениях с капитализмом. Поиск новых причин распада СССР // Элосы чжунъя дунъюу яньцзю. 2004. № 4. С. 2—9. 刘克明: 斯大林模式: 未能正确处理同资本主义的关系 — 苏联解体原因新探 — 俄罗斯中亚东欧研究. 2004年第.4期. 2—9页.
35. Сунь Ятсен. Избранные произведения. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Наука, 1985. 781 с.
36. Лю Кэмин. Сулянь цзюньшихуа цзиньцзи дэ синши, фачжань цзи ци чжюао лиши цзяошунь — Сулянь цзюйбянь дэ цзинцзи гэньюань таньтао = Формирование, развитие милитаризованной советской экономики и её главные исторические уроки. — Изучаем экономические истоки драматических изменений в СССР // Дунъюу чжунъя яньцзю. 1992. № 5. С. 1—18, 61. 刘克明: 苏联军事华经济的形式、发展及其主要历史教训 — 苏联剧变的经济根源套谈 — 东欧中亚研究. 1992年第.5期.1—18, 61页.
37. Громько А.А. Внешняя экспансия капитала: история и современность. М.: Мысль, 1982. 493 с.
38. Кун Ханьбин. Сулянь цзинцзи моши ши жухэ цзай Чжунго цюэли цилай дэ = Как в Китае утвердилась советская экономическая модель // Элосы яньцзю. 2000. № 1. С. 52—56. 孔寒井: 苏联经济模式是如何在中国确立起来的 — 俄罗斯研究. 2000年第.1期.52—56页.
39. Мао Цзэдун. Лунь жэньминь миньчжу чжуаньчжэн — цзинянь Чжунго гунчаньдан эршиба чжоунянь = О демократической диктатуре народа. — К 28-й годовщине КПК. Пекин. 1953. 17. 毛泽东. 论人民民主专政 — 纪念中国共产党二十八周年 — 北京, 1953年.17页.
40. Кун Ханьбин. Сулянь моши цзай Чжунго ши жухэ бэй цянхуа дэ = Как советская модель укреплялась в Китае // Элосы яньцзю. 2002. № 4. С. 78—85. 孔寒井: 苏联模式在中国被强化的 — 俄罗斯研究.2002年第.4期.第.78—82页.
41. Кун Ханьбин. Чжун Су гуанси цзи ци дуй Чжунго шэхуй фачжань дэ инсян = Кистайско-советские отношения и их влияние на развитие социализма в Китае. Пекин:

- Чжунго гоцзи гуанбо чубаньшэ, 2004. 609 с. 孔寒冰: 中苏关系及其对中国社会主义发展的影响 — 北京: 中国国际广播出版社. 2004第117.144页.
42. Ли Цзинцзе. Су гун шибай дэ лиши цзяошунь = Исторические уроки поражения КПСС // Дуньоу чжунъя яньцзю. 1992. № 6. С. 1—12. 李静杰: 苏共失败的历史教训 — 东欧中亚研究. 1992年第.6期. 3—4页.
  43. Чжоу Шанвэнь. Су гун байван дэ лиши цзяошунь = Исторические уроки гибели КПСС // Элосы яньцзю. 2000. № 1. С. 57—63. 周尚文: 苏共败亡的历史教训 — 俄罗斯研究. 2000年第1期. 57—63页.
  44. Син Гуанчэн. Су гун ван дан цзяошунь дэ цзидянь сыкао — сюэси дан дэ ши лю да цзиншэн дэ тихуй = Несколько размышлений о гибели партии советских коммунистов. — Опыт изучения духа XVI съезда партии [КПК] // Элосы дуньоу чжунъя яньцзю. 2003. № 1. С. 5—11. 邢广程: 苏共亡党教训的几点思考 — 学习党的十六大精神的体会 — 俄罗斯东欧中亚研究. 2003年第.1期. 第5—11页.
  45. Rozman G. Chinese comparisons of socialism: A new agenda for research and new perceptions of convergence in socialist reforms // Acta Slavica Japonica. Sapporo, 1987. P. 21—36.
  46. Цай Гоцзян. Дуй юань Сулянь, Дуньоу гоцзя гайгэ дэ фаньсы = Размышления о реформах в бывшем СССР и государствах Восточной Европы // Элосы чжунъя дуньоу яньцзю. 2005. № 3. С. 3—10. 蔡国江: 对原苏联、东欧国家改革的反思 — 俄罗斯东欧中亚研究. 2005年第.3期. 3—10页.
  47. Рахманин О.Б. Страницы пережитого. М.: Памятники исторической мысли, 2005. 287 с.
  48. Син Гуанчэн. Мубяо пянъи хэ цзегоу сюэсянь — цун ситун дэ гуаньдянь яньцзю Сулянь моши = Смещение целей и структурные изъяны. — Изучаем советскую модель с системной точки зрения // Дуньоу чжунъя яньцзю. 2001. № 2. С. 27—34. 邢广程: 目标偏移和结构缺陷 — 从系统的观点研究苏联模式 — 东欧中亚研究. 2001年第.2期. 27—34 页.
  49. Син Гуанчэн. Цян кунчжи, моши гунсяо дицзянь гуйлюй хэ вэйцзи — дуй Сулянь моши дэ ибань сыкао = Закономерность постепенного уменьшения мощного диктатора, эффективности модели и кризис. — Общие размышления о советской модели // Дуньоу чжунъя яньцзю. 2001. № 3. С. 16—23. 邢广程: «强控制, 模式功效递减规和危机 — 对苏联模式的一般思考 — 东欧中亚研究. 2001年第.3 期. 16—23 页.
  50. Морен Э. О природе СССР. Тоталитарный комплекс и новая империя. М.: Изд-во Российск. гуманит. ун-та, 1995. 220 с.

## ПОЛИТИКА ГУБЕРНАТОРА СИНЬЦЗЯНА ШЭН ШИЦАЯ (1933—1939 гг.) В ОЦЕНКАХ ИСТОРИКОВ

*Г.С. Каретина,  
кандидат исторических наук*

В статье рассматривается политика губернатора Синьцзяна Шэн Шицая в 1933—1939 гг. как представителя китайского регионального милитаризма. Подчёркивается значение поддержки, оказанной ему Советским Союзом для укрепления региона против японского вторжения.

**Ключевые слова:** губернатор Синьцзяна, региональный милитаризм, геополитический фактор, национальная политика, поддержка Советского Союза, антияпонская война.

## THE POLICY OF THE GOVERNOR OF SINJIANG SHENG SHICAI AS ESTIMATED BY THE HISTORIANS (1933—1939)

*G.S. Karetina*

The policy of the Sinjiang's governor Sheng Shicai in 1933—1939 as the representative of the Chinese regional militarism is observed. The significance of the Soviet support to him in the strengthening of the region against Japanese expansion is underlined.

**Key words:** the governor of Sinjiang, regional militarism, geopolitical factor, national policy, Soviet support, antijapanese war.

Шэн Шицай являлся одним из китайских милитаристов регионального масштаба. В начале 1930-х гг. бэйянские милитаристы уже были разгромлены Гоминьданом, объединившим Китай под своей властью. Формально подчинившись гоминьдановскому правительству, Шэн Шицай пытался проводить самостоятельную политику в Синьцзяне, и его можно считать представителем «остаточного милитаризма». Анализ особенностей его правления позволяет дополнить исследование феномена китайского милитаризма в целом.

Шэн Шицай (1895—1970) был уроженцем провинции Ляонин, в 1917—1919 гг. учился в Японии, а после возвращения на родину — в военной академии провинции Гуандун. Затем получил назначение в часть под непосредственное командование Го Сунлина, одного из офицеров мукденской военно-политической группировки. С 1927 г. служил в армии Гоминьдана, а в 1930 г. стал начальником штаба пограничного комиссара (дубаня) Синьцзяна [15, с. 735].

Период прихода Шэн Шицая к власти в Синьцзяне совпал с началом антияпонской войны в Китае, когда Япония уже захватила Маньчжурию и продолжала наступление в Северном и Восточном Китае. Являясь северо-западной окраиной Китая, Синьцзян оказался на перекрёстке интересов СССР, гоминьдановского правительства и Особого района с центром в Яньане, где находились в изоляции китайские коммунисты, а также Англии и Японии. Поэтому геополитический фактор оказывал огромное влияние на

политику Шэн Шицая. Кроме того, с самого начала правления Шэн Шицая большое значение имел и национальный вопрос.

Многие авторы особое внимание уделяют исследованию национально-го фактора в данном регионе. По вероисповедованию население Синьцзяна было преимущественно мусульманским и не раз поднималось на восстания против притеснений китайской администрации. Причинами антикитайских выступлений, по мнению В. Бармина, явились рост налогообложения, резкое ухудшение положения большинства крестьян в связи с падением цен на продукты сельского хозяйства и одновременным повышением их на импортные товары, политика ассимиляции коренного населения путём переселения в Синьцзян демобилизованных солдат из армий китайских милитаристов и раздача им лучших земель [2, с. 91]. Автор статьи о положении декханства в Синьцзяне, опубликованной в журнале «Революционный Восток» за 1932 г., Б.И. Фесенко указывал, что для местного населения арендная плата иногда достигала 75% урожая [10, с. 274]. Как отмечает А.А. Хакимбаев, постоянное возмущение вызывали глумление китайских чиновников над религиозными чувствами уйгуров, пренебрежение национальными обычаями и традициями мусульманского населения [11, с. 98].

С восстанием местного населения против китайской администрации пришлось вести борьбу ещё предшественнику Шэн Шицая Цзинь Шужэню. Одной из причин восстания Г.В. Астафьев называет политику дискриминации против торговли с СССР, проводимую губернатором Цзинь Шужэнем [1, с. 93]. В апреле 1931 г. началось стихийное выступление крестьян в Хамийском уезде, которое быстро распространилось на другие районы и по времени совпало с попыткой провинциального правительства провести административную реформу. Особенности этого восстания исследовал В. Бармин. Он отмечает, что целью реформы было добиться жёсткой централизации системы управления, в ходе реформы местные власти начали ликвидацию различных элементов автономии и самостоятельности отдельных княжеств, в частности, была ликвидирована наследственная передача власти князей. В связи с этим реформы вызвали недовольство не только широких масс, но и феодальной верхушки, представители которой возглавили восстание. Они выдвинули лозунг создания независимой исламской республики на основе идей панисламизма и пантюркизма. Непосредственное командование отрядами повстанцев чаще всего осуществляли выходцы из народных низов, такие как Ходжа Нияз, командовавший мусульманскими отрядами Хами, Тимур и Низаметдин [2, с. 92].

Одним из наиболее выдающихся руководителей мусульманского движения в Синьцзяне вскоре стал молодой офицер Ма Чжуньин, возглавивший восстание мусульманского населения в соседней с Синьцзяном провинции Ганьсу в 1928—1929 гг. Как отмечает В.С. Кузнецов, это восстание было вызвано резким усилением экономического гнёта со стороны властей в связи с дислокацией в этом районе «народной армии» генерала Фэн Юйсяна и изъятием у населения продовольствия и фуража, а также насильственной мобилизацией в эту армию мужчин мусульман. Хотя восстание в Ганьсу по-

степенно сошло на нет, Ма Чжуньин после двухлетней борьбы стал заметной фигурой на Северо-Западе Китая. В неполные 24 года он уже был генералом и командовал дивизией. За поддержкой к нему обратился терпевший поражение в Синьцзяне Ходжа Нияз [5, ч. 2, с. 130]. По мнению исследователя А.А. Хакимбаева, просьба уйгурских вождей оказалась весьма кстати, так как Ма Чжуньин замышлял свергнуть власть Цзинь Шужэня в Синьцзяне и сам занять его место. Поэтому в начале июня 1931 г. он прибыл в Синьцзян с бригадой численностью до 700 чел. и вскоре стал фактическим вождём всего повстанческого движения, «ибо в таковом качестве был признан основной движущей силой восставших — уйгурами» [11, с. 115].

Как показывают исследования В. Бармина и других авторов, руководители повстанцев обращались за помощью к Советскому Союзу. Одной из причин отказа в помощи повстанцам было то, что решение проблемы, связанной с восстанием мусульманского населения Синьцзяна, означало для советского руководства и «решение собственных очень важных внутривосточных задач в прилегающем к этой провинции регионе», в частности, борьбы с басмачеством и наличием связей эмиграции с территорией среднеазиатских советских республик» [2, с. 97]. Принципиальным для СССР являлось опасение, что развитие повстанческого движения может привести к уничтожению власти китайской администрации и попыткам создания мусульманского государства, которое будет использовано Англией или Японией для усиления своего влияния в регионе. Это опасение уже подтверждалось сведениями о том, что материальную, военно-техническую и инструкторскую помощь восставшим осуществляли Англия и Япония. Газеты указывали, что войска Ма Чжуньина прошли подготовку под руководством японских инструкторов. Расхожими терминами в западной печати были «японофильская северная группировка восставших» и «англофильская южная группировка». В. Бармин заключает, что «активное вмешательство в синьцзянские события зарубежных сил и всё более чётко обозначавшийся у предводителей восстания под влиянием этих сил антисоветизм, заставляли советскую сторону не только внимательно отслеживать события, но и прорабатывать мероприятия, которые могли бы защитить в этих обстоятельствах интересы СССР в провинции», и одной из основных мер являлась поддержка провинциального правительства [2, с. 95—97].

Поэтому, когда летом 1931 г. правительство Синьцзяна обратилось к СССР с просьбой о продаже оружия, прежде всего авиатехники, эта просьба была удовлетворена. Как отмечают В. Бармин и исследователь Е. Наземцева, с середины 1931 г. СССР начал поставки оружия, военной техники, отправлять в Синьцзян своих инструкторов, причём необходимое оружие и одежду получали и белогвардейские части, находившиеся на службе провинциальной администрации. На основании данных архива ГАРФ Е. Наземцева указывает, что, когда Ма Чжуньин двинул свои войска на Урумчи, остановить его удалось с помощью казаков, в то же время отряд полковника П.П. Паппенгута 1 ноября 1931 г. снял осаду с Хами. В Урумчи были сформированы дополнительно три казачьих кавалерийских

полка численностью в 1800 чел. Командующим объединёнными силами провинции стал генерал Шэн Шицай [6, с. 83].

В первой половине 1932 г. Советский Союз осуществил новую поставку крупной партии оружия синьцзянскому правительству, в том числе восемь самолётов, аэробомбы, патроны, бензин и прочее имущество, всего на сумму 200 705 американских долл. [2, с. 97]. Несмотря на это, зимой 1932—1933 гг. одному из лучших командиров Ма Чжунъина Ма Шимину удалось активизировать действия восставших, которые осадили Урумчи. К исходу зимы положение провинциальных войск стало критическим. Актом, который в буквальном смысле спас китайские власти в Синьцзяне, В. Бармин называет переброску из СССР в Синьцзян частей под командованием генерала Су Бинвэня общей численностью около четырёх тысяч чел., которые ещё в декабре 1932 г. отступили на территорию Советского Союза из оккупированной японцами Маньчжурии и были интернированы [8, с. 186—187]. Отправка нескольких тысяч кадровых солдат под командованием опытных офицеров в район осаждённого Урумчи радикально изменила военную ситуацию, и в конечном счёте блокада со столицы Синьцзяна была снята [2, с. 100].

Обстоятельства прихода к власти в Синьцзяне Шэн Шицай можно выяснить из исследований российских учёных Г.В. Астафьева, В.С. Кузнецова, китайского — Ли Цзягу, а также из совместной книги Ф. Уайтинга и Шэн Шицай и др.

12 апреля 1933 г. группа оппозиционных чиновников китайской администрации Синьцзяна во главе с Тао Минъюанем, Ли Сяотянем и Чэнь Чжунюм организовала военный переворот против губернатора (дубаня пограничных войск) Цзинь Шужэня. Сложившейся обстановкой умело воспользовался Шэн Шицай, занимавший к тому времени должность командующего войсковой группировкой, противостоящей наступлению восставших во главе с Ма Чжунъином. Причём под командованием Шэн Шицай находились и дунбэйские части, и части русской белой гвардии. Обладая значительной военной силой, он объявил о своей поддержке «апрельской революции», в результате чего Цзинь Шужэнь вынужден был бежать, а Шэн Шицай занял его место. Е. Наземцева отмечает, что основную роль в ходе переворота сыграли подразделения генералов Паппенгута и Бехтеева, очевидно, имея в виду их боеспособность [6, с. 84].

Подробности самого первого периода после апрельского переворота излагает китайский исследователь Ли Цзягу. Он отмечает, что сразу после переворота новое правительство Синьцзяна выдвинуло политическую программу «10 крупных шагов по искоренению последствий правления Цзинь Шужэня», в которой провозглашалось равенство всех национальностей, а также принципы следования единому курсу центрального (гоминьдановского — Г.К.) правительства во внешней политике и финансах [12, с. 364].

Основываясь на данных другого китайского источника, В.С. Кузнецов отмечает, что в программе провозглашалось равенство всех национальностей в политической, экономической и образовательной сферах. Он также обращает внимание на формулировку одной из статей «осуществить пре-

образование просвещения в соответствии с установками партии» (Гоминьдан — Г.К.), которая, по его мнению, подразумевала унификацию системы просвещения с вероятным исключением духовного образования в перспективе [5, ч. 3, с. 30—31].

Ли Цзягу отмечает, что «программа 10 шагов» ещё не содержала пункта о дружбе с СССР. В действительности прошло примерно около года, прежде чем это произошло. Однако, как свидетельствует сам Шэн Шицай, наведение мостов с Москвой началось сразу после переворота и происходило в течение 1933 г. А обстоятельства складывались таким образом, что вынуждали Шэна обратиться за внешней поддержкой. Дело было в том, что центральное правительство стремилось изменить полунезависимый статус Синьцзяна, существовавший уже длительный период, и поэтому затягивало официальное утверждение состава нового правительства Синьцзяна. Чтобы ограничить власть Шэн Шицай, система пограничных комиссаров (дубаней) была преобразована в систему Военного совета. В то же время руководители переворота стремились договориться с представителями центрального правительства против Шэн Шицай. Узнав об этом, Шэн Шицай под предлогом борьбы с мятежниками казнил троих организаторов переворота и вынудил перепуганного представителя Нанкина Хуан Мусуна просить телеграммой Чан Кайши об утверждении Шэн Шицай в должности [12, 365]. В результате 1 августа 1933 г. нанкинское правительство объявило об утверждении состава администрации Синьцзяна: генерал-губернатор (дубань пограничной охраны) — Шэн Шицай, председатель правительства — Лю Вэньлун, начальник гарнизона Кульджи — Чжан Пэйюань. Причём назначение последнего имело целью создать противовес Шэн Шицаю и не допустить его чрезмерного усиления [1, с. 63].

Между тем, Шэн Шицаю необходимо было справиться и с другим претендентом на пост губернатора Синьцзяна — Ма Чжуньинем. Осенью 1933 г. после очередной неудачной попытки заключить перемирие с Ма Чжуньинем Военный совет провинции принял решение начать активные боевые действия против армии дунган.

12 ноября 1933 г. в Кашгаре было официально объявлено о создании независимой Тюркско-исламской республики Восточного Туркестана (ТИРВТ), руководители которой просили принять создаваемое ими государство под протекторат Англии. В условиях, когда повстанцами южного Синьцзяна было объявлено о создании ТИРВТ, Шэн Шицай, учтя опыт своего предшественника, обратился к правительству СССР с просьбой об оказании помощи в проведении боевых операций против повстанцев. Советская сторона ответила согласием [2, с. 100].

В ноябре 1933 г. из Советского Союза в Синьцзян была переброшена так называемая «Алтайская добровольческая армия», сформированная из частей различных родов войск Красной Армии. Под непосредственным командованием Шэна были дунбэйские части (ранее интернированные в Советский Союз, а зимой 1932—1933 гг. переброшенные на помощь осаждённому в Урумчи Цзинь Шужэню). Нанятые Шэн Шицаем на службу белогвардейские части из натурализовавшихся русских поступили в оперативное подчинение

«Алтайской армии». Бывшим белогвардейцам была обещана амнистия и советское гражданство в случае успеха операции. Обеспечение оружием, техникой и снаряжением брала на себя советская сторона с последующим возмещением понесённых затрат правительством провинции [2, с. 100—101].

Основная часть операции по разгрому войск Ма Чжуньина проводилась с ноября 1933 г. по апрель 1934 г. В апреле 1934 г., когда главные силы повстанцев были разгромлены, начался вывод Алтайской добровольческой армии из Синьцзяна. По просьбе Шэн Шицай на срок три-четыре месяца была оставлена конная группа алтайцев с батареей общей численностью 350 чел. Китайским войскам оставили также всю материальную часть выведенных соединений и выделили большую группу советников и инструкторов. Вопреки требованию Шэн Шицай перешедшего на советскую территорию Ма Чжуньина не выдали китайским властям, а интернировали. К началу 1935 г. из Синьцзяна были выведены последние части Красной Армии, что знаменовало прекращение советского военного присутствия на территории Синьцзяна на тот период [2, с. 101—102].

В 1934 г. при посредничестве советских представителей Шэн Шицай добился примирения с лидером уйгурских повстанцев Ходжи Ниязом, который получил пост заместителя председателя правительства Синьцзяна, а сами повстанцы были включены в состав синьцзянской армии [1, с. 64].

Ли Цзягу отмечает, что только сосредоточив в своих руках военную и политическую власть, став по совместительству председателем правительства Синьцзяна, Шэн Шицай официально объявил о политике дружественных отношений с Советским Союзом. В апреле 1934 г. на торжественной конференции, посвящённой первой годовщине «апрельской революции», он обнародовал новую политическую программу из восьми пунктов (национальное равноправие, свобода вероисповедания, поддержка деревни, упорядочение финансов, чистка бюрократического аппарата, расширение сети образования, развитие самоуправления, улучшение правовой системы). В отличие от объявленной годом ранее новая программа не содержала пункта о едином курсе с гоминьдановским правительством во внешней и внутренней политике.

В августе 1934 г. Шэн Шицай выдвинул программу из девяти главных задач: искоренение взяточничества, развитие экономики и культуры, избежание военных действий и поддержание мира, всеобщая мобилизация для проведения весенней посевной, улучшение работы транспорта, обеспечение принадлежности территории Синьцзяна Китаю, проведение антиимпериалистической и антифашистской политики и поддержание долговременных дружественных отношений с Советским Союзом, строительство нового Синьцзяна, отказ от прав какой-либо национальности на сохранение титулов князей, обычаев шаманизма и проч. Таким образом, в программе Шэна впервые появился пункт о политике дружбы с СССР. В апреле 1935 г. на втором съезде народов Синьцзяна было официально объявлено о «шести главных политических направлениях»: антиимпериализм, дружба с СССР, мир, борьба с коррупцией, строительство и национальное равноправие народов Синьцзяна. Кроме того, Шэн

написал книгу «Программа шести главных направлений политики», учредил шесть звёзд на флаге Синьцзяна, и таким образом эти направления стали основой политического курса правительства Синьцзяна [12, с. 367].

Ли Цзягу считает, что причиной принятия Шэн Шицаем курса дружественных отношений с Советским Союзом и с китайскими коммунистами было не только его критическое положение в связи с необходимостью подавления восстания мусульманского населения Синьцзяна. Этот выбор Шэн Шицая, по его мнению, имел также и идеологическую основу. А предпосылки принятия данного курса сложились в течение периода, предшествующего приходу Шэн Шицая к власти в Синьцзяне. В частности в юности, во время учёбы в Японии Шэн Шицай активно участвовал в патриотическом движении молодёжи против «21 требования» Японии, предъявленного Китаю. Он был выдвинут представителем от студенческого общества Ляонина в поддержку общекитайского движения студентов за возвращение Китаю прав на Шаньдун. А в 1925 г. участвовал в восстании Го Сунлина против Чжан Цзолина в Маньчжурии. Кроме того, по свидетельству самого Шэн Шицая, в период становления его мировоззрения в Северо-Восточном Китае он изучал теорию марксизма. В качестве аргументов в пользу выбора этого курса идеологических убеждений Шэн Шицая Ли Цзягу выдвигает также выступление Шэна против политики несопротивления агрессору, принятой Чан Кайши после вторжения Японии в Северо-Восточный Китай, а также поддержку Шэном Чжан Сюэляна в период сианьского инцидента (захват Чан Кайши с целью склонить его к созданию антияпонского единого фронта Гоминьдана и КПК — Г.К.). Кроме того, в качестве весомого аргумента он выдвигает желание Шэн Шицая, заявленное им ещё в 1929 г., вступить в КПК, о котором он позднее сообщал в письме Ван Мину [12, с. 366—367].

Для выполнения пункта «программы шести направлений политики» о борьбе с империализмом в Синьцзяне был создан народный антиимпериалистический союз, призванный, согласно ст. 1 его устава, быть «самодельной массовой политической организацией, ставящей целью возглавить борьбу народов Синьцзяна за сохранение навечно его статуса китайской территории, против попыток империалистов, посеяв рознь между его народами, превратить Синьцзян в свою колонию» [1, с. 65—66].

Ли Цзягу приводит интересные свидетельства других китайских исследований о той роли, которую по замыслу Шэна должна была сыграть «программа шести направлений политики». В частности, в статье Чжао Мина приводится выдержка из речи Шэн Шицая в июне 1939 г. о том, что политическое объединение на основе этой программы — это третье независимое политическое объединение после КПК и Гоминьдана [14, с. 41]. Роль «программы 6 направлений политики» уточняется в материалах «Антиимпериалистического союза народов Синьцзяна». Во второй статье исправленного в августе 1939 г. варианта устава союза говорилось о том, что этот политический курс является теоретической основой общественной науки, и необходимо бороться за его победу в масштабе всей страны, за достижение национальной независимости, освобождение и установление демократической власти [13, с. 65].

Реализация новой политики освещается в исследовании Г.В. Астафьева. В частности он сообщает, что ряд представителей коренных национальностей преимущественно из числа байской верхушки и родовой знати были включены в состав провинциального правительства или заняли административные посты на местах, в округах и уездах. Местное население получило возможность косвенно принимать участие в управлении через специальные представительные органы — съезд национальностей, созываемый ежегодно, и его постоянный орган — межнациональный комитет, обладавшие только совещательными функциями. Ограниченность прав этих институтов, по мнению Г.В. Астафьева, показывала, что Синьцзян только начинал первые шаги на пути демократизации управления, но по сравнению с остальным Китаем эти институты представляли собой определённое прогрессивное явление [1, с. 64—65].

После захвата Японией Северо-Восточного Китая советские руководители считали японскую угрозу реальной не только для своего государства, но и для Синьцзяна, и это было одной из главных причин оказания Советским Союзом помощи Шэн Шицаю. Г.В. Астафьев указывал: «Советское руководство ясно представляло себе роль этой территории как основного пути между внешним миром и Китаем, который в случае блокады Китая Японией останется единственным связующим звеном между ним и остальным миром» [1, с. 66]. Поэтому ещё в период 1931—1934 гг. в приграничной с Синьцзяном зоне СССР была создана сеть из пяти автомобильных дорог, соединяющих Турксиб с границей. Было решено заблаговременно оказать Китаю помощь в создании в этом районе военно-промышленной базы, в строительстве транспортной артерии, соединяющей Китай с внешним миром и гарантирующей беспрепятственную доставку военных грузов, переброску советских военных кадров в целях отражения японской агрессии. Для содействия Китаю в строительстве гигантской автомагистрали через Синьцзян протяжением 2925 км от пограничного пункта Хоргос до г. Ланьчжоу (в соседней с Синьцзяном провинции Ганьсу) была создана специальная военно-транспортная организация. В Синьцзян отправились советские специалисты по автодорожному делу, под руководством которых части китайской армии и мобилизованное население развернули строительство автодороги через пустыни и высокогорные районы.

Для решения проблемы снабжения автотранспорта горючим с помощью СССР в короткие сроки были проведены изыскательские и буровые работы на трассе и выстроен нефтеперегонный завод. На трассе работало 3200 автомашин и тысячи советских людей. Для срочной переброски военных советников и специалистов организовали авиалинию Алма-Ата — Хами. Для поставки самолётов построили аэродромы в Кульдже, Урумчи, Хами и Ланьчжоу. Вся эта транспортная инфраструктура уже в 1935—1937 гг. обеспечила доставку в центральные, а затем в юго-западные провинции Китая крупных ресурсов вооружения и большого числа военных советников и лётчиков [1, с. 67—68].

Кроме того, по свидетельству Б.А. Бородина, с 1937 г. сборка самолётов стала осуществляться на построенном в Урумчи с помощью СССР авиаци-

онном заводе. Технический персонал готовился советскими инструкторами в авиационной школе в Кульдже, также созданной при помощи СССР. Таким образом, Синьцзян за короткое время был превращён в крупную военно-промышленную тыловую базу [3, с. 169].

Учитывая огромное значение торговли с СССР для политического и экономического развития Синьцзяна, правительство Шэн Шицай в 1934 г. ликвидировало все ограничения торговой деятельности советских хозяйственных организаций и разрешило им открывать отделения во всех крупных городах. Правительство наметило обширную программу по восстановлению и развитию хозяйства и для её осуществления обратилось к советским организациям с просьбой оказать техническую и экономическую помощь. Как отмечает Г.В. Астафьев, Шэн Шицай с помощью СССР рассчитывал укрепить своё положение, в частности создать десятитысячную армию, обучить её с помощью советских специалистов. Кроме того, он обратился к правительству СССР с просьбой предоставить кредит, поставить оборудование для ряда предприятий, транспортные средства, а также направить в Синьцзян соответствующих специалистов [1, с. 100—105].

По свидетельству Ли Цзягу, Советский Союз отправил в Синьцзян большую группу советников, которые работали во всех учреждениях, на предприятиях, в больницах. Количество военных, финансовых, политических советников и научно-технических специалистов достигло более 300 чел. А в мае 1935 г. из Советского Союза на работу в Синьцзян были отправлены 25 китайских стажёров, являвшихся членами компартий СССР и Китая. В соответствии с договорённостью сторон они не должны были открыто заявлять о своём членстве в компартии, вести организационную работу и пропаганду коммунизма. Как отмечает младший брат Шэн Шицай, политика союза с СССР продолжалась восемь лет, причём первые пять лет — в тайне (от гоминьдановского правительства — Г.К.). Однако в начальный период Шэн Шицай не чинил препятствий работе китайских коммунистов [12, с. 368—369].

21 августа 1937 г. между Китаем и СССР заключён пакт о ненападении, а 14 сентября достигнута договорённость о поставке Китаю советской военной техники, боеприпасов и снаряжения в счёт кредитов, предоставленных Советским Союзом [7, с. 149]. 22—23 сентября было оформлено образование единого антияпонского фронта КПК и Гоминьдана. Большая часть военных поставок из СССР для борьбы с Японией шла через Синьцзян. Так, уже 22 сентября 1937 г. в Урумчи прибыла первая партия самолётов с группой советских представителей для организации транспортировки через Синьцзян поступающих из СССР самолётов и военных грузов [7, с. 164].

После образования единого антияпонского фронта КПК и Гоминьдана Шэн Шицай включил в состав провинциального правительства двух представителей КПК, одного представителя коренного населения Синьцзяна, а также назначил нескольких уйгуров и казахов на другие руководящие должности [7, с. 232].

В работе Г.В. Астафьева наиболее подробно освещается также экономическая помощь СССР правительству Синьцзяна, которая началась ещё

с середины 30-х гг. Так, в 1935 г. Наркомвнешторг СССР предоставил синьцзянскому торговому обществу «Тучангунсы» кредит в сумме 5 млн. золотых рублей. Из них 1 млн. руб. предназначался для строительства автомобильных шоссе, а остальные на закупку оружия и строительство заводов [1, с. 100].

Обороты торговли с СССР стали быстро расти, достигнув в 1936 г. 25 млн. руб. против 12,3 млн. в 1932 г. [9, 118]. Рост торговли увеличил доходы синьцзянских властей от взимания таможенных сборов, что позволило выделить больше средств на экономическое строительство. С помощью советских кредитов и роста доходов от пошлин были осуществлены реорганизация финансовой системы и ряд экономических проектов. Советские кредиты, предоставленные под 5% годовых на шесть лет, предназначались для оплаты расходов на транспортное строительство, сооружение электростанций, электролампового завода, маслозавода, а также для приобретения станков, сельскохозяйственных машин, военного снаряжения (включая самолёты), транспортных средств, медицинского и типографского оборудования. Советская геологическая экспедиция обнаружила перспективные запасы нефти в районе Шихо. Были сооружены нефтедобывающие и нефтеперерабатывающие предприятия. Нефтеперегонный завод обеспечивал переработку 50 000 т нефти в год. С помощью советских инженеров и техников в Синьцзяне было построено 30 промышленных предприятий. Наиболее крупные из них — авторемонтный и автосборочный завод в Урумчи, нефтедобывающие и нефтеперегонные заводы в Шихо, хлопкоочистительный и маслобойный заводы в Турфане. Помощь СССР дала возможность местному правительству провести обширную программу экономических и культурных мероприятий, заложенных в трёхлетних планах — в области сельского хозяйства, промышленности, транспорта, связи, народного образования, здравоохранения и культуры [1, с. 101].

Г.В. Астафьев также отмечал, что бурный рост просвещения является одной из характерных особенностей Синьцзяна в период 1932—1942 гг. К 1940 г. затраты на образование и культурные расходы выросли более чем до 4-х млн. долл. ежегодно [1, 104]. По данным департамента просвещения, правительственная школьная сеть в Синьцзяне до 1934 г. состояла только из 68 начальных школ с 2274 учащимися. К июлю 1938 г. в школьной сети, находящейся на содержании бюджета, было уже 438 учебных заведений (не считая специальных). В неё входили один вуз со 101 студентом, 5 средних школ с 892 учащимися, 6 учительских семинарий с 781 учащимся, 357 начальных школ с 36 375 учащимися и 69 школ ликвидации неграмотности с 1978 учащимися. Общее число учащихся в этих учебных заведениях составляло 40 127 чел.

В дополнение к правительственной школьной сети национальные культурно-просветительные общества содержали свою школьную сеть, насчитывавшую в 1938 г. 1840 школ с 105 089 учащимися, в том числе 1540 уйгурских школ с 89 807 учащимися, 275 казахских и киргизских с 14 321 учащимся, 1 дунганскую школу с 44 учащимися и 24 монгольские школы с 917 уча-

щимися. Общее число охваченных школьной сетью в 1938 г. составляло 145 000 чел. Характерным было привлечение в школу девочек, что для мусульманского населения являлось большим шагом вперед. В школах уйгурского КПО в 1938 г. обучались 18 582 девочки. Кроме учебной сети, в районе был организован ряд специальных курсов и учебных заведений для подготовки специалистов по животноводству, земледелию, ветфельдшеров и руководящих работников местных органов. Эти курсы выпустили несколько сотен специалистов, сыгравших важную роль в развитии экономики. В 1934—1942 гг. аналогичные курсы функционировали при департаменте строительства, транспортном, дорожном управлениях и других органах. В этих учебных заведениях были представлены все национальности Синьцзяна, они обучались на своих языках в национальных группах. Такая форма просвещения явилась результатом влияния советской национальной политики, которая сыграла положительную роль в культурном развитии и росте национального самосознания коренного населения, — делает вывод Г.В. Астафьев. Он считает, что этому также способствовала политика, проводимая прогрессивными элементами правительства до 1942 г. в области культурного развития района. Культурно-просветительные общества (КПО) — уйгурское, казахское, киргизское, монгольское, дунганское, маньчжурское, китайское и русское — с помощью пожертвований, а также обязательного обложения населения собирали значительные средства для ведения культурно-просветительской работы среди населения своей национальности, для создания школ, организации клубов, библиотек, драмкружков и т.п. На национальных языках издавались газеты, учебники, политическая и художественная литература. Постепенно повышался культурный уровень людей, прежде отличавшихся всеобщей отсталостью, господством предрассудков и огромным влиянием духовенства. Начала формироваться национальная интеллигенция, которая со временем стала играть ведущую роль в политической жизни района. Китайское феодально-милитаристское управление под воздействием всех факторов экономического, политического и культурного характера стало превращаться в более прогрессивную форму управления с наличием элементов представительства, зачатками которых являлись «съезд национальностей» и выбираемый им межнациональный комитет.

Г.В. Астафьев заключает, что с помощью и под воздействием Советского Союза Синьцзян, как в экономической, так и культурно-политической области, быстро двигался по пути прогресса вплоть до 1941—1942 гг., когда глава правительства Синьцзяна Шэн Шицай изменил свой политический курс в связи с нападением гитлеровской Германии на СССР и отказался от развития экономических и культурных связей с СССР [1, с. 105—106].

Авторы «Истории революции малочисленных народностей Китая, 1840—1949» отмечают, что «программа шести политических направлений» была составлена и проводилась с помощью Советского Союза и КПК. Она отвечала стремлению различных национальностей к миру и демократическому прогрессу, объективно способствовала стабилизации политического положения, социальному, экономическому и культурному развитию

Синьцзяна. Однако с укреплением власти Шэн Шицай постепенно проявился его истинный облик «дракона, меняющего свою политическую окраску». С 1937 г. он начал непрерывно инициировать «дела» по разоблачению заговоров, якобы готовившихся против него лично и против «политики шести направлений», планомерно проводил чистки тех политических сил, которых считал опасными для своего господства. Эта политическая реакция нанесла ущерб экономике и культуре Синьцзяна [16, с. 793—796].

Академик Л.С. Тихвинский, выступая с критикой в адрес Ли Цзягу, отмечает, что «по мере развития наступления Японии вглубь Китая... Шэн Шицай стал менять свой курс. Он поставил на все главные посты в провинции своих ближайших родственников, приехавших в Синьцзян из Маньчжоу-го и ориентированных на Японию. Стал преследовать демократические элементы в провинции, арестовывать руководителей уйгурских, дунганских монгольских, казахских и киргизских организаций, деятелей Компартии Китая» [4].

Особенности национальной политики Шэн Шицай в отношении неханьских народов с момента его прихода к власти исследует также В.С. Кузнецов. Он отмечает, что в декларации восьми пунктов 1934 г. Шэн выступил за свободу религий, бытовавших в Синьцзяне (ислам, буддизм), против исключительного положения какой-либо из них и гарантировал всем национальностям право свободы вероисповедания [5, ч. 3, с. 41]. Кроме того, в 1934 г. Шэн Шицай провозгласил в качестве одной из девяти главных обязанностей провинциального правительства Синьцзяна защищать положение и привилегии религиозных руководителей. В первом съезде представителей народных масс Синьцзяна (апрель 1934 г.) приняли участие и представители духовенства, делегированные местными религиозными руководителями. По предложению представителей ахунов и феодальной верхушки участие делегатов-женщин в работе съезда было ограничено правом совещательного голоса. В.С. Кузнецов объясняет внимание Шэн Шицай к мусульманскому духовенству в этот период стремлением укрепить режим за счёт расширения его политической основы. Так, многие мусульмане были поставлены на посты в провинциальной администрации, ранее занимаемые китайцами. Магометане получили должности заместителя председателя провинциального правительства, директора департаментов просвещения, гражданских дел, финансов, реконструкции, сельского хозяйства и промышленности. Чтобы удовлетворить политические амбиции мусульманских верхов и выиграть дополнительное время для укрепления своей власти на Севере и Востоке, Шэн поставил главным военным начальником (сылином) Кашгарского округа Махмуда Шичжана и вновь назначил мусульманина национальности хуэй Ма Шоу даоинем Нового города Кашгара. Однако, по замечанию В.С. Кузнецова, Шэн чувствовал себя явно неуютно с мусульманами—чиновниками на высоких должностях в Кашгаре. И через месяц послал своего земляка Лю Биня занять должность сылина в Кашгаре, а Махмуда Шичжана отстранил. Лю Бинь был ярким китайским националистом и христианином. Одним из первых его шагов стал приказ повесить портрет Сунь Ятсена в мечети Идгах в старом городе Кашгара. По свидетельству английского

генконсула, это вызвало опасения населения в том, что «большевики захватили страну и стремились к уничтожению религии». Но ещё больше увеличилось недовольство кашгарцев новым правительством в Урумчи из-за проводимых им мероприятий в области образования, которые шли вразрез с устоявшимся укладом жизни мусульманской общины, в частности, предписания отдавать девочек в школу и сокращения занятий по изучению Корана. При этом, как отмечает В.С. Кузнецов, именно через школу Шэн повёл наступление на ислам. В тюркских школах в Урумчи, до этого почти всецело религиозных по своему характеру, стало вводиться рудиментарное политическое обучение. Официально незапрещённый ислам подвергался осмеянию в классных аудиториях. Учащиеся представляли собой благодатную почву для антиисламской пропаганды. Несмотря на широковетательные заявления Шэн Шицай относительно свободы вероисповедания, знаки внимания к духовенству, он всё же не абсолютизировал эту свободу и не был склонен безоговорочно потакать духовенству. Шэн Шицай запретил практику «воскрешения из мёртвых», бытовавшую у последователей учения «Ишань цзяо», секты ислама. Руководители этой секты, естественно, стали противниками Шэна и соответственно влияли на умы своих адептов. Недовольство мусульман вызвал и запрет на хадж в Мекку. В памфлете, изданном Группой национальной свободы, выступавшей против власти Шэн Шицай и против китайского присутствия, в этой связи говорилось: «Группы национальной свободы должны бороться за обеспечение свободы религии и будут выступать против всех ограничений, наложенных на нашу религиозную практику» [5, с. 42—44].

В.С. Кузнецов считает, что форсирование атеистической пропаганды на юг провинции, предпринятое Шэн Шицаем во второй половине 1936 г., способствовало тому, что оппозиция Урумчи выкристаллизовалась именно на исламской основе и сплотилась вокруг фигуры Махмуда Шичжана, провозгласив своей целью «защиту ислама». Однако и сам Шэн выступал защитником свободы вероисповедания, и соперничества на этом поприще он не потерял.

2 апреля 1937 г., опасаясь за свою судьбу, Махмуд Шичжан бежал в Индию. Но это не укрепило положение Шэн Шицай. С бегством Махмуда мусульманская оппозиция Шэну на юге Синьцзяна не прекратила своей деятельности. Вскоре после отъезда Махмуда находившиеся ранее в его подчинении войска восстали против провинциальных властей в Яркенде и Янги-Гиссаре. Повстанцы создали правительство во главе с двумя офицерами, служившими под началом Махмуда, Кичик Ахуном и Абдулниязом. Это выступление носило ярко выраженную исламскую окраску и отвечало интересам хуэйского военачальника Ма Хушаня, находившегося в Южном Синьцзяне и враждебно настроенного к Шэн Шицаю. Осадив солдат последнего в Новом городе Кашгара, Ма Хушань информировал английское генконсульство, что его бойцы действовали по договорённости с тюрками, имея в виду свержение провинциального правительства и замену его исламским правительством, предлагающим определённую преданность Нанкину.

Выступления за создание мусульманского режима сопровождались убийствами чиновников, которые получали образование в СССР, или подозревались, в том, что питают к нему симпатию [5, ч. 3, с. 45].

По свидетельству Шэн Шицай, в то время под его командованием находилось более 10 тыс. пехотинцев, кавалерия, артиллерия, более 10 самолётов, рота танков и броневойска. Ему противостояли 15 тыс. восставших. Он не мог обратиться за помощью к гоминьдановскому правительству, так как оно в то время было занято борьбой с коммунистами, и единственным выбором Шэна было снова обратиться к СССР за помощью в подавлении восстания в Южном Синьцзяне. В мае 1937 г. пять тысяч солдат Красной Армии, авиаотряд и бронеполк пересекли границу и пришли на помощь армии Шэн Шицай [16, с. 50—51]. К началу 1938 г. восстание было подавлено. А в январе 1938 г. Шэн Шицай попросил Советский Союз для защиты восточных ворот Южного Синьцзяна Хами расквартировать там полк и авиаотряд. Это войсковое соединение впоследствии получило название «8-й полк Красной Армии», включало, кроме авиации, артиллерию и танки, и могло быть по боевой мощи приравнено к дивизии. Ли Цзягу делает вывод, что без помощи Советского Союза Шэн не смог бы удержаться у власти и объединить Синьцзян [12, с. 366].

Хотя учреждение синьцзянского исламского правительства на этот раз не состоялось, тем не менее, В.С. Кузнецов отмечает живучесть этой идеи в политической борьбе, которая имела место в Синьцзяне. К концу 1937 г. активная мусульманская оппозиция в Синьцзяне была лишена руководства и находилась в смятении, однако ислам как феномен психологического порядка не сошёл на нет, ибо продолжали существовать его исповедующие, составлявшие подавляющее большинство населения Синьцзяна. В этих условиях Шэн Шицай делает объектом своих репрессий прежде всего тех, кто являлся носителем исламской духовности или проявлял интерес к овладению ею. Муллы, а также те, кто был замечен в чтении религиозных книг, подверглись аресту и были посажены в тюрьму. В.С. Кузнецов заключает, что Шэн Шицай оказался неспособным управиться с исламом как идейно-политическим фактором, дестабилизировавшим обстановку в Синьцзяне [5, ч. 3, с. 45].

Таким образом, в исследованиях российских авторов всесторонне освещается политика Шэн Шицай в Синьцзяне в 1933—1939 гг. Показана важность помощи СССР Шэну с момента его прихода к власти. Эта помощь была необходима для предотвращения захвата Синьцзяна Японией вслед за Северо-Восточным Китаем и для отражения японской агрессии в Китае. СССР также оказал Шэн Шицаю экономическую помощь в строительстве нового Синьцзяна. Это подтверждается и в исследовании Ли Цзягу, который обращает внимание на близость идейной позиции Шэна к марксизму и более подробно излагает основы его политики в 1933—1939 гг. Он отмечает, что без помощи СССР Шэн не смог бы удержаться у власти в Синьцзяне в связи с постоянной угрозой восстаний мусульманского населения. Одной из причин неустойчивости режима Шэн Шицай, как показывают исследования российских учёных, была его непоследовательная национальная политика.

Результаты исследования политики Шэн Шицай в Синьцзяне позволяют также сделать вывод, что под его руководством со второй половины 1930-х гг. происходила эволюция относительно прогрессивного авторитарного режима в тоталитарный.

#### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Астафьев Г.В. Синьцзян-уйгурский автономный район. М., 1989.
2. Бармин В. Синьцзян в истории советско-китайских отношений 1931—1934 гг. // Проблемы Дальнего Востока. 1990. № 6. С. 91—103.
3. Бородин Б.А. Помощь СССР китайскому народу в антияпонской войне (1937—1941). М.: Мысль, 1965. 200 с.
4. Круглый стол ИДВ // Проблемы Дальнего Востока. 2005. № 4. С. 17—19.
5. Кузнецов В.С. Ислам в политической истории Китая. Ч. 2. (60-е годы XIX в. — 30-е годы XX в.) // Информационный бюллетень № 8. Ч. 3 (30-е годы XX в. — 1949 г.) // Информационный бюллетень № 9. М., 1996.
6. Наземцева Е.Н. Сотрудничество властей провинции Синьцзян с белогвардейской эмиграцией в период подавления мусульманского восстания (30-е годы XX в.) // Китай: шансы и вызовы глобализации. Тезисы докл. XIV междунар. конф. «Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы». Москва 23—24 сентября 2003 г. М., 2003. Ч. 2. С. 82—85.
7. Новейшая история Китая 1928—1949. М., 1984. 440 с.
8. Сладковский М.С. Знакомство с Китаем и китайцами. М.: Мысль, 1984. 381 с.
9. Сладковский М.С. История торгово-экономических отношений СССР с Китаем, 1917—1974. М.: Наука, 1977. 368 с.
10. Фесенко. Б.И. Классовое расслоение и обнищание декханства в синьцзянском кишлаке // Революционный Восток. 1932. № 3—4. С. 274.
11. Хакимбаев А.А. К оценке деятельности Ма Чжуньина (Из истории национально-освободительной борьбы народов Синьцзяна в 1931—1934 гг.) // Четырнадцатая научная конференция «Общество и государство в Китае»: тезисы и доклады. М., 1983. Ч. 3.
12. Ли Цзягу. Шичжэ Шэн Шицай тунчжи Синьцзян цянъиды цинсу цингун чжэнцэ = Анализ политики союза с СССР и коммунистами в начальный период правления Шэн Шицай в Синьцзяне; Чжун-Э гуаньсиды лиши юй сяньши = История и современное состояние китайско-российских отношений. Хунань дасюэ чубаньшэ. 2004.
13. Синьцзян миньжун фаньди лянхэхуй цзыляо хуйбянь = Антиимпериалистический союз народов Синьцзяна: сб. материалов / под ред. Ли Цинцзяня. Б.м.: Изд-во Синьцзян циншаонянь, 1986. С. 65.
14. Чжао Мин. Шэн Шицай юй Чжунго гунчандан = Шэн шицай и Коммунистическая партия Китая // Синьцзян лешу чжуань тунсюнь. 1988. № 2. С. 41.
15. Чжунго сяньдай ши цыдянь = Словарь по современной истории Китая / под ред. Ли Шэнпина. Пекин: Чжунго гоцзи гуанбо чубаньшэ. 1987. 735 с.
16. Чжунго шаошу миньцзу гэмин ши, 1840—1949 = История революции малочисленных народностей Китая, 1840—1949 / под ред. Фан Сумэй, Цзи Чжичунь. Наньнин: Изд-во Гуанси миньцзу чубаньшэ, 2000. 933 с.
17. Whiting F. and General Sheng Shi-Tsai. Sinkang: pawn or Pivot. Michigan State University Press. 1958.

## II. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

---

УДК:327.8(471+510:519.1-19)(09)

### АНАЛИЗ ПОЛИТИКИ РОССИИ И КИТАЯ В ОТНОШЕНИИ КНДР В РАБОТАХ КИТАЙСКИХ УЧЁНЫХ (начало XXI в.)

*Л. В. Забровская,*  
*доктор исторических наук*

В настоящее время анализ характера отношений России и Китая с КНДР имеет не только академическое, но и специальное практическое значение. В статье дан сравнительный анализ китайской историографии по вопросам российско-северокорейских и китайско-северокорейских отношений. Подчёркивается, что китайские авторы положительно оценивают российскую политику в отношении КНДР и отмечают, что интересы России и Китая на Корейском полуострове не вступают в противоречие друг с другом.

**Ключевые слова:** Россия, Китай, КНДР, историография, российско-северокорейские отношения, китайско-северокорейские отношения.

### CHINESE SCHOLARS ON RUSSIA AND CHINA'S POLICY TOWARDS THE DPRK (THE BEGINNING OF THE 20th CENTURY)

*L. V. Zabrovskaja*

At present, analysis of the Russia-North Korean and China-North Korean relations assumes not only academic, but also especially practical interest. So, the article is devoted to the comparative analysis of Chinese historiography on Russia and China relations with the DPRK. It was underlined that Chinese authors give positive appreciation to contemporary Russia-North Korean relations. Besides, Russia and China interests towards Korean peninsula are not at opposition with each other.

**Key words:** Russia, China, the DPRK, historiography, Russia-North Korean relations, China-North Korean relations.

На рубеже XX—XXI вв. Россия и Китай уделяли повышенное внимание своей политике в отношении стран Корейского полуострова, что было связано не только с обострением ядерного кризиса в КНДР и обсуждением вопросов безопасности в Северо-Восточной Азии (СВА) на шестисторонних встречах в Пекине, но и с расширением торгово-экономических связей с этим регионом Азии. Хотя Россия и Китай не являются военно-политическими союзниками, но в вопросах, касающихся безопасности в СВА

и решения ядерного кризиса на Корейском полуострове, обе страны всегда действовали слаженно и согласовывали свои шаги не только в Совете Безопасности ООН, но и на региональном уровне. Поэтому цель данной статьи состоит в проведении сравнительного анализа китайских оценок политики России и Китая по вышеуказанным вопросам и выявлении общей тенденции в современной китайской историографии относительно российской политики в США.

## 1. ПОЛОЖИТЕЛЬНАЯ ОЦЕНКА ХАРАКТЕРА РОССИЙСКО-СЕВЕРОКОРЕЙСКИХ СВЯЗЕЙ

Отношения между Россией и КНДР являются составной частью международной деятельности государств Северо-Восточной Азии. Сотрудничество между двумя странами было довольно тесным в период «холодной войны» (1948—1990 гг.), что оправдывалось общностью господствовавшей идеологии, союзническими обязательствами во внешней политике и идентичностью внутривнутриполитической жизни. В последующий период времени межгосударственные связи ослабели, но не прервались. Оба государства продолжают объединять не только традиционные дружественные отношения, не отягощённые какими-либо серьёзными противоречиями, но и стремление не допустить военных или гражданских конфликтов вблизи своих границ.

В 1990-е гг. внешнеполитическая обстановка в США кардинально изменилась, что привело к существенной корректировке концепции российской политики в отношении КНДР: первоначально (1991—1993 гг.) Москва поспешила занять позицию «дистанцирования» от КНДР. В середине 1990-х гг. произошёл новый поворот: Москва, обнаружив, что статус КНДР как независимого государства остался реальностью международной жизни в США, и, осознав собственные стратегические интересы, вновь пошла на сближение с этой страной.

Новые тенденции российской дальневосточной политики нашли отражение в общей направленности исследований китайских учёных. В их работах стало уделяться повышенное внимание изучению государственных интересов России в отношении стран Корейского полуострова, а также вопросов безопасности в США. Отмечалось, что в 1990-е гг. наиболее перспективным направлением российско-северокорейского сотрудничества могло стать «взаимодействие в предотвращении конфликтных ситуаций на Корейском полуострове». Однако, как подчёркивают китайские учёные, кризис экономики обеих стран не позволил им активно сотрудничать по этому вопросу.

Китайские политологи уделяют большое внимание изучению характера российско-северокорейских связей в конце XX в. и их развитию в начале следующего столетия. Они приступили к более пристальному изучению деятельности России на Корейском полуострове после 2000 г., когда президент В.В. Путин активизировал российскую политику в отношении двух корейских государств.

Китайских учёных, в целом позитивно оценивающих внешнеполитические шаги российского МИДа в США и, в частности, на Корейском полуострове, интересуют связи России с КНДР и РК не сами по себе, а в сравнении с аналогичными устремлениями китайской внешней политики. Так, в статье пекинского учёного Дун Сяояна «Побудительные мотивы развития отношений между Россией и КНДР» отмечается, что в 1990—1998 гг. российско-северокорейские связи были фактически «заморожены». По его мнению, это явилось результатом того, что Москва, устанавливая дипломатические отношения с Сеулом, не выдвинула вопрос о выводе американских войск с юга Корейского полуострова [2, с. 20], что вызвало резкое недовольство Пхеньяна. После распада СССР новое российское руководство не проявляло интерес к КНДР, что также способствовало снижению уровня политических контактов и привело к значительному сокращению торгово-экономических связей двух стран.

Дун Сяоян отмечает, что в 1999 г. произошли положительные подвижки в связях России и КНДР, что явилось следствием подготовки и заключения нового договора о мире и дружбе, который знаменовал «новый этап в развитии двусторонних отношений». Далее он подчёркивает, что визит президента В. Путина в Пхеньян 19 июля 2000 г. стал новым импульсом в расширяющихся контактах двух стран. Особенно импонирует китайскому учёному то, что Россия сможет вовлечь КНДР в протестное движение тех стран, которые выступают против размещения американских ПРО в Восточной Азии. Дун Сяоян заключает, что «активизация российской политики на севере Корейского полуострова привела к повышению роли России в международной политике и, вместе с тем, понизила экономическое давление США на КНДР» [2, с. 22].

Далее он пришёл к выводу о том, что при сохранении многих российско-американских политических и военных противоречий значительное улучшение российско-северокорейских отношений явилось «ответом России на американское давление» [2, с. 23]. Последнее замечание китайского автора является скорее желаемой для Китая, чем действительной целью российской политики в отношении КНДР, поскольку связи с этой страной самоценны для России и никак не сопряжены с состоянием российско-американских отношений.

Политолог из Корейского института Цзилиньской академии общественных наук Шан Юнмэй выделила ряд наиболее важных направлений внешней политики КНДР, проанализировав её связи с США, Японией, ЕС, Россией и РК и отметив, что сферы отношений с ведущими капиталистическими странами довольно ограничены и пока не имеют перспектив для улучшения. Напротив, контакты КНДР с «союзными государствами — Россией и Китаем — хотя и имеют свои трудности, но всё же у них есть хорошие перспективы для дальнейшего развития и предоставления всесторонней помощи этой стране».

Положительно оценив историю советско-северокорейских отношений, автор также отметила, что в 1990-х гг. отношения между Россией и КНДР

находились в застое. По её мнению, связи двух стран стабилизировались после визита Ким Чен Ира в Москву в июле — августе 2001 г. и подписания Московской декларации. Эти события ознаменовали «новый этап в развитии двусторонних связей» [11, с. 15].

Наряду с этим Шан Юнмэй отмечает, что «КНДР не заинтересована в выдавливании России с Корейского полуострова», но в то же время и «не планирует восстановление прежних очень тесных отношений». Последнее утверждение довольно спорно, т.к. многие факты говорят о том, что северокорейское руководство было бы не прочь реанимировать прежний характер отношений, что позволило бы ему получать широкомасштабную экономическую, техническую, а главное, военную помощь из России.

Вместе с тем автор с удовлетворением констатирует, что внутриэкономические трудности не позволяют России оказывать КНДР широкую военную помощь, в частности, осуществлять поставки наступательного вооружения, в котором нуждаются северокорейская армия и флот. Из этого следует, что Китай не заинтересован в восстановлении прежнего качества отношений между Россией и КНДР и тем более против возобновления российских поставок вооружения в эту страну. В заключении своего исследования Шан Юнмэй с удовлетворением подчёркивает, что в области политики, экономики и в военной сфере взаимодействия России и КНДР наблюдаются существенные изменения, однако «масштабы сотрудничества имеют свой предел» и вряд ли смогут значительно укрепиться в ближайшее время [11, с. 16]. Иными словами, она полагает, что Россия не сможет стать соперницей Китая на севере Корейского полуострова.

Китайские учёные положительно отзываются о намерении России и КНДР расширить торгово-экономические отношения. Ван Биинь, например, подчёркивает важность для экономик России и КНДР укрепление экономических связей [1, с. 74]. Китайские исследователи также полагают, что Россию и Китай объединяют общие интересы и позиции в противостоянии американскому гегемонизму в СВА [5, с. 68], поэтому они положительно относятся к участию России в разрешении ядерного кризиса на Корейском полуострове.

## 2. ВЫСОКАЯ ОЦЕНКА РЕЗУЛЬТАТОВ КИТАЙСКОЙ ПОЛИТИКИ В ОТНОШЕНИИ КНДР

В своих оценках китайской политики в отношении КНДР китайские политологи исходят, прежде всего, из того, что Китай и Корею соединяют многовековые дружественные связи, наполненные драматическими событиями по совместному отражению внешней агрессии. В новейший исторический период КНР и КНДР также поддерживают тесные братские узы, ещё более укрепившиеся с совместной борьбе против американского империализма и в ходе строительства социалистического общества. КНР и КНДР являются

военно-политическими союзниками. Согласно ст. 1 китайско-северокорейского Договора о мире и дружбе 1961 г. обе стороны обязались прийти друг другу на помощь в случае агрессии со стороны третьей державы. Этот договор продолжает быть краеугольным камнем в формировании внешней политики обоих государств в СВА. Исходя из этого, китайские авторы демонстрируют в своих работах солидарность с КНДР по основным вопросам её внешней политики, которая, кстати, полностью согласуется с китайскими интересами в этом регионе мира.

Много внимания в работах китайских учёных уделяется утверждению приоритета КНР в решении ядерного кризиса на Корейском полуострове [8; 10; 12; 13]. Высоко оцениваются успехи китайской дипломатии в проведении шестисторонних переговоров. Наряду с этим выражается и опасение о том, что КНДР «стремится к обладанию ядерным оружием». Поэтому некоторые китайские учёные приходят к заключению, что если со временем США и КНДР «не пойдут на взаимные уступки, то возможность разрешения кризиса военным путём будет всё более возрастать» [13, с. 27].

Критикуя «непреклонную» позицию КНДР, китайские учёные настаивают, что именно США могут и должны «первыми предпринять усилия», позволяющие превратить намерения сторон по мирному урегулированию ядерного кризиса в конкретные действия. В частности, такой точки зрения придерживается главный редактор журнала «Исследования России, Восточной Европы и Центральной Азии» при Академии общественных наук КНР проф. Чан Бинь. Он также считает, что хотя КНДР и является «довольно неуступчивой страной, в которой любые перемены идут очень тяжело», но если США не изменят своё отношение и не сделают «шаг ей навстречу», то «кризис на Корейском полуострове не урегулировать» [10, с. 112].

В таких требованиях к США скрывается скрытое давление и можно усомниться в «непреклонности» КНДР, которая, по всей видимости, тщательно согласовывает свои действия с китайским руководством. Вполне очевидно, что реальное воздействие на КНДР и посредничество между ней и остальным миром остаётся за Китаем. Китайское посредничество не всегда можно чётко определить и зафиксировать на уровне официальных действий. Оно скрыто от посторонних глаз и реализуется через различные неофициальные — личные, межпартийные (КПК—ТПК), коммерческие и другие связи, механизм которых отработывался десятилетиями. Следует также учитывать, что современные КНР и КНДР принадлежат к одному цивилизационному социуму, у них общие культурные традиции и общественные ценности. Отсюда и глубокое взаимопонимание, умение быстро договариваться между собой, скрывать истинные цели за внешне благожелательными фразами.

Среди китайских учёных есть и те, кто придерживается не столь радикальных взглядов на предмет обострения американо-северокорейской конфронтации. Так, известный китайский кореевед Ян Боцзян, который является сотрудником Китайского института современных международных отношений при правительстве КНР, полагает, что ядерный кризис на Корейском полуострове может завести Китай в «стратегический капкан» и обост-

ритель отношения между ядерными державами». Для Китая в данном случае важно «выбрать надлежащую позицию между отношениями с традиционным союзником и с державами» [11, с. 13]. Он всё же склоняется к проведению политики сотрудничества с заинтересованными странами и мирного разрешения ядерного кризиса.

Большинство китайских экспертов по проблемам современной Кореи прямо или косвенно подчёркивают заинтересованность Китая в извлечении максимума положительных результатов из шестисторонних встреч по ядерному кризису на Корейском полуострове. До их проведения все вопросы в США решались в основном в ходе двусторонних консультаций, что в эпоху глобализации уже перестало удовлетворять страны региона. По их мнению, шестисторонние переговоры открыли путь для создания многостороннего механизма урегулирования спорных вопросов. Поэтому в научных кругах Китая распространено мнение о необходимости перевода шестисторонних встреч на постоянную основу для оперативного решения текущих вопросов [9; 15]. Более того, исследователь из шанхайского университета считает возможным и даже необходимым привлечь к работе такого многостороннего форума государства ЮВА, а также Австралию и Новую Зеландию [15, с. 281].

Чжу Фэн, исследовательница из Китайского института современных международных отношений при правительстве КНР, подчёркивает, что Китай играет «очень важную, позитивно-активную роль в разрешении проблем ядерного кризиса на Корейском полуострове». В частности, китайская дипломатия сыграла главную роль в проведении четвёртого раунда шестисторонних переговоров, который завершился подписанием «совместного заявления», где нашло отражение стремление всех участников переговоров конструктивно решать вопросы по ликвидации ядерной угрозы на Корейском полуострове, предоставить КНДР гарантии безопасности и решить её проблему энергоснабжения путём строительства АЭС на лёгкой воде [9, с. 32]. Чжу Фэн, подчёркивая ведущую роль Китая, полагает, что после шестого раунда шестисторонних переговоров «начался новый этап в разрешении ядерного кризиса на Корейском полуострове» [9, с. 35].

Политолог из Фуданьского университета Цю Фахуа, изучив основные шаги китайской дипломатии в роли посредника на американо-северо-корейских встречах, отмечает, что проблема может быть решена мирным путём, т.к. «она не имеет тенденции к обострению и перерастанию в войну, как это было в Ираке» [6, с. 23]. Цю Фахуа, говоря о важной роли Китая в деле разрешения конфликта, замечает, что китайские дипломаты способствовали проведению не только трёхсторонних переговоров между США, КНДР и Китаем, но и ряда шестисторонних встреч, что значительно повысило международный авторитет КНР.

Вместе с тем она подчёркивает, что Китай, «прибегая к политике невмешательства», не в состоянии оказывать давление и нарушать суверенитет КНДР, которая «является полностью самостоятельной в своей внешней и внутренней политике» [6, с. 26]. Поэтому Цю Фахуа критически относится к тем зарубежным учёным, которые считают, что «Китай может более

активно влиять на ускорение решения ядерного кризиса на Корейском полуострове». Её заключительный вывод состоит в том, что хотя КНР и КНДР и имеют тесные дружественные связи, но у Китая «ограничена сфера воздействия на КНДР».

В это трудно поверить, т.к. известно, что в начале XXI в. Китай значительно укрепил свои военно-политические и экономические позиции в КНДР, фактически представляя её интересы в ООН и на других международных форумах, активно влияя на её внутриэкономические преобразования и получая взамен в долгосрочную аренду северо-корейский порт Раджин и ряд месторождений редкоземельных полезных ископаемых. Остаётся предположить, что в настоящее время Китай не заинтересован в полном раскрытии целей своей политики на севере Корейского полуострова.

Другой важной темой для обсуждения в китайской политологии является проблема участия Китая в деле объединения Кореи. Как правило, в ходе своих исследований китайские учёные подчёркивают значительную роль Китая в процессе ускорения объединения Кореи. Они отмечают, что этому способствуют длительные добрососедские отношения двух стран. Так, учёный из Пекинского университета иностранных языков Чжан Чуньхай сделал в своей статье «О роли Китая в осуществлении мирного объединения Кореи» продолжительный исторический экскурс, указав, что постоянные связи между двумя странами начались с эпохи древнекорейского объединённого государства Силла (VI в. н.э.) и значительно укрепились в последующие столетия.

Автор признаёт, что отношения между Китаем и Кореей были не всегда мирными, особенно это касается эпохи правления в Китае династии Юань. Однако в целом две страны мирно сосуществовали в течение столетий. Неоднократно Китай помогал Корее отражать внешнюю агрессию [7, с. 25].

Установление в 1992 г. официальных отношений с РК позволило Китаю значительно расширить свои торгово-экономические связи с этим регионом и ещё раз заявить о своей приверженности делу мирного и независимого воссоединения Кореи [7, с. 27]. Вместе с тем Чжан Чуньхай подчёркивает, что Китай был и остаётся приверженцем безъядерного статуса Корейского полуострова и выступает против наращивания обычных видов вооружения в этом регионе.

Исследователи из китайских научных центров Северо-Восточного Китая больше занимаются изучением проблем северо-корейской экономики и результативностью китайско-северо-корейской приграничной торговли. Так, исследователи из пров. Ляонин Ли Тэли и Юань Сяомэн подчёркивают важность политики экономической открытости в пров. Ляонин для формирования приграничных торгово-экономических связей Китая и КНДР. Пограничный китайский город Даньдун, где с конца 1980-х гг. функционирует более 30 представительств северо-корейских торговых фирм и трудоустроено более двух тыс. северо-корейцев, является главным звеном в осуществлении китайско-северо-корейских торгово-экономических операций [3, с. 28].

Пограничная торговля через Дандун прекращалась только в период «культурной революции», но в сентябре 1981 г. она была восстановлена и с тех пор наращивает свои темпы. К 1988 г. объём приграничной торговли составил 8,29 млн. долл., а к 2001 г. он возрос до 201 млн. долл. Авторы отмечают многообразие товарной номенклатуры совместной торговли, подчёркивая, что предприятия пров. Ляонин также успешно ведут инвестирование средств, основав в КНДР к 2001 г. 8 фирм с общим китайским капиталом в 5 млн. долл. Эти СП специализируются на производстве одежды, обуви, занимаются разведением рыбы и т.п. На этих предприятиях трудоустроены северокорейские рабочие. Производящиеся товары вполне конкурентоспособны на рынках третьих стран. Всё это ведёт к долгосрочной обоюдной выгоде [3, с. 30].

Исследовательница из Яньбяньского государственного университета Линь Цзиньшу, проанализировав объём, динамику и товарное наполнение китайско-северокорейской пограничной торговли за период 1994—2002 гг., пришла к выводу, что этот вид торговой деятельности «оказал корейскому населению существенную помощь в период стихийных бедствий 1995—1997 гг.», а также «способствовал началу экономических преобразований в этой стране», [4, с. 18] что, на наш взгляд, не может рассматриваться как достаточно обоснованное утверждение. Приграничные экономические связи двух стран не были столь значительны, поэтому неверно утверждение о том, что таковые смогли повлиять на изменение внутриэкономической ситуации в целом в КНДР. По всей видимости, Линь Цзиньшу попыталась таким путём подчеркнуть принципиальную важность для КНДР торговых связей с Северо-Восточным Китаем.

Однако в действительности всё представляется несколько иначе. Северокорейские власти отнюдь не отдают предпочтение китайскому капиталу, а вынуждены пускать его в свою экономику потому, что никакой другой капитал не идёт в страну. Как известно, российский бизнес пока не проявляет интерес к КНДР, т.к. у неё нет месторождений нефти и газа, а японский и южнокорейский обнаруживают излишнюю осторожность, оглядываясь на действия своих политиков, что в перспективе обернётся для них значительными экономическими потерями.

В целом китайские исследователи положительно оценивают расширение российско-северокорейских политических и экономических отношений, по-видимому, потому, что эти связи не препятствуют формированию очень тесных и всеохватывающих отношений между Китаем и КНДР. Эта мысль сквозит в ежегодных политических прогнозах Китайского института современных международных отношений при правительстве КНР. Так, например, в прогнозе на 2004 г. китайские учёные отмечали успехи своей страны в деле координации действий сторон в ходе проведения шестисторонних переговоров в Пекине, в которых «ведущие государства Восточной Азии утвердились во мнении, что спорные вопросы можно решать не только путём конфронтации и военного давления, но и путём соревновательной дипломатии» [14, с. 6].

Китайские учёные также подчёркивают, что благодаря проведению Китаем «добрососедской, богатососедской и стабильнососедской политики» Китай не только завоевал авторитет в процессе урегулирования корейского ядерного кризиса, но и значительно улучшил свой имидж среди других стран Восточной Азии, что «сделало международное положение Китая ещё более благоприятным» [14, с. 7]. Иными словами, по убеждению китайских учёных, участие Китая в решении актуальных проблем безопасности на Корейском полуострове работает на рост китайского престижа в международной политике региона. Вместе с тем китайские учёные пытаются замалчивать усилия и конструктивные инициативы других стран-участников шестисторонних переговоров, в частности, России.

Обращает также на себя внимание и то, что китайские учёные склонны рассматривать политику России в СВА только в связке с политикой Китая в этом регионе. Отсюда следует, что они в перспективе видят отношения между Россией и КНДР не как самостоятельные межгосударственные связи, а как составляющее звено китайской внешней политики в целом.

В ходе своих исследований китайские учёные пришли к выводу о том, что у России и Китая имеются серьёзные геополитические интересы на Корейском полуострове. Наряду с этим они признают, что у России и Китая сложились хорошие дипломатические и экономические отношения с обоими корейскими государствами и, что важно, интересы двух держав не вступают в противоречие друг с другом.

Как видно, изучение внешней и внутренней политики КНДР, а также характера современных российско-северокорейских отношений и перспективы их дальнейшего развития становятся актуальной темой современной китайской историографии. При этом исследование китайской политики на севере Корейского полуострова остаётся центральной задачей китайских учёных. В целом, однако, современная история международных отношений в СВА во всём её многообразии и противоречиях пока остаётся мало изученной в китайской историографии.

#### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ван Бининь. Чжун-Э цзай Чаосяньбаньдаодэ лин юй лянго чжаньлюе сецзо хобань гуаньси-ды фачжань = Интересы Китая и России на Корейском полуострове и развитие отношений стратегического партнёрства и взаимодействия между ними // Элосы Чжунья Дуноу яньцзю = Изучение России, Средней Азии и Восточной Европы. Пекин. 2003. № 4. С. 69—74.
2. Дун Сяоян. Элосы юй Чаосянь гуаньси-ды фачжань цзи ци дунин = Побудительные мотивы развития отношений между Россией и КНДР // Дунбэй Я яньцзю = Изучение Северо-Восточной Азии. Харбин. 2001. № 4. С. 20—23.
3. Ли Тэли, Юань Сяомэн. Ляониншэн бяньцзинь дицхой юй Чаосянь цзиньцзи маои хэцзю яньцзю = Изучение торгово-экономического сотрудничества между пограничными районами пров. Ляонин и КНДР // Дунбэй Я лунюнь = Форум СВА. Чанчунь. 2004. Т. 13. № 2. С. 27—30.

4. Линь Цзиньшу. Чжун-Чао бяньцзянь маои-ды сянтай юйци дуй бяньцзой шэхуэй цзинцзидэ инсян = Значение китайско-северокорейской приграничной торговли для приграничной экономики // Дунбэй Я луньтан. Харбин. 2004. № 5. С. 10—18.
5. Фан Гуанцзюнь. Бинчжаньхоу ды Элосы юй Чаосьянь баньдао = Россия и Корейский полуостров после «холодной войны» // Элосы Чжун Я Дуньоу яньцзю = Изучение России, Средней Азии и Восточной Европы. Пекин. 2003. № 4. С. 64—68.
6. Цю Фахуа. Чжунго цзай Чао хэвэньтишандэ цзоюн цзи ци шоуцзойсяндэ юаньин фэньси = Анализ действий Китая в решении северокорейского ядерного кризиса и ограниченность китайских возможностей // Дунбэй Я луньюнь = Форум США. Чанчунь. 2005. Т. 14. № 2. С. 23—27.
7. Чжан Чуньхай. Шилунь Чжунго цзай Чаосьянь баньдао хэпин туньи вэньти шандэ цзоюн = О роли Китая в осуществлении мирного объединения Кореи // Дунбэй Я яньцзю = Изучение Северо-Восточной Азии. Харбин. 2001. № 4. С. 24—30.
8. Чжу Тинчан. Лунь Чжунго мулинь чжэнцэдэ лилунь юй шицзянь = Теория и практика политики «добрых соседей» Китая // Гоцзи чжэнчжи яньцзю. Пекин. 2001. № 2.
9. Чжу Фэн. Дисылуь Люфан хуэйтаньхоудэ Чаохэ вэньти: синьцзиньин, лао вэньти = Северокорейский ядерный кризис после четвёртого раунда шестисторонних переговоров: новые перспективы, старые вопросы // Сяньдай гоцзи гуаньси = Современные международные отношения. Пекин. 2005. № 10. С. 29—35.
10. Чжунго юй чжоубянь цзи 9—11 хоудэ гоцзи цзюши = Китай, его соседи и международная ситуация после 11 сентября / под ред. Ли Юй и Лю Тиньен. Пекин: Чжунго шэхуэй кэсюе чубаньшэ, 2002.
11. Шан Юймэй. Чаосьянь туйсинь цюаньфанвэй вайцзяодэ чжаньай иньсу фанси = Анализ противодействующих факторов во внешней политике КНДР // Дунбэй Я яньцзю = Изучение Северо-Восточной Азии. Харбин. 2001. № 4. С. 11—16.
12. Ян Боцзян. Дунбэйгья-ды чжэнцэ цинкуан = Политическая ситуация в Северо-Восточной Азии // Сяньдай гоцзи гуаньси. Пекин. 2003. № 4. С. 12—14.
13. Ян Хунмэй. Чаосьянь-ды хэвэйцзи юй хэвэньтидэ цошан = Корейский ядерный кризис и переговоры по ядерному вопросу // Сяньдай гоцзи гуаньси = Современные международные отношения. Пекин. 2003. № 5. С. 21—27.
14. 2004 нянь шицзе даши цянъчжань = Перспективы мирового политического положения на 2004 г. // Сяньдай гоцзи гуаньси = Современные международные отношения. Пекин. 2004. № 1. С. 1—20.
15. Gong Keyu. The North Korea Nuclea Issue and China's National Interests // Korea and World Affairs. Seoul. 2006. Vol. 30. No. 4. Pp. 275—283.

**ИЗУЧЕНИЕ ПРОБЛЕМ СОВРЕМЕННОГО ПРИГРАНИЧНОГО  
И МЕЖРЕГИОНАЛЬНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА  
ВОСТОКА РОССИИ И СЕВЕРО-ВОСТОКА КИТАЯ  
(по материалам журнала «Сиболия яньцзю»)\***

*С.А. Иванов*

В статье на основе публикаций журнала «Сиболия яньцзю» за 1994—2010 гг. рассматриваются вопросы методологии и теории, эволюция и конъюнктурность проблематики исследований приграничного и межрегионального сотрудничества восточных районов России и северо-восточных провинций Китая. Отдельно автор останавливается на анализе подходов китайских исследователей к проблемам интеграции приграничных территорий КНР и РФ.

**Ключевые слова:** восточные районы России, Северо-Восток Китая, приграничное сотрудничество, межрегиональное сотрудничество, интеграция, историография.

**RESEARCH ON CROSS-BORDER AND TRANS-REGIONAL  
COOPERATION BETWEEN THE RUSSIAN FAR EAST  
AND CHINA'S NORTHWEST IN JOURNAL SIBERIAN STUDIES**

*S.A. Ivanov*

This article on the basis of publications in journal *Siberian Studies* published in 1994—2010 examines research of Chinese scholars on cross-border and trans-regional cooperation between the Russian Far East and China's Northwest, its methodology, theory, evolution of topics and conjunctural influence on topics. The approaches of Chinese scholars to studying integration between border regions are analyzed more thoroughly.

**Key words:** eastern part of Russia, China's Northwest, cross-border cooperation, trans-regional cooperation, integration, historiography.

Изучение проблем современных приграничных и межрегиональных взаимодействий (ПМВ) восточных районов России и северо-восточного региона Китая стало одним из наиболее активно развивающихся направлений российско-китайских исследований в КНР. Интерес китайских учёных к этой проблематике обусловлен целым рядом факторов: необходимостью поиска путей оптимального развития сотрудничества приграничных регионов в контексте стремительно развивающегося межгосударственного политического диалога России и Китая, сложностью регулирования ПМВ, затрагивающих целый комплекс проблем (от экономических до вопросов традиционной и нетрадиционной безопасности), важным положением ПМВ в системе международных связей провинции Хэйлунцзян и Автономного района Внут-

\* Статья подготовлена при поддержке грантов ДВО РАН, проект № 09-III-A-11-556 и проект № 11-III-B-11-241.

ренняя Монголия, их первостепенным значением для ускоренного социально-экономического развития приграничных с Россией узлов и т.д.

За два десятилетия научных поисков китайская историография по современным ПМВ России и Китая обогатилась несколькими монографиями [1], десятками сборников конференций, сотнями публикаций в ведущих журналах, что делает невозможным её детальный анализ в рамках одной статьи. В связи с этим мы попытались, во-первых, сузить рамки исследуемого материала анализом одного из основных российско-китайских журналов КНР — «Сиболия яньцзю»\* («Исследования Сибири») — с выпусками за последние 17 лет (1994—2010 г.), и, во-вторых, проанализировать концептуальные характеристики этих исследований: методологию, теорию, эволюцию и конъюнктурность проблематики, более подробно рассматривая лишь статьи, связанные с вопросами интеграции регионов двух стран.

«Сиболия яньцзю» наряду с центральными изданиями «Элосы, чжуня, дуоу яньцзю»\*\* («Исследования России, Центральной Азии и Восточной Европы»), «Элосы яньцзю»\*\*\* («Исследования России») и «Элосы, чжуня, дуоу шичан»\*\*\*\* («Рынки России, Центральной Азии и Восточной Европы») охватывает широкий спектр вопросов, связанных с изучением России. Однако, будучи изданием провинции Хэйлуцзян, граничащей с российским Дальним Востоком (РДВ), концентрирует своё внимание на исследовании истории, экономики, культуры и общества восточных районов РФ, изучении их положения в системе международных отношений в Северо-Восточной Азии (СВА). Исследования ПМВ РФ и КНР занимают одно из основных мест в журнале — около 10% всех публикаций (диаграмма 1), что позволяет достаточно полно проанализировать методологию и подходы китайских учёных в изучении рассматриваемой проблематики\*\*\*\*. В то же время ретроспективный анализ всех выпусков журнала с 1994 по 2010 г. даёт возможность выявить основные особенности и эволюцию проблематики исследований

\* Основан в 1974 г. Институтом Сибири (в настоящее время — Институт России) Хэйлуцзянской академии общественных наук (г. Харбин). Выходит шесть раз в год. Большинство авторов журнала — исследователи из северо-восточных провинций Китая.

\*\* Основан Институтом России, Восточной Европы и Центральной Азии (г. Пекин) в 1981 г., посвящен комплексному изучению России, стран Восточной Европы и Центральной Азии. Ввиду широкого охвата проблематики изучению ПМВ выделено достаточно скромное место.

\*\*\* Выпускается Восточно-Китайским педагогическим университетом (г. Шанхай) с 1982 г. (первоначальное название — «СССР и Восточная Европа сегодня»), направлен на теоретическое осмысление проблем и тенденций социально-экономического развития, международных отношений и внешней политики России и стран постсоветского пространства.

\*\*\*\* Издается Институтом России, Восточной Европы и Центральной Азии (г. Пекин) с 1996 г., основная специализация — исследования экономики и торгово-экономических отношений России, стран Восточной Европы и Центральной Азии.

\*\*\*\*\* Другим ведущим журналом в области изучения ПМВ является пекинское издание «Элосы, чжуня, дуоу шичан». Как и в «Сиболия Яньцзю», большинство авторов статей по изучаемой проблематике — исследователи из СВК, поэтому вполне допустимо рассмотрение историографии ПМВ на примере одного из них.

за рассматриваемый период. В круг рассматриваемых публикаций (объектом изучения стало 170 статей) включены материалы, во-первых, посвящённые непосредственно ПМВ двух стран, во-вторых, исследующие подходы и политику приграничных территорий Китая в отношении России в целом и её восточных районов в частности, и, в-третьих, анализирующие влияние ПМВ с Россией на социально-экономическое развитие приграничных регионов КНР.

Диаграмма 1

**Статьи, посвящённые изучению ПМВ России и Китая,  
в ведущих руссиеведческих журналах КНР за 2001—2009 гг.**



### СООТНОШЕНИЕ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО И ЭМПИРИЧЕСКОГО, ФУНДАМЕНТАЛЬНОГО И ПРИКЛАДНОГО

Исследования ПМВ нельзя отнести строго к определённой научной области, они являются объектом изучения нескольких наук: экономики, занимающей первостепенную роль в анализе приграничного и межрегионального сотрудничества, политологии, социологии и т.д. Во многом такая комплексность обогащает теоретико-методологический аппарат изучения приграничных взаимодействий\*. Однако слабая разработанность данной проблематики на азиатском пространстве, направленность науки в Китае на практическую отдачу и относительно недолгий период развития этого исследовательского направления в КНР предопределили исключительно прикладной характер статей и их низкую теоретическую насыщенность.

Ориентация на обязательное практическое применение исследований отразилось не только на их проблематике, но и на внутренней структуре публикаций — в абсолютном большинстве работ присутствует заключительный раздел, посвящённый предложениям автора по решению вопросов ПМВ, причём они не всегда обусловлены фактически проведённым анализом и не отвечают на главный вопрос — как реализовать предлагаемые меры.

\* Многогранность экономического подхода к изучению ПМВ показана, например, в статье: Грибова С.Н. Приграничное сотрудничество: теоретические и правовые истоки изучения // Известия ИГЭА. 2006. № 1 (46). с. 15—20.

Такой принцип построения статьи делает их не проблемными, а директивными, т.е. направленными на формирование стратегии или тактики по развитию ПМВ в благоприятном для китайской стороны русле.

Ни в одной работе не производились серьёзные попытки осмыслить или развить теоретические основы ПМВ. Редкие обращения к разработкам экономической науки в изучении проблем приграничного сотрудничества и интеграции носят ссылочный характер и направлены на «аксиоматизацию» неизбежности более тесного взаимодействия приграничных территорий двух стран [2]. К аксиомам, выделенным китайскими исследователями на основе теорий международной торговли и международного разделения труда, можно отнести принцип взаимодополняемости приграничных территорий РФ и КНР, который ставится под сомнение лишь в работе Ли Чуаньсюня [3], отметившего большую схожесть экономик Дальнего Востока РФ и Северо-Востока КНР, и принцип максимальной либерализации приграничной торговли, который, однако, вступает в противоречие с общепринятыми в работах тезисами о необходимости активного участия правительственных структур в регулировании ПМВ и о важности ограничения конкуренции между китайскими компаниями в торговле и освоении российского рынка. Наиболее активно авторы используют положения теории интеграции, преломляя их под выработку смелых предложений по вопросу сотрудничества приграничных территорий РФ и КНР, которые будут рассмотрены далее.

Низкий уровень теоретической насыщенности обуславливает доминирование общенаучных методов исследований: описание, анализ (при изучении факторов, стимулирующих или сдерживающих ПМВ), сравнение (при сопоставлении экономического потенциала приграничных территорий РФ и КНР), аналогия (при обращении к мировому опыту) и т.д. Не нашёл своего развития системный подход — ПМВ как система изучается только в рамках традиционного способа деления их горизонтальной структуры на экономическую, торговую, научно-техническую, инвестиционную, культурную и проч. плоскости.

На эмпирическом уровне исследований можно выделить два основных методологических недостатка. Во-первых, это обилие фактологического материала в абсолютном большинстве статей при отсутствии ссылок на источники, что часто ставит под сомнение не только приводимые факты, но и оправданность использования некоторых методов, например, статистических (интересно, что статьи по межгосударственным отношениям, истории и экономике России в этом же журнале обычно имеют ссылочный аппарат). Во-вторых, это отсутствие описания методологии исследования, что особенно остро проявляется при использовании социологических методов: проводя интервью [4] или анкетирование [5], авторы не указывают, как оно велось, какие вопросы задавались, как производилась обработка полученной информации.

За абсолютным доминированием экономической тематики и подходов в исследованиях в единичных случаях встречаются работы, рассматривающие ПМВ с точки зрения истории — в статье Су Фэнлиня с позиций

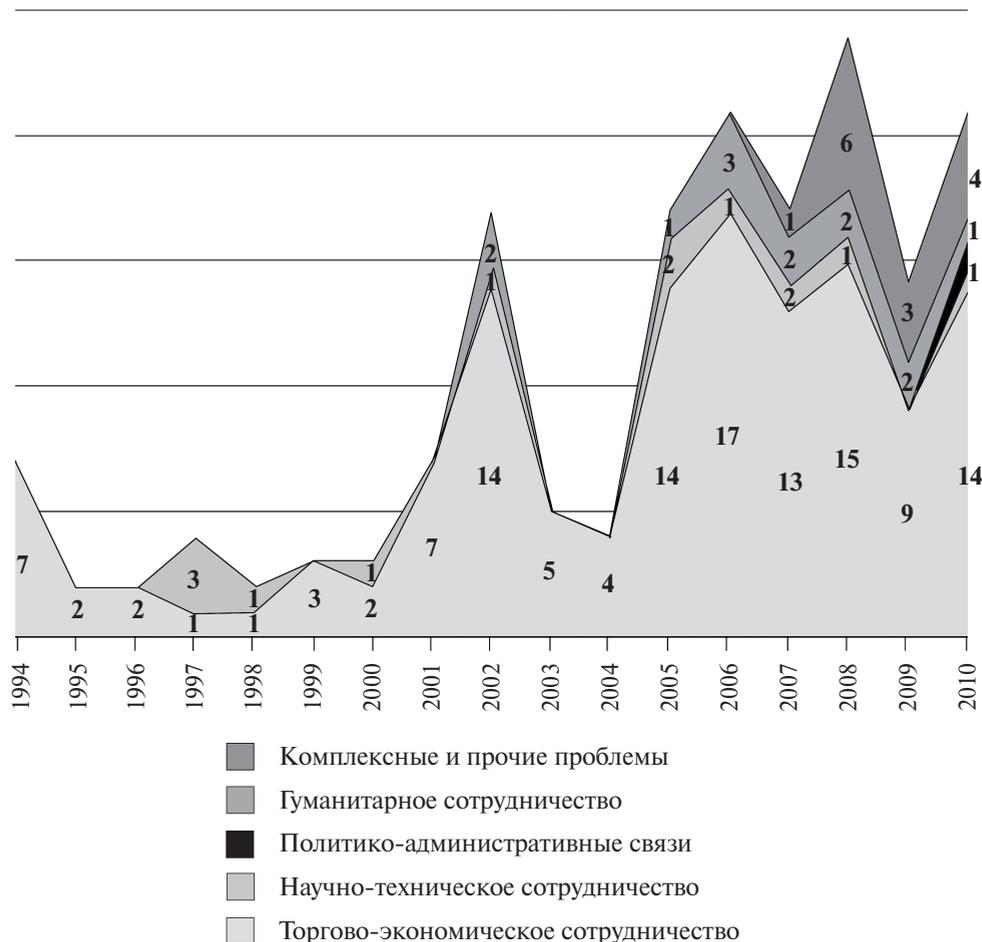
экономической истории рассмотрен процесс становления и развития торгово-экономического сотрудничества (ТЭС) приграничных территорий РФ и КНР [6]; социологии — шанхайские исследователи Ли Мин и Хэ Юй использовали исключительно опросные методы при изучении особенностей спроса российских и китайских потребителей на услуги приграничного туризма [7]; и социальной психологии — молодой исследователь Лян Шуан рассматривает влияние трансграничных коммуникаций на формирование морально-го, духовного и интеллектуального облика личности, проживающей в приграничном регионе [8].

## ПРОБЛЕМАТИКА ИССЛЕДОВАНИЙ И ЕЁ ЭВОЛЮЦИЯ

На протяжении всех исследуемых выпусков журнала «Сиболия Яньцзю» торгово-экономическая проблематика занимала доминирующие позиции в исследованиях (диаграмма 2), став основой для 75% всех публикаций. Во многом это объясняется тем, что политика внешней открытости и реформ, проводящаяся в Китае с 1978 г., была направлена на решение вопросов экономического развития страны, поэтому интерес исследователей в первую очередь концентрировался на изучении экономических аспектов международного сотрудничества КНР и её отдельных территорий. Такие аспекты ПМВ, как научно-техническое и гуманитарное сотрудничество (туризм и культурные обмены), исследовались периодически и ограничивались малым (1—3 в год) количеством публикаций. Политико-административные связи приграничных территорий двух стран практически остались без внимания учёных: лишь одна публикация, появившаяся в 2010 г., частично рассматривает формы, эффективность и проблемы взаимодействия правоохранительных органов приграничных территорий двух стран [9]. Подобную ситуацию можно наблюдать не только в «Сиболия яньцзю», но и в целом в изучении китайскими учёными российско-китайские ПМВ: в журнале «Элосы, чжуня, дуноу яньцзю» и в одном зарубежном издании опубликованы статьи Ли Чуаньсюня под названием «Политические отношения приграничных территорий Китая и России в последние годы» и «Тенденции политических и экономических отношений приграничных территорий России и Китая в последние годы» [10], но их содержание не отражает заявленную тематику и сводится исключительно к изучению настроений политической элиты РДВ в отношении Китая. Отсутствие исследований по проблемам участия китайских правительственных структур в ПМВ следует связывать с определёнными ограничениями в Китае на изучение активности и пристрастий центральных и местных властей КНР в международных делах. В 2007—2009 гг. появляется большое количество публикаций по проблематике, не относящейся к конкретной сфере ПМВ или включающей все аспекты взаимодействия РДВ и СВК, что связано с формированием представлений о необходимости интеграции (не только экономической) регионов.

Диаграмма 2

Проблематика статей по вопросам ПМВ России и Китая  
в журнале «Сиболия янызю», 1994—2009 гг.\*

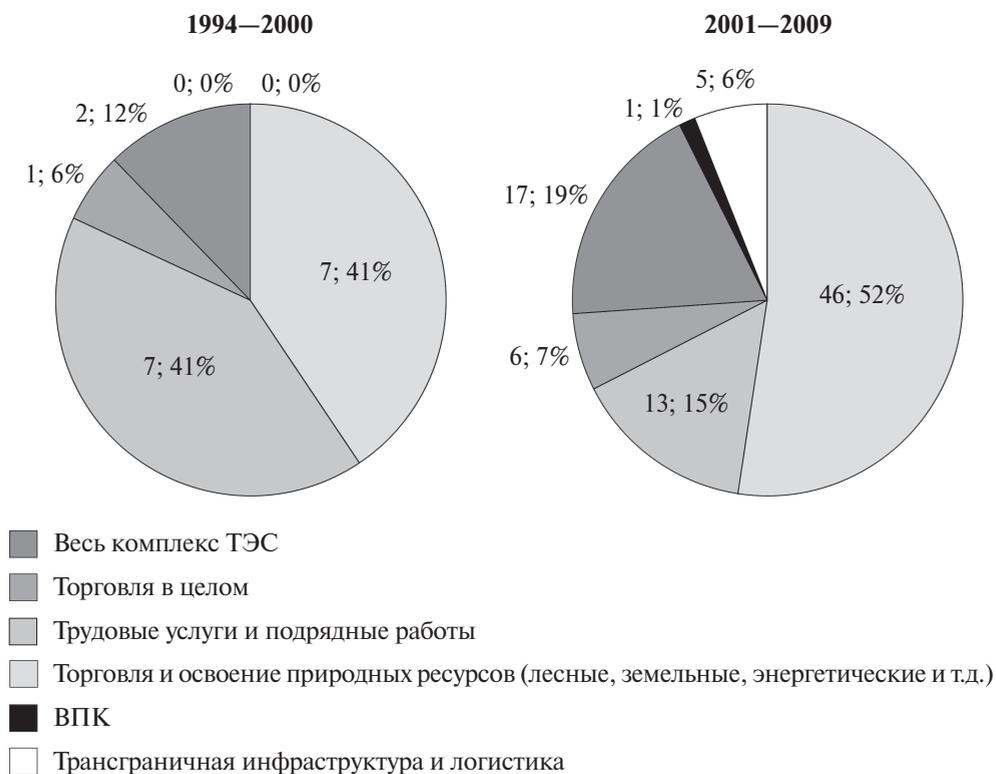


\* Статьи за 2010 г. № 1—5.

С начала 2000-х гг. происходит значительное изменение проблематики исследований ПМВ, основанной в 90-е гг. XX в. на эмпирическом изучении торговли и путей привлечения российских технологий. Новая система подходов к изучению ПМВ стала базироваться одновременно на дифференциации исследуемых вопросов за счёт более глубокого анализа отдельных сфер сотрудничества и одновременно интеграции проблематики за счёт комплексного подхода к изучению ПМВ, отходе от рассмотрения торговых отношений в качестве основного предмета исследований (диаграмма 3), более частому обращению к экономической теории.

Прежде всего, качественная трансформация проблематики исследований происходит по вполне объективным причинам — экономической рост на Северо-Востоке КНР и при одновременном ухудшении экономической

**Изучаемые сферы торгово-экономического сотрудничества  
приграничных территорий в 90-е гг. XX в. и 2000-е гг.**



ситуации на Дальнем Востоке России привели к качественно новому соотношению сил и возможностей сторон в ПМВ. Торговля стала рассматриваться не просто как выгодный обмен товарами, а как средство обеспечения сырьевой безопасности страны и развития на приграничных территориях Китая производства, ориентированного на Россию. В изучении научно-технического и инвестиционного сотрудничества наблюдается смещение проблематики от вопросов одностороннего привлечения технологий и инвестиций из России к их взаимовыгодному обмену или даже одностороннему экспорту в Россию. Во-вторых, количественный рост исследований ПМВ также стал возможен благодаря воспитанию плеяды молодых учёных, основным направлением исследований которых стали ПМВ двух стран и экономика восточных районов РФ (Юй Сяоли, Цзоу Сютин, Чжун Цзяньпин, Ван Сяолин и т.д.). Они сменили поколение россиеведов более широкой научной специализации, многие из которых пришли в исследование ПМВ в конце 80-х — начале 90-х гг. XX в. из сферы профессионального перевода или из таких научных областей, как филология русского языка и российской история (Сюй Цзинсюе, Хэ Цзяньхэн, Го Биньци т.д.). В-третьих, обычной практикой стало привлечение к изучению ПМВ исследователей-

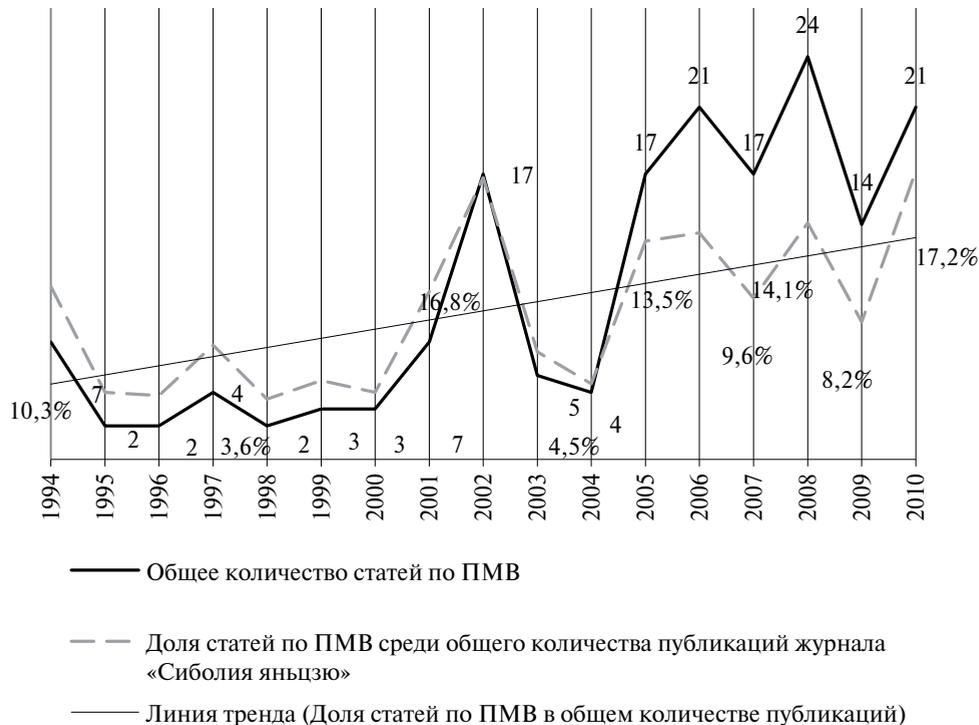
нероссиеведов из области региональной и мировой экономики, менеджмента и социологии (Люй Пин, Гу Юнфэнь, Ли Цзинюй, Цю Ши и т.д.), что, безусловно, позволило обогатить, как теоретико-методологическую основу исследований, так и спектр изучаемых вопросов.

## ПРОБЛЕМА КОНЪЮНКТУРНОСТИ ИССЛЕДОВАНИЙ

Важной особенностью исследований ПМВ на страницах «Сиболия яньцзю» является высокая степень их конъюнктурности. За рассматриваемые 16 лет происходит увеличение абсолютного и относительного (по отношению к общему количеству статей в журнале) числа статей по теме ПМВ (линия тренда на диаграмме 4), что во многом объясняется техническими моментами: фактическим удвоением объёма журнала с 2005 г. и опубликованием в качестве научных статей программных выступлений официальных лиц. Можно говорить о незначительной корреляции между «популярностью» проблематики ПМВ и фактическим состоянием сотрудничества отдельных

Диаграмма 4

Абсолютное и относительное количество публикаций по ПМВ в «Сиболия яньцзю» за 1994—2010 гг.\*



\* Статьи за 2010 г. № 1—5.

регионов двух стран — в 1994—1998 гг., когда происходит ухудшение ТЭС двух стран, снижается и количество публикаций, с 1999 г. с восстановлением и дальнейшим улучшением ТЭС, наблюдается рост публикаций, а в 2009 г. вслед за непродолжительным кризисом ПМВ число статей падает. Однако эта корреляция не способна объяснить значительные колебания в количестве статей в зависимости от годового периода, особенно в первом десятилетии XXI в. Эти подъёмы и спады объясняются другим фактором — скоротечно возрастающей или снижающейся потребностью провинции Хэйлунцзян в осмыслении проблем ПМВ, т.е. наличием или отсутствием социального или политического заказа. Можно выделить один период всплеска публикаций по ПМВ в 2002 г. и продолжительный этап повышенного интереса к этой проблематике во второй половине 2000-х гг. с падением в 2007 г. и 2009 г. В первом случае рост объясняется тем, что в 2000—2001 гг. в Китае произошло закрепление концепции «идти вовне»\* в качестве официальной государственной политики, что в совокупности с второстепенными факторами — вступлением Китая в ВТО, значительным ростом приграничной торговли с начала 2000-х гг. — потребовало от научного сообщества провинции Хэйлунцзян и Китая в целом изучения новых возможностей китайской стороны по формированию ПМВ. Из 17 статей, посвящённых в 2002 г. проблемам ПМВ, девять непосредственно исследуют проблему проникновения китайских инвестиций на российский рынок: одна направлена на комплексное изучение и разработку политики пров. Хэйлунцзян по вхождению на российский рынок товаров и капитала [11], четыре рассматривают проблему сотрудничества с РФ в области лесного хозяйства с акцентом на необходимость вложения инвестиций в заготовку и переработку леса на российской территории [12], две статьи посвящены вопросам освоения строительного [13] и две — сельскохозяйственного [14] рынков восточных районов России. Преобладание «лесной» тематики во многом объясняется другим конъюнктурным фактором: в конце 90-х — начале 2000-х гг. Китай начал проводить политику охраны лесов, в результате чего в стране встал вопрос об увеличении импорта древесины и проникновения китайского капитала в лесные отрасли других стран.

Относительно долгий всплеск интереса исследователей к ПМВ на страницах «Сиболия яньцзю» во второй половине 2000-х гг. был продиктован тем, что после начала реализации планов по возрождению старых промышленных баз СВК\*\* встала необходимость оценки потенциальной роли в ней

\* Стратегия «идти вовне» («Цзоучушой чжаньлюе») направлена на активное проникновение китайских компаний на международный рынок капитала.

\*\* Политика возрождения старых промышленных баз СВК стала проводиться фактически с 2004 г. после принятия Госсоветом КНР в конце 2003 г. «Некоторых подходов к возрождению старых промышленных баз Северо-Востока и прочих регионов». В рамках этого документа к концу 2004 г. провинция Хэйлунцзян приняла «Комплексную программу возрождения старых промышленных баз провинции Хэйлунцзян», а в марте 2005 г. — «Предложения Народного правительства провинции Хэйлунцзян по совершенствованию стратегии развития торгово-экономического и научно-технического сотрудничества с Россией».

России и её восточных районов. Так, в 2005 г. этот фактор в значительной степени стал лейтмотивом шести статей [15], а в 2006 г. — девяти [16] (схожая ситуация характерна и для 2007—2010 гг.). Научные статьи стали изобиловать выражениями из официальных документов центрального и провинциально-го правительств по новой региональной политике в отношении Северо-Востока страны: «стратегическое совершенствование», «прорыв», «экспортно-промышленная база» и т.д. Появление программы развития Северо-Востока определило доминирование наиболее широкого подхода к изучению пространства ПМВ РФ и КНР, которое в большинстве статей перестало ограничиваться территориями отдельных уездов и провинций. Такое видение ПМВ и тот факт, что Дальний Восток РФ и Северо-Восток КНР почти одновременно были охвачены крупномасштабными региональными проектами в своих странах, способствовали появлению на страницах журнала во второй половине 2008 — первой половине 2009 г. сначала отдельных идей о необходимости управляемой национальными правительствами «интеграции» этих регионов [17], а затем и целенаправленных публикаций, доказывающих её состоятельность [18]. Они способствовали разработке Программы сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири Российской Федерации и Северо-Востока Китайской Народной Республики (2009—2018 гг.)<sup>\*</sup>, инициированной китайской стороной и подписанной главами двух стран в сентябре 2009 г. Уже после принятия вышеуказанной Программы её изучение в рамках продолжающегося поиска путей использования сотрудничества с РФ для развития СВК стало дополнительным стимулом роста статей по ПМВ в 2010 г. [19]

В меньшей степени на формирование конъюнктуры исследований оказывали влияние перипетии развития мировой экономики и особенности становления межгосударственных отношений двух стран. Китайские авторы лишь вскользь затрагивали такие темы, как воздействие азиатского финансового кризиса 1997—1998 гг. и мирового финансового кризиса 2008—2009 гг. на ПМВ [20], влияние на ПМВ успехов политического диалога, экономических и культурных связей (например, проведение национальных годов в РФ и КНР). Несколько большему изучению подвергались потенциальные или фактические изменения в политике России по формированию ПМВ с Китаем и вызовы, которые она в себе несёт. Например, проблема вступления России в ВТО как фактор развития торговли приграничных территорий нашла отражение в одной статье [21] (в то же время ПМВ в контексте вступления Китая в ВТО затрагивалась в двух публикациях [22]); проблема борьбы российской стороны с «серым» таможенным оформлением грузов из Китая — в двух [23].

---

<sup>\*</sup> В марте 2007 г. впервые на официальном уровне В. Путин и Ху Цзиньтао подняли вопрос о необходимости «совместных усилий по углублению координации в процессе осуществления стратегий возрождения старых промышленных баз Северо-Востока Китая и развития районов российского Дальнего Востока и Восточной Сибири» и «подготовке плана сотрудничества в данной области.

## ПРЕДЛАГАЕМЫЕ МОДЕЛИ ИНТЕГРАЦИИ ПРИГРАНИЧНЫХ ТЕРРИТОРИЙ РФ И КНР

На протяжении 17 лет китайские исследователи предлагали разные модели интеграции приграничных территорий двух стран, однако можно проследить некоторую эволюцию представлений о формах интеграционных образований и пространстве, которые они должны охватывать (табл. 1). Вплоть до 2008 г. учёные рассматривали возможную интеграцию только в рамках обеспечения свободы движения товаров, при этом с течением времени повышалась степень изучаемой взаимной открытости рынков: от преференциальной зоны (низшая ступень интеграции) к зоне свободной торговли, идея о создании которой доминировала вплоть до середины 2000-х гг. Со второй половины 2000-х гг. интерес исследователей сместился к выработке принципов и механизмов региональной производственной кооперации и анализу возможности создания трансграничных промышленных кластеров. Также в течение 17 лет происходит укрупнение пространственных рамок исследований интеграции: от приграничных узлов до крупных регионов двух стран — восточных районов РФ и Северо-Востока КНР. Такая трансформация взглядов объясняется уже упоминавшимися выше конъюнктурными факторами: колебаниями в торгово-экономическом сотрудничестве, изменениями потребностей экономики приграничных территорий Китая и продвижение политическими элитами Китая конкретных проектов (например, ПТЭК «Пограничный—Суйфэньхэ»). Улучшение этих факторов подталкивает исследователей к анализу большей степени открытости региональных экономик в рамках более широкого пространства, охватываемого интеграцией.

Китайские исследователи предъявляют достаточно низкий порог требований к созданию трансграничных интеграционных образований между КНР и РФ. Например, Сюй Цзинсюе среди достаточных условий для формирования совместной зоны свободной торговли (ЗСТ)\* в районе Благовещенска и Хэйхэ видит в том, что 1) это пара самых крупных приграничных городов в СВА, 2) их связывает длительная история взаимодействия, 3) в этом районе существует достаточно развитая инфраструктура; 4) обе стороны стремятся к созданию ЗСТ; 5) экономики приграничных территорий РФ и КНР взаимодополняемы [24, с. 3]. Однако все эти аргументы не только сомнительны по своему содержанию. — в статье не учитывается, что «долгий» шестилетний период развития рыночных торгово-экономических отношений приграничных территорий не привёл к развитию региональной кооперации, не была произведена оценка степени развития инфраструктуры и т.д. — но и сами по себе не являются ключевыми в вопросе создания ЗСТ, уступая по значимости таким глубинным факторам, как сходство правовой и экономической систем интегрирующихся сторон, полити-

---

\* Сюй Цзинсюе в статье называет этот район трансграничной свободной экономической зоной.

**Статьи в «Сиболия яньцзю», посвящённые проблемам интеграции приграничных территорий России и Китая\***

Автор	Год	Пространство, которое должно охватывать интеграционное образование	Предлагаемая форма экономической интеграции
Сюй Цзинсюе [24]	1994	Благовещенск—Хэйхэ	Преференциальные зоны: порто-франко или бондовая зона
Цяо Гуанхань [25]	2001	Провинция Хэйлунцзян и Дальний Восток России	Зона свободной торговли
Су Фэнлинь [26]	2002	Интеграционное пространство должно расширяться постепенно по мере прохождения трёх стадий: 1. Маньчжурия—Забайкальск, Суйфэньхэ—Пограничный, Хэйхэ—Благовещенск; 2. приграничные уезды с китайской стороны (с российской не определены); 3. Хэйлунцзян, восточная часть провинции Цзилинь, северная часть АРВМ — юг Дальнего Востока РФ и Читинская область	Зона свободной торговли
Сун Куй Юй Сяоли [27]	2005	Суйфэньхэ—Пограничный	Зона свободной торговли
Гэ Синьжун [28]	2007	Северо-Восток КНР — восточные районы РФ	Трансграничный промышленный кластер, в основе которого лежит обмен технологиями
Цзоу Чуньянь [29]	2008	Северо-Восток КНР — восточные районы РФ	Трансграничный промышленный кластер
Цюй Ши [30]	2008	Северо-Восток КНР — восточные районы РФ	Трансграничный промышленный кластер

\* Статьи за 2010 г. не рассматриваются.

ческая стабильность в странах, широта полномочий местных властей и характер их взаимоотношений с Центром и т.д.

Эффект создания ЗСТ в России и Китае приграничных территорий наиболее чётко показан в статье Сун Куя и Юй Сяоли. Так, авторы, анализируя проблему создания ЗСТ Пограничный—Суйфэньхэ, на основе абстрактной модели торговли двух государств: первого (А) — с низкой эффективностью производства (авторы не уточняют, по каким показателям она оценивается) и высокими таможенными барьерами (видимо, под А понимается Россия), и второго (Б) — с более высокой эффективностью производства и более низкими таможенными барьерами — авторы приходят к выводу, что после создания ЗСТ в стране А упадёт производство и возрастет импорт из страны Б, в то время как страна Б будет возмещать проданные в страну А товары и услуги за счёт торговли со странами не членами ЗСТ, стимулируя тем самым мировую торговлю [27, с. 4]. Данный анализ хотя и был направлен на доказательство необходимости создания ЗСТ Пограничный—Суйфэньхэ, однако обнажает суть проблемы интеграции приграничных территорий двух стран.

У российской стороны отсутствует уверенность в том, что интеграция принесёт экономические выгоды и не станет дополнительным источником зависимости РДВ от Китая\*.

Авторы также не раскрывают ещё одной проблемы — функционирование ЗСТ не в рамках государственных границ, а только в рамках приграничных территорий двух стран должно опираться на уникальные механизмы и принципы. На это обратил внимание другой китайский исследователь — Цяо Гуанхань, который предлагает следующие принципы функционирования приграничной ЗСТ: 1) либерализация торговли и перемещения производственных факторов; 2) район необходимо открыть для взаимных инвестиций и капитала извне, но преференциальная политика может распространяться только на те компании, которые зарегистрированы на территории зоны; 3) географические границы должны быть подвижными и постепенно расширяться до границ СВА [25, с. 18]. Последний пункт фигурирует практически во всех статьях, посвящённых проблеме интеграции регионов России и Китая, отражая общее мнение научного сообщества КНР о том, что интеграция приграничных регионов РФ и КНР должна являться начальным этапом ускорения интеграционных процессов в рамках всей СВА.

## ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Несмотря на то, что за более чем пятнадцатилетний период изучение ПМВ РФ и КНР стало одним из важнейших направлений российско-китайских исследований в Китае, и в целом оно сопровождалось тенденцией увеличения числа публикаций, количество не перешло в качество — в развитие теории и методологии исследований приграничного и межрегионального сотрудничества. На фоне теоретико-методологической стагнации в начале 2000-х гг. происходит трансформация проблематики исследований: от торгово-экономической к одновременно комплексной и узкопрофильной. В формировании конъюнктуры исследований ПМВ, оказывающей значительное воздействие на их развитие, преобладает влияние эндогенных факторов (потребности экономического развития приграничных территорий и внутренние политические установки) перед экзогенными, что объясняется не только мощным политическим «заказом» со стороны местных властей, но и тем, что большинство китайских исследователей рассматривают ПМВ не как двустороннюю систему взаимодействий (соответственно с российским и китайским полюсами), а скорее как одностороннюю, сформированную китайским

---

\* В подтверждение этому можно сказать, что российские учёные достаточно скептически относятся к созданию ЗСТ на приграничных территориях РФ и КНР, указывая на то, что «вместо ожидаемых выгод это может грозить чрезмерной экономической зависимостью восточных регионов России от рынка КНР»: Антонова Н.Е. и др. Экономическое сотрудничество России и Китая на Дальнем Востоке // *Пространственная экономика*. 2009, № 3. С. 138.

приграничьем систему, существование и развитие которой зависит в большей степени от продуманной политики местных и центральных властей Китая, нежели от внешних факторов (интересов и действий российской стороны, тенденций развития мировой экономики и т.д.).

#### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ. ПРИМЕЧАНИЯ

1. Элосы ятай чжэнцэ цзоу сян чжунэ цюйюй хэцзо = От азиатско-тихоокеанской политики России к региональному сотрудничеству Китая и России) / гл. ред. Чжао Личжи. Харбин: Изд-во Хэйлунцзян цзяоюй, 2008. С. 299; Синь шицзи чжунэ цюйюй хэцзо моухуа = Перспективы регионального сотрудничества Китая и России в новом столетии / гл. ред. Цюй Вэй. Харбин: Изд-во Хэйлунцзян цзяоюй, 2002. С. 153; Чжунэ бяньцзин дицюй цзинци цзиньжун фачжань юй вайхуэй гуаньли = Приграничные территории Китая и России: финансово-экономическое развитие и валютное регулирование / сост. Чжоу Фэнминь и др. Пекин: Изд-во Чжунго цзиньжун, 424 с.
2. Например, во многих статьях культивируется тезис о неизбежной интеграции приграничных территорий РФ и КНР: Цзи Цинфу. Хэйлунцзяншэн юй элосы цзинмао хэцзо сяньчжуна цзи фачжань цзяньи = Состояние торгово-экономического сотрудничества провинции Хэйлунцзян с Россией и предложения по его развитию) // Сиболия яньцзю. 2001. № 5 (28). С. 8—10; Ван Чжаньго, Чжао Цзихун. Пицзянь дуннин телу коуань дэ таньтао = О строительстве Дуннинского железнодорожного перехода) // Сиболия яньцзю. 2002. № 2 (29). С. 2—26; Ли Пин. Объективная тенденция трансформации отношений СВК с ДВ и Сибири РФ от торговой взаимодополняемости к стратегическому сотрудничеству // Сиболия яньцзю. 2008. № 5 (35). С. 20—23.
3. Ли Чуаньсюнь. Чжунго дунбэй цзинци цюй юй э юаньдун дицюй цзинмао кэцзи хэцзо чжаньлюе шэнцзи вэньти яньцзю = Вопросы стратегического совершенствования торгово-экономического и научно-технического сотрудничества Северо-Восточного экономического региона Китая с Дальним Востоком России // Сиболия яньцзю. 2008. № 3 (35). С. 5—14.
4. Ся Хуаньсинь, Шэн Вэньли. Хаэрбинь ин цзяда тун э сиболия дицюй цзинмао хэцзо лиду = Харбин должен усилить торгово-экономическое сотрудничество с сибирскими регионами России // Сиболия яньцзю. 2001. № 2 (28). С. 18—21; Сунь Тонин. Чжун э линь хэцзо дэ цзинянь цзи цуньцзай вэньти = Опыт и проблемы российско-китайского сотрудничества в области лесного хозяйства) // Сиболия яньцзю. 2002. № 1 (29). С. 18—22.
5. Ли Мин, Хэ Юй. Чжунэ бяньцзин люю кэюань шичан сюйцю тэчжэн фэньси = Особенности спроса на рынке потребителей услуг приграничного туризма РФ и КНР) // Сиболия яньцзю. 2008. № 3 (35). С. 19—22.
6. Су Фэнлинь, Хао Цзяньхэн. Цзуйцзинь ши нянь хэйлунцзяншэн юй элосы дэ мао цинци хэцзо гуаньси = Торгово-экономическое сотрудничество провинции Хэйлунцзян с Россией за последнее десятилетие) // Сиболия яньцзю. 1998. № 2 (25). С. 32—38.
7. Ли Мин, Хэ Юй. Указ. соч. С. 32—38.
8. Лян Шуан. Фачжань хэйлунцзяншэн дуй э лойю дэ шэхуйсюе сыкао = Социологический взгляд на развитие ориентированного на Россию туризма в провинции Хэйлунцзян // Сиболия яньцзю. 2005. № 5 (32). С. 37—38.
9. Цзинь Хуэйсинь. Чжунэ пилин юйцюй куаго фаньцзуй вэньти цзи чжунэ цзину сыфа хэцзо = Проблемы трансграничной преступности в приграничных территориях России и Китая и китайско-российское сотрудничество между правоохранительными органами и органами юстиции // Сиболия яньцзю. 2010. № 3 (37). С. 60—66.

10. Ли Чуаньсюнь. Цзиньянь лай чжунэ пилинь дицхой чжэнчжи гуаньси фэньси = Политические отношения приграничных территорий Китая и России в последние годы // Элосы, чжуня, дунэоу яньцзю. 2003. № 3. С. 12—18; Ли Чуаньсюнь. Цзиньянь лай чжун э пилин дицхой чжэнчжи цзинци гуаньси цзоуши = Тенденции политических и экономических отношений приграничных территорий России и Китая в последние годы // гл. ред. Iwashita Akihiro / The Sino-Russian “Strategic Partnership”: Current Views. Slavic Research Center, Sapporo : Hokkaido University. 2003. P. 16—33.
11. Чжоу Личунь, Цзинь Инминь. Хэйлунцзяншэн цзоу сян элосы шичан дэ дуйцэ яньцзю = Меры провинции Хэйлунцзян по проникновению на российский рынок // Сиболия яньцзю. 2002. № 4 (29). С. 19—22.
12. Сунь Тонин. Чжунэ линье хэцзо дэ цзиньянь цзи цуньцзай вэньти = Опыт и проблемы российско-китайского сотрудничества в области лесного хозяйства // Сиболия яньцзю, 2002. № 1 (29). С. 18—22; Лю Сююнь. Цзилиньшэн тун элосы линье хэцзо яньцзю = Сотрудничество провинции Цзилинь с Россией в области лесного хозяйства // Сиболия яньцзю, 2002. № 4 (29). С. 13—18; Фу Минцзин. Цзяцян хэйлунцзяншэн юй элосы дэ линье хэцзо = Усиление сотрудничества между пров. Хэйлунцзян с Россией в области лесного хозяйства; Сун Куй. Хэйлунцзяншэн юй э юаньдун дицхой линье хэцзо дэ юаньцзэ, линюй юй фанши = Принципы, сферы и формы сотрудничества провинции Хэйлунцзян с Дальним Востоком России в области лесного хозяйства // Сиболия яньцзю. 2002. № 6 (29). С. 8—12.
13. Исследовательская группа Хэйлунцзянской академии общественных наук. Чжунго кайто элосы цзяньчжу шичан дэ и мянь цичжи. Дуй булагэвэйшэньсыкэши хуафу гунсы дэ дяоча юй сыкао = Образец освоения Китаем строительного рынка России. Изучение и анализ опыта компании Хуафу в г. Благовещенске // Сиболия яньцзю, 2002. № 4 (29). С. 9—12; Хэ Вэньань. Кайто элосы цзяньчжу шичан дэ цзидянь тихуэй = Опыт освоения строительного рынка России // Сиболия яньцзю. 2002. № 5 (29). С. 28—29.
14. Цзоу Сютин. Синь шицзи хэйлунцзян шэн юй э юаньдун нуне хэцзо сыкао = Сотрудничество провинции Хэйлунцзян с Дальним Востоком России в области сельского хозяйства в новом столетии // Сиболия яньцзю. 2002. № 3 (29). С. 9—13; Го Юньшэнь. Хэйлунцзяншэн цзай элосы юаньдун цзяньли шуцай шэньчань цзиди дэ шэсян = Создание провинцией Хэйлунцзян овощной производственной базы на Дальнем Востоке России // Сиболия яньцзю. 2002. № 5 (29). С. 32.
15. Цзинь Инминь. Чунфэнь лиюн элосы цзишу цзякуай чжэньсин во шэн лао гуне цзиди = Проблема использования российских технологий для возрождения старых промышленных баз Северо-Востока КНР // Сиболия яньцзю. 2005. № 1 (32). С. 29—31; Ли Янь. Чжунго дунбэй дицхой юй элосы юаньдун дицхой цзинци хэцзо фачжань яньцзю = Изучение вопросов развития экономического сотрудничества между Северо-Востоком Китая и Дальним Востоком России // Сиболия яньцзю. 2005. № 3 (32). С. 12—14; Чжоу Яньли. Дунбэй саньшэн тишэн дуй э цзинмао хэцзо шуйпин чжидэ сыкао дэ цзи гэ вэньти = Некоторые вопросы совершенствования торгово-экономического сотрудничества трёх северо-восточных провинций Китая с Россией // Сиболия яньцзю. 2005. № 4 (32). С. 36—38; Гао Юйхай. Хаэрбинь гоцзи кэцзи чэн цзай цуцзинь дуй э кэцзи хэцзо чжаньлюе шэньцзи чжун дэ цзоюн = Роль международного харбинского научно-технического городка в продвижении стратегического совершенствования научно-технического сотрудничества провинции Хэйлунцзян с Россией // Сиболия яньцзю. 2005. № 4 (32). С. 33—35; Цюй Вэй. Чжунэ цюйюй хэцзо ин шисянь ба гэ тупо = Восемь прорывов, которые необходимо осуществить в российско-китайском межрегиональном сотрудничестве // Сиболия яньцзю. 2005. № 4 (32). С. 17—18, 22; Чжао Цзысян, Чжоу Яньли. Ляонин шэн юй элосы тоуцзи хэцзо дэ сяньчжуан хэ цянцзин = Состояние и перспективы инвестиционного сотрудничества провинции Ляонин с Россией // Сиболия яньцзю. 2005. № 5 (32). С. 20. Ё Шаофэн. Туйдун дуй э цзинмао кэцзи хэцзо шэнцзи цуцзинь

- юаньдун цююй цзинци фанжун = Стратегическое усовершенствование торгово-экономического и научно-технического сотрудничества с Россией в целях процветания экономики Дальнего Востока // Сиболия яньцзю. 2005. № 5 (32). С. 16—17.
16. Юй Чанчунь. Цунь хэйлунцзяншэн дуй э бяньмао тань туйцзинь дуй э бяньмао кэцзи хэцзо = Активизация приграничной торговли и научно-технического сотрудничества с Россией с точки зрения приграничной торговли провинции Хэйлунцзян с Россией // Сиболия яньцзю. 2006. № 1 (33). С. 28—30; Дэн Пэн, Сунь Юй. Цунь цзиньчукоу шанпинь цзегоу кань хэйлунцзяншэн цие цаньюй дуй э цзинмао кэцзи хэцзо вэньги = Проблема участия китайских компаний в торгово-экономическом и научно-техническом сотрудничестве с Россией с точки зрения структуры торговли товарами // Сиболия яньцзю. 2006. № 1 (33). С. 24—27; Чжан Гуанхэн. Туйцзинь чжунэ цзинмао хэцзо чжаньлюе шэнцзи чжичи дунбэй лао гуне циди чжэньсин = Стратегическое совершенствование торгово-экономического сотрудничества Китая с Россией в целях возрождения старых промышленных баз Северо-Востока // Сиболия яньцзю. 2006. № 1 (33). С. 12—15; Ли Чуаньсюнь. Цзякуай «цзоучущой» буфа, туйцзинь хэйлунцзяншэн дуй э цзинмао кэцзи хэцзо чжаньлюе шэнцзи = Ускорение стратегии выхода в целях стратегического совершенствования торгово-экономического и научно-технического сотрудничества провинции Хэйлунцзян с Россией // Сиболия яньцзю. 2006. № 1 (33). С. 7—9; Ван Янь, Ань Чуньшэн. Цзяцян хэйлунцзяншэн юй элосы цзинмао хэцзо дэ чжаньлюе ии = Стратегическое значение усиления торгово-экономического сотрудничества провинции Хэйлунцзян с Россией // Сиболия яньцзю. 2006. № 2 (33). С. 20—21; Инь Цзянпин. Элосы юаньдун цинци синши цзи дуй хуа цзинмао хэцзо тайши = Экономическая ситуация на Дальнем Востоке России и состояние торгово-экономического сотрудничества с Китаем (заключительная часть) // Сиболия яньцзю. 2006. № 4 (33). С. 18—25; Цюй Вэй. Чжунэ цюйюй хэцзо ин шисянь у гэ «чжунда тупо» = В российско-китайском региональном сотрудничестве необходимо реализовать «пять значительных прорывов» // Сиболия яньцзю. 2006. № 4 (33). С. 16—17; Ань Чуньшэн, Чао Дэжи. Хэйлунцзяншэн дуй э цзинмао кэцзи хэцзо чжаньлюе шэнцзи мяньлинь дэ циюй юй тяочжань = Повышение стратегии торгово-экономического и научно-технического сотрудничества провинции Хэйлунцзян с Россией: вызовы и перспективы // Сиболия яньцзю. 2006. № 5 (33). С. 25—26; Ню Яньпин. Э сиболия лянбанцюй юй чжунго шэнцюй цинмао хэцзо синши фэнси = Анализ состояния сотрудничества Сибирского федерального округа России с провинциями и территориями Китая // Сиболия яньцзю. 2006. № 6 (33). С. 11—15.
17. Первой публикацией, в которой достаточно чётко была обозначена необходимость проведения управляемой «сверху» интеграции приграничных территорий РФ и КНР, можно считать статью одного из ведущих российских исследователей Китая Инь Цзяньпина от 2004 г.: Инь Цзяньпин. Юаньдун ганяо шиши илай дэ чжунэ цюйюй хэцзо = Межрегиональное сотрудничество России и Китая после начала реализации программы развития Дальнего Востока России // Сиболия яньцзю. 2004. № 4 (31). С. 27—32.
18. Не Сунчжу. Во го дунбэй юй э юаньдун цзи сиболия дицюй цинци хэцзо моши таньси = Анализ моделей экономического сотрудничества СВК и ДВ и Сибири РФ // Сиболия яньцзю. 2008. № 5 (35). С. 24—27; Ли Пин. Указ. соч.
19. Ли Гуанхуэй. Дацзао чжунэ хэцзо синь пинтай таньсо во го яньбянь хэцзо синь моши = Создание новой платформы российско-китайского сотрудничества как поиск новой модели приграничного сотрудничества в Китае // Сиболия яньцзю. 2010. № 4 (37). С. 24—25; Чжоу Яньли. Хоу цзиньжун вэйцзи шици чжунэ пилинь дицюй хэцзо яньцзю = Сотрудничество приграничных территорий России и Китая после финансового кризиса // Сиболия яньцзю. 2010. № 4 (37). С. 35—37; Цзян Чжэньцзюнь. Чжунэ дунбу пилинь дицюй хэцзо чжэньсин юй кайфа дуйцэ яньцзю = Меры по освоению и возрождению сотрудничества приграничных территорий восточных районов России и Китая // Сиболия яньцзю. 2010. № 4 (37). С. 42—44 ; Сунь

- Сяоцянъ. Чжунэ дунбу дицью цзинмао хэцзо дэ синь цзюй = Новые возможности торгово-экономического сотрудничества восточных районов Китая и России // Сиболия яньцзю. 2010. № 5 (37). С. 24—26.
20. Можно выделить только одну статью, которая посвящена анализу влияния мирового финансового кризиса 2008—2009 гг. на ПМВ: Юй Цзянбо. Гоцзи цзиньжун вэйцзи хуаньцзин ся хаэрбиньши дуй э цзинмао хэцзо яньцзю = Торгово-экономическое сотрудничество Харбина с Россией в условиях международного финансового кризиса // Сиболия яньцзю. 2010. № 1 (37). С. 19—22.
  21. Чжоу Бо. Элосы цзяжу шимао цзучжи дуй хэйлунцзяншэн дуй э нун чаньпинь маои дэ инсян цзи дуйцэ = Влияние вступления России в ВТО на торговлю провинции Хэйлунцзян с Россией сельскохозяйственной продукцией и меры по его преодолению // Сиболия яньцзю. 2006. № 3 (33). С. 21—24.
  22. Ли Цзяньфэн. Цзяжу шимао цзучжи хоу хэйлунцзяншэн юй элосы кэцзи хэцзо дэ чжаньлюе сыкао = Сотрудничество провинции Хэйлунцзян и России в области науки и техники после вступления Китая в ВТО // Сиболия яньцзю. 2002. № 5 (29). С. 37—40; Цзи Цинфу. Шимао цзучжи гуйцзэ куанцзя нэй фачжань бяньцзин маои дэ сыкао = Развитие приграничного сотрудничества в рамках правил ВТО // Сиболия яньцзю. 2003. № 3 (30). С. 19—21.
  23. Ян Фан. Цяньтань чжунэ миньцзянь маои чжун дэ «хуйсэ цингуань» вэньти = О проблеме «серого таможенного оформления» в рамках народной приграничной торговли России и Китая // Сиболия яньцзю. 2005. № 6 (32). С. 46—47; Ли Хуа. Чжунэ миньцзянь маои чжун дэ «хуйсэ цингуань» вэньти цзи ци цзешюе лицзин = Проблема серого таможенного оформления в народной торговле России и Китая и пути её решения // Сиболия яньцзю. 2005. № 6 (32). С. 43—45.
  24. Сюй Цзинсюе. Дунбэйя дицью куаго цзю цзинцзицью дэ цзяньшэ: цзяньтань хэйхэ хэ булагэвэйшэньсыкэ ляньцзянь цзю цзинцзицью дэ сюаньцзэ юй моши = Создание транснациональной СЭЗ в Северо-Восточной Азии: альтернатива и модель совместного создания СЭЗ Благовещенск-Хэйхэ // Сиболия яньцзю. 2005. № 6 (32). С. 1—3, 10.
  25. Цяо Гуанхань. Шицзе цзинцзи цюйюй итихуа тяоцзянь ся чжунэ цюйюй хэцзо шэсян = Межрегиональное сотрудничество России и Китая в условиях регионализации мировой экономики // Сиболия яньцзю. 2001. № 3 (28). С. 17—19.
  26. Су Фэнлинь. Чуанцзянь чжунэ яньбянь цзю маоицью дэ кэсинсин фэньси = Анализ осуществимости создания зоны свободной торговли в приграничных районах России и Китая // Сиболия яньцзю. 2002. № 5 (29). С. 33—34.
  27. Сун Куй, Юэ Сяоли. Цзяньли чжунэ «суй-по» цзю маоицью дэ лилунь хэ сяньши фэньси = Теория и практика создания зоны свободной торговли «Пограничный-Суйфэньхэ» // Сиболия яньцзю. 2005. № 3 (32). С. 3—5.
  28. Гэ Синьжун. Чанье цзиюнь ши чжунго дунбэй юй эдунбу дицью хэцзо шэнцзи дэ бижань цюйши = Производственные кластеры как неизбежная тенденция повышения уровня сотрудничества Северо-Востока КНР и Дальнего Востока России // Сиболия яньцзю. 2007. № 3 (34). С. 18—21.
  29. Цзоу Чуньянь. Чжунго дунбэй юй э дунбу дицью цзинмао хэцзо синь моши дэ цюйюй цзинцзи сяоин = Региональная экономическая эффективность новой модели торгово-экономического сотрудничества Северо-Востока Китая и Дальнего Востока России // Сиболия яньцзю. 2008. № 2 (35). С. 27—30.
  30. Цю Ши. Чжунэ дифан гоцзихуа чанье цзиюнь шисянь туцзин фэньси = Проект создания китайско-российского регионального международного индустриального кластера // Сиболия яньцзю. 2008. № 2 (35). С. 31—33.

УДК:339.97(571.6+511)(09)

#### КИТАЙСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ И СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО КИТАЯ (XIX — ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XX в.)

*Г.Н. Романова,*  
кандидат исторических наук

В статье рассматривается трансформация концепций китайских историков на экономические отношения Дальнего Востока России и Северо-Восточного Китая в XIX—первой половине XX в. Анализируются тайваньская историография и различные этапы историографии КНР на проблемы российских инвестиций, предпринимательства, торговли и международных отношений в регионе.

**Ключевые слова:** трансформация, Дальний Восток России, Северо-Восточный Китай, торговля, инвестиции, предпринимательство, КВЖД.

#### CHINA HISTORIOGRAPHY OF THE ECONOMIC RELATIONS OF RUSSIAN FAR EAST AND NORTH-EAST CHINA (19th — first half 20th c.)

*G. N. Romanova*

In article transformation of concepts of the Chinese historians on economic relations of the Far East of Russia and Northeast China in XIX — first half XX is considered. With this purpose the Taiwan historiography and various stages of a historiography of Chinese People's Republic on problems of the Russian investments, businesses, trade and the international relations in region is analyzed.

**Key words:** transformation, concepts, interpretation, the Far East Russia, Northeast China, trade, investments, business, Chinese-Eastern Railroad.

В последнее время в китайской историографии усиливается интерес к исследованию экономических отношений российского Дальнего Востока и Северо-Восточного Китая. Данное направление имеет большой исторический опыт взаимодействия регионов и перспективу сотрудничества. Активизация этого также обусловлена проводящимися с 80-х гг. реформами экономических систем России и Китая. В связи с этим целесообразно рассмотреть, насколько трансформировались концепции китайских историков

в подходе к основным экономическим процессам в межгосударственных отношениях, торговым связям приграничных территорий, российским инвестициям и предпринимательству в экономике Северо-Восточного Китая.

Традиционная маньчжуро-китайская феодальная историография, базировавшаяся на протяжении нескольких столетий на конфуцианском учении и идее незыблемости императорской власти, рассматривала взаимоотношения цинского Китая со всеми соседними странами с точки зрения «сюзерен-вассал». С 1862 г. в Китае началась регулярная публикация сведений о внешней торговле страны, однако в них не получала освещения российско-китайская сухопутная торговля. Это объяснялось тем, что таможенная служба в Китае находилась в руках английского генерального инспектора и сфера её функционирования ограничивалась главным образом районами пребывания служащих его аппарата.

Конец XIX — начало XX в. характеризовались упадком феодальной и зарождением буржуазной историографии. Для большинства работ начала 20-х гг. был свойственен буржуазно-националистический подход к оценке событий, интерпретация международных отношений, в том числе и торговых связей России и Китая [1]. В работе Чэнь Бовэня «Очерк Маньчжурии» основное внимание уделяется описанию экономического развития крупных городов этого района, их роли во внешней торговле, при этом проявляется острое недовольство политикой России, а об экономических экспансионистских устремлениях других капиталистических стран даже не упоминается [2]. Из трудов, опубликованных в 30-е гг., заслуживает внимания книга экономиста Хоу Пинъи «Иностранная торговля Китая» [3], в которой содержатся статистические данные о внешней торговле Китая с различными странами, в том числе и с Россией.

Китайская историография XX в., в которой наиболее полно отражены аспекты российско-китайских экономических отношений на Дальнем Востоке, представлена гоминьдановской историографией 20—40-х гг., тайваньской историографией и историографией КНР. Для гоминьдановской историографии Китая, утвердившейся после 1927 г., была характерна интерпретация исторического прошлого Китая, в которой явно наблюдалось заискивание перед США. Эта тенденция наглядно прослеживается в работах Цзян Тинфу, Ван Чуаньсе, Хань Цинуна [4], в которых царская Россия изображается самой агрессивной державой на Дальнем Востоке; Китай рассматривается лишь как жертва капиталистического торга, совершенно не анализируется антинародная, капитулянтская политика цинского правительства. Конкретного материала по экономическим отношениям России и Китая в этих работах нет.

В 50—70-е гг. в тайваньской историографии, ставшей преемницей гоминьдановской историографии, появились многочисленные книги и статьи, опубликованные на Тайване и в Гонконге, в которых исторические процессы на Дальнем Востоке показаны тенденциозно, с позиций буржуазного национализма. Представителями тайваньской историографии являются Шэн Шаньвэнь, Хуан Тунцю, Ли Найян, Ли Гоци, У Сянсян. Эти авторы,

характеризуя международные отношения на Дальнем Востоке на рубеже XIX—XX вв., изображали царскую Россию «главным агрессором» и выдвигали тезис, что основное содержание политики СССР в отношении Китая определяется наследованием традиционной политики царской России. Так, Ли Найян рассматривает русско-японскую войну 1904—1905 гг. как следствие строительства Сибирской (Транссибирской) железной дороги и не принимает во внимание захватнические планы Японии. Ли Гоци строительство Сибирской железной дороги прямо связывает с «агрессивными замыслами» России. Что касается экономических аспектов взаимоотношений России с Китаем, то тайваньские историки пишут о так называемой «торговой агрессии» России против Китая в районах Маньчжурии и Синьцзяна. Замалчивается истинная позиция цинского правительства по вопросу о строительстве КВЖД, совершенно не рассматривается влияние этой транспортной магистрали на российско-китайскую торговлю на Дальнем Востоке. Пытаясь доказать одностороннюю выгодность создания КВЖД для России, тайваньские историки приводят некоторые данные о подъёме экономики Дальнего Востока России в связи со строительством КВЖД, но не касаются вопроса о влиянии КВЖД на экономическое развитие Северо-Восточного Китая [5].

Большое внимание в гоминьдановской историографии уделяется анализу обстоятельств появления первых деклараций РСФСР Китаю от 15 июля 1919 г. и 27 сентября 1920 г., оцениваемых как орудие коммунистической пропаганды. Так, Хуан Тунцю отмечает: «Советскому правительству было необходимо получить признание Китая, чтобы использовать дипломатические учреждения бывшей царской России в Китае... в качестве центра для развёртывания деятельности Коминтерна» [6]. Один из современников событий лидер Гоминьдана Чан Кайши в своей работе «Советская Россия в Китае», касаясь деклараций 1919—1920 гг., с уверенностью утверждал, что существовал особый дипломатический план РСФСР в отношении Китая, основным содержанием которого была организация подрывной работы против Китайской Республики с помощью Коминтерна. Этот план соответствовал тактике мировой революции», — заключал Чан Кайши [7]. По мнению гоминьдановских китайских историков, эти документы преследовали две цели: «Прорвать блокаду» великих держав, заставить Китай признать советское правительство» и «стимулировать антиимпериалистические настроения китайцев» [8].

Поскольку взгляды историков КНР на прошлое своей страны, а также международные отношения в регионе Дальнего Востока существенно менялись можно выделить несколько периодов: 50-е гг., 60—70-е гг., 80-е гг. — начало XXI в. В 50-е гг. прошлого века китайские историки, несмотря на определённые недостатки, слабую теоретическую и источниковую базу, всё же пытались объективно освещать историческое прошлое Китая, обращая внимание на экономическую экспансию главных капиталистических держав в Китае и показывая капитулянтскую политику цинского правительства.

Представителями этого направления являются Пэн Мин, Ху Шэн, Цинь Бэньли, Цянь Иши, Фань Вэньлань [9]. В их работах в равной степени

представлен материал о КВЖД, о получении Китаем 4%-го займа от России. Эта информация даётся главным образом в контексте раздела Китая на «сферы влияния» капиталистическими державами. Сведения о российско-китайской торговле на Дальнем Востоке во второй половине XIX — начале XX в., о влиянии на неё Китайско-Восточной железной дороги в этих работах совершенно отсутствуют.

Среди историков-экономистов следует отметить книги Вэй Цычу «Капиталовложения империалистов в Китае» и У Чэнмина «Капиталовложения империалистов в старом Китае» [10], где авторы характеризуют удельный вес иностранных инвестиций в экономике страны, анализируют основные привилегии, приобретённые капиталистическими державами в старом Китае. Отдельные сведения, касающиеся внешней торговли Китая, в частности с западными странами, содержатся в работах Кун Цзинвэя «Некоторые вопросы истории экономики Китая» и Пэн Юйсина «Система таможенных пошлин в период правления династии Цин» [11]. Эти авторы старались показать неравноправность торговли западных государств и США с Китаем. Данных по русско-китайским торговым связям в этих работах практически нет.

В 60—70-е гг. в связи со сложившейся в Китае общеполитической обстановкой наблюдался общий застой исторической науки КНР. Для этого этапа была характерна произвольная переоценка исторического прошлого Китая. Деятельность историков КНР практически прекратилась, исторические институты в основном бездействовали, книги и журналы выходили редко и нерегулярно. Россия вновь изображалась как государство с постоянно «агрессивной» по отношению к Китаю внешней политикой, отрицался взаимовыгодный характер русско-китайских отношений. В 1965 г. Лю Данянем был подготовлен сборник статей под названием «Новая и новейшая история Китая» [12]. В нём Китай исследуемого периода рассматривался лишь как жертва капиталистического торга, экономический анализ не проводился.

Гу Юнь в своей работе «Неравноправные договоры в новой истории Китая», используя тот факт, что Китаю действительно в середине XIX в. была навязана система неравноправных договоров с Западом, интерпретирует в этом плане и историю договорных отношений России с Китаем. Рассматривая статьи Айгуньского 1858 — Пекинского 1860 г. русско-китайских договоров, подтверждающих взаимовыгодный характер торговли России с Китаем, Гу Юнь перечисляет только права, полученные Россией, и умалчивает об аналогичных правах, предоставленных Китаю в торговле с Россией. Большое внимание автор уделяет политическому аспекту строительства КВЖД, в связи с чем политика России изображается в качестве главной угрозы целостности и независимости Китая [13].

В 1973 г. переиздана коллективная монография Дин Минняна и др. «История империалистической агрессии в Китае» [14], которая впервые была опубликована в 1958 г. Рассматривая экономические отношения Китая, авторы приводят некоторые статистические данные о внешней торговле Китая с западными странами. Констатируется факт, что Англия в середине XIX в. одной из первых начала агрессию в Китае, подчёркивается, что самыми глав-

ными капиталистическими странами, подписавшими с ним неравноправные договоры, были Англия, Франция и США, отмечается, что в 80—90-е гг. XIX в. капиталистические государства стали проводить новый курс «политики сотрудничества» с целью ещё большего агрессивного проникновения в экономику и политику Китая. Русско-китайские отношения, по мнению китайских историков, были равноправными лишь до середины XIX в. При рассмотрении экономических отношений России с Китаем на Дальнем Востоке совершенно не упоминается Айгунский 1858 г. и Пекинский 1860 г. договоры, в соответствии с которыми разрешалась равноправная, взаимовыгодная торговля.

В середине 70-х гг. были опубликованы две работы об «агрессивной» политике России на Дальнем Востоке: «История агрессии царской России в Китае» и «Краткая история агрессии царской России в Китае» [15].

В 1976 г. опубликована работа «Русско-японская война 1904—1905 гг.» [16], авторы которой стремятся провести параллель между борьбой Японии и России за гегемонию над Китаем в начале XX в., а затем двумя «сверхдержавами» — Советским Союзом и США — в 60—70-е гг., причём особая «агрессивная сущность» приписывается «советскому социал-империализму». Ши Цзянь в работе «Морская экспансия царской России в Китае» также пытается показать Россию главной «агрессивной» державой на Дальнем Востоке. В работе подчёркивается, что «если раньше объектом России был Китай, то сейчас якобы эта агрессия распространяется на Юго-Восточную Азию, Ближний Восток, Африку и Латинскую Америку» [17].

Аналогичные материалы публиковались в журналах «Лиши яньцзю», «Дили чжиши», «Шэхуэй кэсюэ чжаньсянь», «Цзилинь дасюе сюебао», «Бэйцин дасюе», «Пекин ревью» и др. [18]. Наглядным примером интерпретации договорных документов в области экономических отношений России и Китая на Дальнем Востоке является статья «К истории захвата царской Россией прав судоходства по реке Сунгари» [19]. Как известно, по ст. 2 Айгунского договора 1858 г. разрешалась «взаимная торговля по рекам Усури, Амуру и Сунгари подданным России и Китая». Однако в статье Сюэ Хуна делается акцент на расхождении географических понятий, а именно, под рекой Сунгари, где разрешалось плавание русских судов, понималось нижнее течение Амура, впадающего в море, т.е. по китайским понятиям, не река Сунгари впадает в Амур, а Амур впадает в Сунгари. На этом основании цинское правительство приказало местным властям не пропускать русские торговые суда для плавания по Сунгари, протекающей по территории Северо-Восточного Китая, а их с 1858 г. по 1864 г. было направлено пять. Только в 1897 г. русское правительство получило право для торговых судов плавать по реке Сунгари, хотя и это разрешение также в первую очередь связывалось со строительством КВЖД и необходимостью подвозки грузов по реке.

В 1979 г. в Пекине была опубликована двухтомная «История Китая в новое и новейшее время (1840—1949 гг.)» [20]. В ней собраны интересные таблицы по экономике Китая, приводятся также различные статистические данные по внешней торговле страны во второй половине XIX — начале

XX в., причём анализ международных отношений и начало колониальной политики Англии, Франции и США делается, можно сказать, объективно. Авторы говорят о стремлении царской России к превращению Маньчжурии в «сферу влияния» в конце XIX в., но не оценивают позицию самого цинского правительства по вопросу строительства КВЖД, не анализируют влияние КВЖД на развитие торговли России с Китаем, а также экономическое развитие Северо-Восточного Китая.

С 1976 по 1990 гг. в Пекине изданы четыре тома «Истории агрессии царской России в Китае» [21]. При описании русско-китайских торговых связей утверждается, что «экономический грабёж был уже в ранний период существования контактов между двумя государствами», что «главным средством выколачивания капиталов из Китая служил неэквивалентный обмен, приносивший русскому купечеству колоссальные барыши». «Грабительская сущность русской торговли в Китае проявлялась якобы уже в период «торговых миссий России в Китае». Однако анализ архивных материалов, а также данных, приводимых в отечественной литературе, даёт основание утверждать о несостоятельности высказываний китайских историков в отношении «грабительского характера» русско-китайской торговли. Меновая торговля между русскими и китайскими купцами в районах Кяхты и Маймачэна, а также в ряде других приграничных пунктах осуществлялась на основе равенства прав партнёров. В четвёртом томе издания подчёркивается, что в начале XX в. в результате управления экономикой Маньчжурии, ввоза русских товаров в Северо-Восточный Китай последний превратился в придаток внутреннего рынка России. Экономическая деятельность КВЖД и её влияние на экономику Маньчжурии не рассматривается. Таким образом, основное внимание уделяется не экономическим вопросам, а политическим аспектам взаимоотношений России и Японии.

Для анализа проблемы экономических отношений России и Китая на Дальнем Востоке представляют особый интерес две коллективные монографии: «Прошлое и будущее развития восточных районов СССР» под редакцией Сюй Цзинсюе и «Экономическая история Северо-Восточного Китая в период династии Цин» под редакцией Кун Цзинвэя. В этих работах в разной степени подробно рассматривается экономическое развитие Северо-Восточного Китая в связи со строительством КВЖД. Имеются фактические данные по русскому предпринимательству в обрабатывающей, добывающей промышленности, взятые в целом по инвестициям России в различные отрасли промышленности, показана деятельность Русско-Китайского банка, развитие внешней торговли Северо-Восточного Китая. Однако наряду с достаточно ценным экономическим анализом по-прежнему делаются сугубо односторонние оценки и абсолютно игнорируются позитивные моменты в деятельности КВЖД.

В монографии «Прошлое и будущее развития восточных районов СССР» утверждается, что «с 1897 г. момента начала строительства КВЖД, и до 1917 г. царская Россия в течение 20 лет осуществляла экономический грабёж Северо-Восточного Китая», «...превратила его в рынок вложения сво-

их капиталов и сбыта товаров, а также рынок сырья для промышленности», «...строительством в 1897 г. КВЖД царская Россия начала крупномасштабный экономический грабёж Северо-Восточного Китая... КВЖД являлась главным орудием агрессии царской России в Китае». В вышедшей под редакцией Кун Цзинвэя «Экономической истории Северо-Восточного Китая в период династии Цин» есть специальная глава, посвящённая данной проблеме и озаглавленная «Экономическая агрессия империалистической России». В отличие от других многочисленных работ китайской историографии предыдущего периода в ней имеется большой интересный фактический материал по русскому предпринимательству в Северо-Восточном Китае. Однако оценка деятельности русского капитала дана односторонне, исключительно негативная. В монографии утверждается, что «КВЖД была орудием расширения агрессии России на Дальнем Востоке», способствовала осуществлению экономического грабежа Северо-Восточного Китая. Подчёркивается, что «Россия скупала сельскохозяйственную продукцию северной Маньчжурии по дешёвым ценам и транспортировала по КВЖД через Владивосток и Японию и на рынки стран Европы... Транспортировка, осуществляемая по Уссурийской железной дороге и КВЖД, велась не только для внутреннего рынка, но и для получения большей прибыли» [22]. В работах не анализируется политика цинского правительства по вопросу строительства КВЖД, в сооружении которой в условиях обострившейся борьбы капиталистических держав за Китай оно также было заинтересовано, не даётся объективная оценка влияния КВЖД на ускоренное развитие промышленности, сельского хозяйства, внешней торговли самого Северо-Восточного Китая.

С начала 90-х гг. наблюдаются определённые изменения в подходе китайских учёных к оценке русско-китайских экономических отношений. В 1990 г. в журнале «Лунцзян шэхуэй кэсэе» была опубликована статья Го Юньшэня «Китайско-русская торговля в районе Хэйлунцзяна», а в 1991 г. его же статья «КВЖД и китайско-русские торгово-экономические связи» в журнале «Бэйфан вэньсюе» [23]. В них приводятся ценные статистические материалы по торговым связям России и Китая, русскому предпринимательству в Северо-Восточном Китае, в частности в лесоразработках, добыче угля, создании в Харбине и полосе отчуждения КВЖД различных русских предприятий по инвестициям России, поднимается вопрос о рентабельности КВЖД, хотя это даётся без таблиц и без учёта деятельности вспомогательных предприятий. В статьях делается ряд справедливых выводов о том, что «КВЖД значительно ускорила развитие экономических связей между Россией и Китаем», что «КВЖД объективно способствовала развитию промышленности, сельского хозяйства, торговли Северо-Восточного Китая, были созданы условия для втягивания этого района в мировой рынок». Но вместе с тем отмечается, что «дорога, объединив под своим контролем производство, монополистические структуры, банк, денежную систему, являлась орудием закабаления китайского народа», «в результате строительства КВЖД Россия не только стала фактическим хозяином Северной Маньчжурии, но и осложнила международные отношения на Дальнем Востоке». Относительно торговых связей автор

пишет следующее: «Ранняя китайско-русская торговля в районе Хэйлунцзяна была равноправной, взаимовыгодной, способствовала экономическому развитию приграничных районов и дружественным отношениям между народами. «Чем более развивалась торговля и увеличивался её объём, тем более крупные выгоды получали китайские торговцы, производство товаров также ускорялось. Делается вывод, что «КВЖД создала условия для развития китайско-русской торговли и прежде всего для поставки русских товаров в Китай».

Довольно объективно Го Юньшэнь оценивает и влияние китайско-русских экономических связей на внешнюю торговлю Северо-Восточного Китая. В статье «Китайско-русская торговля в районе Хэйлунцзяна» отмечается, что в конце периода правления Цинской династии в обстановке пассивного внешнеторгового баланса Китая особое значение имел высокий активный торговый баланс Хэйлунцзяна. «Если бы русское население не покупало в большом количестве излишки хэйлунцзянского зерна, то это не повлияло бы на развитие зернового производства». В статье «КВЖД и китайско-русские торгово-экономические связи» приводится интересный материал о том, что, являясь новым экономическим районом, Северо-Восточный Китай, площадь которого составляла 1/20 часть от площади всей страны, а население менее 1/20, со времени постройки и введения в эксплуатацию КВЖД стал играть всё более растущую роль во внешней торговле Китая, его доля увеличилась с 7,5% в 1907 г. до 25% в 1917 г., к 1916 г. доля Харбинского района уже составила 30% внешнеторгового оборота Северо-Восточного Китая.

Вместе с тем в статьях Го Юньшэня имеются утверждения о том, что различными путями, включая КВЖД, из «Северо-Восточного Китая вывозились высококачественные китайские товары, прочно утвердившиеся на трёх рынках русского Дальнего Востока», тогда как Россия хотела бы сбывать по КВЖД в Китай большую часть своей продукции (текстиль, пушнину, изделия из мехов и другие не очень хорошего качества промышленные товары), а оттуда транспортировать их в Корею, Японию. Общий вывод, к которому приходит Го Юньшэнь в статье «КВЖД и китайско-русские торгово-экономические связи», сформулирован в духе стереотипных оценок, излагаемых в различных уже известных монографиях и подчёркивающих «захватнический характер КВЖД и полуколониальную сущность торговли России в Северо-Восточном Китае», а также «превращение его в придаток КВЖД, что ускорило в связи с развитием внешней торговли Северо-Восточного Китая».

К негативным факторам русско-китайских отношений, в том числе и экономических, Го Юньшэнь относит подписание Айгуньского и Пекинского договоров, «Правил сухопутной торговли между Россией и Китаем», (Пекин, 1862 г.), Санкт-Петербургского договора 1881 г., «Контракта на постройку и эксплуатацию Китайско-Восточной железной дороги», которые китайскими учёными традиционно называются «неравноправными договорами». Го Юньшэнь также утверждает о «неравноправности» русско-китайской торговли в начале XX в. в связи со строительством КВЖД, хотя с введением в эксплуатацию дороги Россия смогла лишь несколько

снизить пассивное сальдо в торговле с Китаем. Многие выводы, сделанные Го Юньшэнем в статьях, подтверждают обобщения о позитивной деятельности КВЖД, изложенные в монографии Г.Н. Романовой «Экономические отношения России и Китая на Дальнем Востоке. XIX — начало XX в.» [24].

В коллективной монографии под редакцией Мэн Сяньчжана «История китайско-советских торгово-экономических отношений» [25], опубликованной в Харбине в 1992 г., основной акцент сделан на динамике торговли России и Советского Союза с Китаем с XVII в. по 80-е гг. XX в., приведена многочисленная статистика, выделены и проанализированы различные этапы торговли. В работе подтверждается прежняя концепция о признании неравноправности российско-китайских договоров середины XIX в. В том числе и по торговле с Россией: «...Россия, идя по пути западных капиталистических держав, прежде всего, вынудила цинское правительство подписать ряд неравноправных договоров и статей, касавшихся ведения торговли, получила неограниченные торговые права». Трактат, заключённый между Россией и Китаем о торговле в Кульдже и Чугучаке (1851 г.), авторы считают «первым неравноправным договором, по которому существовавшая более 200 лет равноправная торговля, стала изменяться. К последующим договорам, повлиявшим на развитие торговых связей, приводятся Тяньцзиньский договор 1858 г., Айгуньский 1858 г., Пекинский 1860 г., «Правило сухопутной торговли» о предоставлении двум государствам вести равноправную меновую торговлю по обоим берегам пограничных рек». Как подчёркивается в работе, «после подписания Тяньцзиньского договора 1858 г. Россия не только монополизировала сухопутную торговлю, но и получила одинаковые привилегии с западными колонизаторами в морской торговле», «в китайско-российских торговых отношениях проявлялись черты, аналогичные с западными державами, сущность их заключалась в проведении неравноправной торговли». При относительно объективном и менее тенденциозном по сравнению с многочисленными прежними работами изложении материала о российско-китайских экономических отношениях на Дальнем Востоке встречаются и такие утверждения: «...торговля незаконно удовлетворяла потребности России в продовольствиях и других товарах», «...русские торговцы проникали внутрь провинции Хэйлунцзян и захватывали в свои руки продовольствие и скот с тем, чтобы превратить этот регион в место поставки продовольствия для населения России». Проблема КВЖД и российского предпринимательства рассматривается главным образом в связи с развитием российско-китайских торговых связей. В частности в работе утверждается: «Россия посредством КВЖД и частных предприятий контролировала всю экономику Северо-Восточного Китая, что оказывало большое влияние на развитие российско-китайской торговли».

Политическим процессам между странами, установлению дипломатических отношений в работе практически не уделяется внимания. Вместе с тем прослеживается позитивное отношение к Октябрьской революции; подчёркивается, что взаимоотношения Советской России и Китая в значительной степени складывались под воздействием Англии, Франции, США,

Японии и др.; интервенцию против Советской России Китай совершал под давлением реакционного бэйянского правительства (северных милитаристов). В целом работа представляет значительный интерес для исследования российско-китайских торгово-экономических отношений.

В 1996 г. Го Юньшэнь в Харбине опубликовал работу «История китайско-российской чайной торговли» [26], в которой детально проанализированы ранние российско-китайские торговые связи, в том числе и участие КВЖД в транспортировке китайского чая. Представляет интерес по вопросу новых концепций на использование иностранных инвестиций изданная Инь Цзепином в 1998 г. в Харбине книга «Ранние внешнеэкономические связи Сибири» [27]. Автор в целом позитивно относится к опыту строительства Транссибирской магистрали, в том числе и КВЖД, в процессе которого применялись техника и технология, средства передвижения различных зарубежных стран (США, Англии, Франции, Японии, Канады, Бельгии), в качестве трудовых ресурсов использовались китайские рабочие. Это свидетельствовало о международном значении Сибирской железной дороги как кратчайшего пути сообщения Европы и Азии по сравнению с транспортировкой грузов морским путём через Суэцкий канал. Инь Цзепин подчёркивает важность Транссибирской магистрали в заселении Сибири, в том числе и Дальнего Востока, развитии там промышленности и российской торговли, стимулировании строительства портов на российском Дальнем Востоке, становлении морского транспорта. Позитивным явлением Инь Цзепин считает и экспорт сельскохозяйственных грузов Северо-Восточного Китая на мировой рынок, что произошло в связи с открытием движения по КВЖД, ускорение развития обрабатывающей промышленности в регионе; в отношении российского Дальнего Востока — это создание зон свободной торговли и совместных предприятий с участием иностранного капитала. В работе отчётливо прослеживается двойственное влияние иностранных инвестиций и предпринимательства на экономическое развитие Сибири и Дальнего Востока, что в определённой степени ассоциируется и с экономикой Северо-Восточного Китая.

В 1999 г. в Харбине была опубликована книга известного историка Хуан Динтяня «История торгово-экономических и культурных связей между Китаем и Россией» [28], хронологические рамки которой охватывают период с XVII в. по 80-е гг. XX в. В отношении значения российских инвестиций и предпринимательства в экономике Северо-Восточного Китая Хуан Динтянь также даёт двойственную оценку. С одной стороны, сохраняется традиционная негативная оценка деятельности Русско-Китайского банка и КВЖД в деле «разграбления природных ресурсов региона, лесов, угольных и золотых копий, использования трудовых ресурсов, монополизации экономики Северо-Восточного Китая, превращения региона в продовольственную базу российского Дальнего Востока». С другой — делается объективный вывод о «росте экономического развития Северо-Восточного Китая», «открытии региона», «переходе экономики на капиталистическую стадию развития», «стимулировании сельского хозяйства Северо-Восточного Китая в связи

с экспортом и транзитом сельскохозяйственных грузов, осуществлявшимися Россией», «модернизации обрабатывающей промышленности, в том числе и национальной». В 1999 г. Хуан Динтянь также опубликовал книгу «История международных отношений в Северо-Восточной Азии» [29]. В ней автор, касаясь вопроса КВЖД и российского предпринимательства, отмечает, что предпринимателям из России принадлежит первенство в становлении перерабатывающей промышленности Северо-Восточного Китая. Хуан Динтянь подчёркивает, что «строительство КВЖД изменило географическое направление вложения капитала иностранными державами в Китае. До сооружения КВЖД половина всех иностранных инвестиций вкладывались главным образом в Шанхай. В 1902 г., ближе к завершению строительства дороги, только российский капитал в Маньчжурии достиг 216 млн. ам. дол., что составило 27,4% от общего объёма иностранных капиталов. В Шанхае же было инвестировано всего 110 млн. ам. дол., или 14% соответственно. Вложение российских инвестиций в Северо-Восточный Китай свидетельствовало об установлении тесных экономических связей между этим регионом и Дальним Востоком России. Автор утверждает, что КВЖД сооружалась не только для решения экономических проблем, но и стала территорией распространения культурных, военных и политических интересов России.

В 1999 г. в г. Харбине была опубликована книга известного в Китае учёного Су Фэнлиня «История ранних китайско-российских отношений» [30]. В отличие от изданных ранее в Китае работ по российско-китайским отношениям, где главное внимание концентрировалось на анализе политических и дипломатических аспектов взаимодействия между Россией и Китаем, в данной книге основной акцент сделан на изучении российско-китайских экономических и культурных связей. Необходимо отметить, что именно сотрудники Академии общественных наук провинции Хэйлунцзян и профессор Су Фэнлинь, как один из них, впервые в историографии КНР приступили к исследованию недостаточно изученной тематики российско-китайского межцивилизационного взаимодействия — раннего этапа истории экономических и культурных связей России и Китая. Монография основана на солидных источниках, изданных на трёх языках: китайском, маньчжурском и русском. Особенно ценны архивные материалы на маньчжурском языке. Многокилометровая граница, соседство двух стран создавали благоприятные условия для взаимодействия России и Китая в течение нескольких веков. Как подчёркивает Су Фэнлинь, при укреплении и развитии стратегического партнёрства между Россией и Китаем изучение опыта становления ранних связей, исторических традиций имеет важное значение.

В книге три аспекта исследования: ранние дипломатические отношения России и Китая, ранние российско-китайские торговые связи и культурные контакты. Су Фэнлинь обоснованно выделяет 5 этапов взаимодействия России и Китая. Первый этап — первая половина XVII в., когда начали развиваться эти отношения. В то время Россия искала пути во внутренний Китай. Особенностью периода было развитие экономических, культурных и дипломатических связей России с Западной Монголией. Одновременно

происходили контакты в районе Хэйлунцзяна (р. Амур). Второй этап — со второй половины XVII в. до заключения Нерчинского договора 1689 г. В это время в Китай направлялись русские торговые караваны и устанавливались непосредственные торговые связи России с Китаем, расширялись культурные взаимоотношения. Однако военные столкновения на Амуре тормозили развитие двусторонних контактов.

Третий этап — от Нерчинского договора 1689 г. до Кяхтинского договора (трактата) 1728 г. В этот период экономические и культурные связи стали строиться на договорной основе. Происходило соперничество между казёнными (государственными) и частными торговцами при поездке в Пекин, торговля испытывала затруднения, возникали конфликты на коммерческой почве, расширялись территории, осваиваемые Россией, что обостряло конфликтную ситуацию. Но в то же время культурные связи получили значительное развитие, в Пекине происходило становление Российской духовной миссии. Четвёртый этап — от Кяхтинского договора (трактата) 1728 г. до подписания Кяхтинского торгового договора в 1792 г., после чего кяхтинские торги быстро расширились. Китайские миссии посетили Россию. Осуществлялись торговые связи через Русскую духовную миссию в Пекине. Но вследствие пограничных инцидентов кяхтинские торги трижды закрывались. Пятый этап — с подписания Кяхтинского торгового договора в 1792 г. до середины XIX столетия. Кяхтинский торговый договор 1792 г. явился результатом трёхкратного закрытия кяхтинских торгов. После заключения договора эти торги вступили в своеобразный золотой век (на полтора столетия получили большое развитие российско-китайские торговые отношения в районе Амура и в Синьцзяне). Причину провала российских миссий Ф.И. Байбакова и Н.Г. Спафария в Китае Су Фэнлинь связывает не столько с процедурой церемоний (обряд «коутоу»), сколько с обострением политических отношений, подчёркивая, что в Китае строго соблюдают и чтят культуру церемониала. Но всё-таки приходится констатировать, что для российских послов было неприемлемым исполнять обряд «коутоу», что означало признать Россию «данническим» по отношению к Китаю государством. Послы стремились установить дипломатические отношения между равными великими государствами Россией и Китаем. Автором отмечается позитивное значение Нерчинского договора 1689 г., Кяхтинского договора (трактата) 1728 г. и Кяхтинского торгового договора 1792 г. для развития российско-китайских торговых связей. Хотя имеются традиционные для китайской историографии высказывания по поводу «захватов» Россией китайских территорий, утверждения, что «Нерчинский договор 1689 г. явился уступкой китайского правительства России в области торговли во имя территории». А ведь по существу Нерчинский договор предоставлял равные права для ведения торговли и России, и Китаю и являлся первым договором Китая с иностранным государством, по которому торговые отношения стали вестись на правовой основе в отличие от торговли Китая со странами Западной Европы и США. С заключением Нерчинского договора установились торговые связи, выгодные как России, так и Китаю.

Анализируя торговые контакты, Су Фэнлинь затрагивает вопрос характера торговли, была ли она непосредственной или косвенной торговлей между государствами или между народами. Он проводит мысль, что поскольку Китай — многонациональное государство, то участие в российско-китайской торговле нельзя ограничивать только маньчжурами и ханьцами (китайцами). Су Фэнлинь делает вывод, что становление российско-китайской торговли происходило в начале XVII в. В первый период это была непосредственная торговля различных племён Северо-Западной Монголии и жителей различных крепостей российской Сибири; в середине XVII в. осуществлялась посылка русских торговых караванов в Пекин. Российско-китайская торговля расширилась и в пределах Внутреннего Китая, Нерчинский договор 1689 г. открыл новый период ведения торговли на договорной основе. «Торговля в Пекине российских дипломатических миссий и частных торговых караванов во второй половине XVII в. в течение 40 лет являлась одной из важнейших форм непосредственной торговли». Автор приводит многочисленные интересные статистические данные по торговому обороту России и Китая, удельному весу основных статей экспорта и импорта, прежде всего, русской пушнины, образно названной «чёрным золотом» русского правительства и дававшей в это время 1/3 государственного бюджета России, делает анализ караванной и частной торговли, работы дипломатических миссий.

Значительное внимание Су Фэнлинь уделяет исследованию мало изученного вопроса — истории развития культурных связей России и Китая. Он подчёркивает, что «вследствие своего географического положения, национальной истории российская культура впитала в себя европейскую и азиатскую культуры». Большое значение для процесса культурного обмена имели, по мнению автора, Нерчинский договор 1689 г. и Кяхтинский договор 1728 г. Су Фэнлинь подчёркивает, что если до подписания Нерчинского договора в первых российско-китайских культурных контактах случались столкновения в области церемониала, то после подписания договора всё больше стали проявляться тенденции к взаимодействию и сотрудничеству. Как подчёркивает Су Фэнлинь, большое влияние на развитие российско-китайских связей оказали русские торговые караваны, культурный обмен через Кяхту-Маймачэн, китайские миссии в России; российско-китайский культурный обмен до середины XIX в. исходил из дружественных отношений, основанных на равноправных и взаимовыгодных связях. В целом можно констатировать, что книга профессора Су Фэнлиня представляет собой серьёзный научный труд, где всесторонне анализируются ранние этапы экономических и культурных связей России и Китая, и, несомненно, эта монография восполняет многие ещё недостаточно изученные аспекты взаимодействия России и Китая.

Значительный интерес в китайской историографии представляет проблема КВЖД. Хотя, как считают историки КНР, до 1970-х гг., в период дружественных отношений СССР и Китая данная тема была всесторонне исследована в работах тайваньских историков (гоминьдановская историография), и только во время идеологических разногласий между КПК и КПСС такая тема появилась и у историков КНР.

Сотрудник Института новейшей истории АОН КНР Сюе Сяньтянь в работе «Охранная стража КВЖД и политическая ситуация в Маньчжурии» [31], изданной в 1993 г., описывая деятельность охранной стражи, оценивает внешнюю политику России в отношении Китая на рубеже XIX—XX вв., как «агрессивную». Охранная стража КВЖД, по мнению Сюэ Сяньтяня, служила политическим орудием России в осуществлении агрессивных замыслов в Маньчжурии. Цель её создания вовсе не охрана дороги от хунхузов и других преступных элементов, а осуществление военного контроля в Северо-Восточном Китае с последующим превращением его в «Желтороссию». Сюе Сяньтянь отмечает, что проблема КВЖД была «одной из самых важных неразрешимых проблем во взаимоотношениях России и Китая». В её основе, по мнению этого учёного, лежали неравноправные договоры, навязанные Китаю царским правительством в конце XIX — первом десятилетии XX в. Согласно им стало возможным строительство в Маньчжурии русской железной дороги, военно-стратегической и экономической целью которого было «усиление военного положения России на Дальнем Востоке».

В опубликованной в 2002 г. в журнале «Проблемы Дальнего Востока» статье Сюе Сяньтяня и Луань Цзинхэ «История и современное состояние китайско-российских отношений» [32] отмечается, что «КВЖД была построена потом и кровью народов двух стран — Китая и России. Её появление ещё больше сплотило их, к тому же эта дорога вплоть до сегодняшнего дня остаётся важнейшим связующим звеном в китайско-российских экономических и культурных контактах и взаимных поездках. В строительство этой дороги Россия вложила 375 млн. руб., Китай же предоставил для строительства обширные территории и значительную рабочую силу. Только число китайских рабочих, занятых на земляных работах, достигало в пиковые периоды стройки 200 тысяч. Сооружение дороги стимулировало экономическое развитие Северо-Восточного Китая. Вдоль железнодорожной линии выросли такие города как Харбин, Чанчунь, расцвели приморские и расположенные вдоль рек города Далянь, Люйшунь, Цзямусы, Фуцзинь. Хозяйственная деятельность железной дороги, расцвет и развитие торгово-экономической жизни городов ускорили модернизацию этого региона». Как подчёркивают авторы, «...различные конфликты вокруг КВЖД были вызваны главным образом тем, что Россия захватила особые права, выходящие за пределы собственно хозяйственного управления дорогой. В их числе — отчуждение администрацией дороги значительных прилегающих к КВЖД территорий «в пользование дороги», что привело к образованию вдоль неё особой «полосы отчуждения». В этом районе размещались войска и полиция, взимались налоги, создавались городские администрации, суды и тюрьмы, что нарушало суверенитет Китая. После подписания в 1924 г. соответствующих китайско-советских соглашений советская сторона ликвидировала указанные привилегии, для КВЖД был восстановлен статус чисто хозяйственного объекта.

По мнению китайского историка Чжан Туна, построив КВЖД руками китайских рабочих на китайской территории, Россия превратила её в государство в государстве (отчуждение земли, экстерриториальность русско-

го населения, экономические привилегии, русская полиция и войска охраны, управление и т.д.), нарушив тем самым суверенные права Китая. Чжан Тун полагает, что, несмотря на поражение России в русско-японской войне 1904—1905 гг., «...русское господство в Северной Маньчжурии было устойчивым» и только Первая мировая война и «бурные волны революции 1917 г. предоставили китайскому правительству и местным властям северо-восточных провинций возможность начать борьбу за возвращение своих прав на КВЖД» [33].

Характеризуя причины строительства в Маньчжурии русской железной дороги и её эксплуатацию в дореволюционный период, китайские историки делают однозначный вывод об агрессивных целях царской России в Маньчжурии, её стремлении с помощью КВЖД создать базу для продолжения своей империалистической политики в Китае. Это представляло собой угрозу национальным интересам Китая, что предопределило его борьбу за восстановление своего суверенитета в зоне КВЖД и передачу дороги Китаю.

С точки зрения китайских историков, сразу же после победы большевистской революции в Петрограде возникла проблема КВЖД. Как отмечается в коллективной работе учёных КНР, конфликт двух стран вокруг КВЖД «начал принимать всё более ожесточённый характер». Они полагают, что это было связано с деятельностью «созданного вопреки здравому смыслу Харбинского совета», считавшего КВЖД по указанию советского правительства частью российской территории и взявшего курс на вооружённый захват дороги» [34].

Приказ о захвате власти в Харбине и полосе отчуждения КВЖД исходил лично от главы советского правительства В.И. Ленина, что, по мнению Сюе Сяньтяня, свидетельствовало о «наследовании» большевиками «агрессивности царской России» в Маньчжурии и «явилось промахом Ленина». Китайские власти решительно и быстро пресекли попытку захватить дорогу. По просьбе союзников (США, Англия, Франция и Япония) они ввели свои войска в зону КВЖД. В противном случае, считает Сюе Сяньтянь, под предлогом борьбы с большевизмом дорога могла оказаться захваченной Японией, чьи солдаты «стали бы её новыми хозяевами». Он делает вывод, что возвращение Китаем права охраны КВЖД означало «начало конца колониальной политики Хорвата (управляющего дороги), т.е. периода неравноправных договоров, навязанных Китаю Россией» [35].

Согласно первой декларации, «советская сторона передавала КВЖД безо всякого вознаграждения Китаю». Однако, по мнению китайских историков, пекинское правительство не откликнулось из-за боязни, что в этом случае Семёнов и Япония под предлогом нарушений Китаем его союзнических обязательств в общей антибольшевистской борьбе могли выступить против китайских властей в зоне КВЖД, а это «принесло бы несомненную выгоду восточному наступлению Красной Армии». Историки КНР считают, что тактика «непонимания» китайским правительством советских предложений, изложенных в первой декларации Л.М. Карахана, была единственно возможной в той ситуации. Что касается декларации от 27 сентября, то в отношении

КВЖД она уже предлагала лишь «совместное использование дороги в интересах РСФСР, Китая и ДВР», т.е. Советская Россия фактически отказывалась от своего прежнего обещания вернуть дорогу Китаю. Китайские историки причину этого отказа видят в победе советской власти в гражданской войне [36].

Китайские учёные выделяют несколько основных причин, по которым пекинское правительство пошло на установление первых неофициальных дипломатических контактов с РСФСР, в том числе и по вопросу о КВЖД. Главными из них были победа Советской России в гражданской войне и смена обанкротившейся участью в интервенции против РСФСР аньфуистской клики, контролировавшей пекинское правительство. Китай и Советская Россия пытались наладить свои отношения через ДВР (хотя последняя в вопросе о КВЖД и сделала ошибку, объявив полосу отчуждения дороги частью своей территории). Но в тех условиях для пекинского правительства это был наиболее приемлемый способ не дать повода к недовольству и вмешательству великих держав и прежде всего Японии в двусторонние отношения по проблеме КВЖД [37]. Характеризуя деятельность миссии ДВР в Китае, историки КНР указывают на двусмысленную позицию в ходе переговоров о КВЖД главы миссии И.Л. Юрина. Так, Ли Цзягу утверждает, что последний сначала заявлял, о том, что после заключения торгового договора КВЖД перейдёт в полное владение Китая или совместное управление», однако затем отказался от данного заявления и «отрицал возможность полного перехода КВЖД к Китаю» [38].

Касаясь первой миссии РСФСР в Китае во главе с А.К. Пайкесом и миссий ДВР, китайские историки отмечают также, что пекинское правительство не спешило с переговорами, так как к этому времени оно уже фактически вернуло себе КВЖД и успешно бойкотировало проект западных стран о международном «совместном управлении дорогой». В итоге данными миссиями вопрос о КВЖД решён не был. Анализируя деятельность в Китае полпреда Советской России А.А. Иоффе, китайские историки указывают на факт изменения РСФСР прежней позиции в вопросе о КВЖД. По их мнению, новая линия предусматривала отказ советского правительства от безвозмездного возвращения дороги Китаю [39].

В № 3 журнала «Новая и новейшая история» за 1997 г. была опубликована статья Линь Цзюня «Советская дипломатия и Китай в 20-е годы. По документам Архива МИД России». Концепция статьи состоит в том, чтобы обосновать тезис о наличии со стороны советского правительства якобы империалистических устремлений в отношении Китая в 1920-х гг. Империализм усматривался в наличии экономических интересов и материальной заинтересованности в вопросе о функционировании КВЖД. Линь Цзюнь акцентирует внимание на взглядах А.А. Иоффе, на желательный, с его точки зрения, курс в отношении Китая, который позволил бы сделать Китай козырем в антиимпериалистической борьбе России с Японией, США и другими державами за роль и влияние на Дальнем Востоке. Такой курс предусматривал бы «пожертвование даже кое-какими интересами в Китае и Монголии» и прежде всего экономическими и военными.

Между тем вопрос о дискуссиях по КВЖД трудно отделить от анализа существа секретного договора 1896 г. с Китаем о союзе и постройке дороги, который предусматривал и создание военного союза двух государств. Линь Цзюнь старается указать на разные подходы в отношении судьбы КВЖД между руководством Наркомата иностранных дел и Наркомата финансов Советской России в то время как шли дискуссии перед принятием решения, которые были учтены в 1924 г. при заключении советско-китайских соглашений по КВЖД. Не нашло места в статье и обоснование того, что уже в самом договоре 1896 г. были заложены позиции о бесплатной передаче КВЖД Китаю через определённый срок и о возможности выкупа железной дороги Китаем в более ранние сроки. Вместе с тем статья представляет интерес тем, что она вводит в научный оборот новые источники из Архива внешней политики РФ [40].

По мнению китайского исследователя Линь Цзюня, содержащиеся в соглашении положения относительно совместного управления Китаем и Советским Союзом этой дорогой отражали то обстоятельство, что правительство СССР не было в достаточной степени последовательным в своём отказе от политики старой России по этому вопросу. КВЖД явилась продуктом неравноправного договора, навязанного Китаю империалистической Россией, стала концентрированным воплощением агрессии империалистической России против Китая. Поэтому позиция китайской стороны состояла в том, что все права на эту железную дорогу, включая право административного и хозяйственного управления ею, целиком и полностью должны быть возвращены Китаю.

Советская сторона имела на это свой взгляд. Она полагала, что необходимо разделить два вопроса. Во-первых, о суверенитете Китая, который не может ущемляться никакими зарубежными государствами; власти должны осуществлять в полной мере свои функции на всей территории Китая, в том числе и применительно к КВЖД. Во-вторых, следовало также учитывать, что эта железная дорога была построена на средства России, российского государства, российского народа. Кроме того, сложилась целая колония граждан России, которые работали на этой железной дороге. К этому добавлялись и представления о правоте трудящихся, об их праве на те предприятия, на которых они работали.

Линь Цзюнь считает, что Соглашение 1924 г. было навязано Китаю советской стороной. С юридической точки зрения правительство России не имело права на прямое или непосредственное управление этой дорогой, если даже исходить из русско-китайского договора 1896 г. и устава совместной компании по сооружению КВЖД. Этими документами предусматривалось, что все дела по строительству и эксплуатации ведёт частная компания — «Даошэнбанк» (Русско-Китайский банк). Однако советская сторона использовала то обстоятельство, что железная дорога фактически контролировалась Россией, и требовала, чтобы дорога находилась во «временном» совместном управлении. С советской стороны при этом выдвигался тезис, что если бы Россия в то время отказалась от КВЖД, то она неизбежно попала бы в руки

третьей страны. Китайский учёный также полагает, что тезис о совместном управлении отражал отступление правительства СССР от духа его же декларации или обращения к Китаю. В первой декларации, обращённой к Китаю (декларация 1919 г.) правительство Советской России заявило о том, что оно возвращает Китаю Китайско-Восточную железную дорогу. Во втором обращении (1920 г.) оно выдвинуло предложение «...исходя из потребностей Советской России, отдельно подписать договор об использовании Китайско-Восточной железной дороги» [41].

Коллективная работа под редакцией Цюнь Чуньту и Лу Наньцюаня «Китайско-российские торгово-экономические отношения», опубликованная в Пекине в 1999 г., посвящена современному состоянию экономических взаимоотношений двух стран, хотя имеются и краткие предыстории и характеристика различных этапов этих отношений. Что касается периода 1917—1924 гг., то отмечается, что в это время бэйянские милитаристы проводили экономическую блокаду в отношении Советской России. Вследствие одновременных гражданских войн в Китае и России были почти полностью прерваны торговые пути, увеличилась девальвация рубля, что значительно повлияло на торговлю двух стран. Проблема КВЖД не рассматривается, в том числе и в связи с торговыми связями [42].

В современной китайской историографии конца 80-х—90-х гг. XX в., в целом позитивно оценивавшей вступление СССР в войну за освобождение Северо-Восточного Китая от японской оккупации, экономическая помощь в восстановлении промышленности региона, создание советско-китайских акционерных компаний по-прежнему в основном характеризуется в негативном свете [43], либо эти аспекты сотрудничества 40-х гг. не рассматриваются.

Известный в Китае историк Линь Цзюнь, характеризуя советско-китайский договор о дружбе и союзе от 14 августа 1945 г., сыгравший в целом позитивную роль во время борьбы с японской оккупацией и в послевоенный период для предотвращения возможной агрессии со стороны Японии, акцентирует внимание лишь на тех аспектах, которые якобы «приводили к нарушению суверенитета Китая и территориальной целостности страны — аренде Порт-Артура и Дальнего». В работе подчёркивается, что СССР хотя и «согласился не применять арендную систему и признал целостность китайской территории и суверенитет страны, но фактически и всемерно старался превзойти решения Ялтинской конференции 1945 г. в вопросе управления Порт-Артуром и Дальним. В работе приводятся различные суждения по поводу собственности КВЖД и ЮМЖД, дальнейшем управлении дорогой. Автор констатирует, что в истории китайско-советских отношений нет смысла восхвалять китайско-советский договор о дружбе и союзе, который явился плодом тайного соглашения трёх стран (России, США, Великобритании) и в результате которого был произведён торг с Китаем: «...при этом США пошли на подписание соглашения, чтобы избежать последствий разрушения в войне с Японией, СССР для того, чтобы восстановить свои интересы на Дальнем Востоке». В заключение Линь Цзюнь делает вывод, что

«вступление советских войск в Северо-Восточный Китай, разгром японского агрессора ускорили впоследствии достижение победы в войне с Японией, но она не была бесплатной, благодарность оказалось превосходной (незамерзающие порты, суверенитет Монголии, что было особенно важно для безопасности СССР, и огромные военные трофеи при выводе советских войск из Китая».

В коллективной работе «Комитет по ресурсам старого Китая» отмечается, что «...захват СССР материальных ресурсов японцев в Северо-Восточном Китае был осуществлён с целью компенсаций больших потерь, нанесённых в войне с Германией, а также использования их для создания советской части в Дунбэе, ускорения её индустриализации: именно поэтому СССР якобы настаивал на признании заводских и горнопромышленных предприятий Северо-Восточного Китая основой «военных трофеев». Авторы констатируют, что в декабре 1945 г. СССР, выражая дружеские чувства в отношении Китая, настроен был передать ему эти «военные трофеи», поэтому рекомендовал создать совместно управляемые горнопромышленные предприятия в Северо-Восточном Китае. Как подчёркивается в книге, «более 80 предприятий тяжёлой промышленности, оцениваемых в 3,8 млрд. иен должны были перейти в совместное с СССР управление... в случае несогласия китайской стороны СССР якобы заявлял об управлении ими самостоятельно... предприятия лёгкой промышленности, оценивавшиеся в 2,2 млрд. иен, советская сторона выражала желание передать в самостоятельное управление старому Китаю».

Главную цель предложенного СССР совместного управления промышленностью Северо-Востока авторы видят в «стремлении предотвратить захват Дунбэя США и превратить его в военный плацдарм против Советского Союза». В работе также приводятся и размеры так называемого ущерба экономике Северо-Восточного Китая, который произошёл якобы в результате демонтажа и разрушения оборудования СССР после получения им отказа китайской стороны от совместного управления горнопромышленными предприятиями: «...на 60% была разрушена энергетическая система, на 80% сократилась добыча угля, на 90% упала производительность труда в машиностроении, на 60—100% в сталелитейной отрасли, иначе говоря, комитет по ресурсам получил лишь 20% производительной мощности горнопромышленных предприятий». Как и в ранее опубликованных работах приводится сумма «ущерба» в 2 млрд. дол. В книге высказываются суждения о якобы неправомерности СССР рассматривать японские предприятия как «военные трофеи» и считать их «компенсационной собственностью» старого Китая, «страны победившей во Второй мировой войне», хотя речь шла о предприятиях, квалифицировавшихся как «работавшие на войну», что также угрожало национальной безопасности Советского Союза на Дальнем Востоке. В целом действия СССР характеризуются как «великодержавные и узурпаторские». Заслуживающим внимания в работе является наличие в ней конкретного материала о характере и численности акционерных компаний, долевом участии капиталов.

Китайский историк Шэнь Чжихуа, анализируя итоги вступления советских войск в Северо-Восточный Китай в период антияпонской войны, делает исключительно негативные оценки их пребывания в экономической сфере, подчёркивая, что «СССР выдвинул требование о совместном управлении 80% тяжёлой промышленности, якобы приравнивая эти предприятия к «военным трофеям», что не соответствовало действительности; «вывод советских войск ставился в зависимость от плана экономического сотрудничества... СССР якобы настаивал на 51% акций этих предприятий в тяжёлой промышленности и 49% в лёгкой в случае, если оборудование данных предприятий останется в Дунбэе». Автор констатирует, что «к моменту вывода войск в мае 1946 г. большое количество промышленного оборудования и другого имущества, оценивавшегося в 858 млн. дол., было вывезено». Общий размер «ущерба» с учётом восстановления разрушенных предприятий составлял якобы 2 млрд. дол. В работе со ссылкой на данные Чан Кайши приводятся размеры «вывезенного советскими войсками имущества, оценивавшегося в 65% всего энергетического оборудования и 80% металлургической промышленности».

Таким образом, исследование китайской историографии экономических отношений Дальнего Востока России и Северо-Восточного Китая в XIX — первой половине XX в. позволяет констатировать следующее. В 20—40-е гг. доминировала концепция китайских историков о том, что Россия проводила главным образом «агрессивную», «экспансионистскую» политику в отношении Китая, совершенно замалчивались все позитивные моменты. Прежде всего, это отражалось в гоминьдановской историографии. В 50-е гг. наметилась тенденция более объективного исследования исторического прошлого Китая и международных отношений, хотя проблема КВЖД по-прежнему оценивалась негативно и рассматривалась только лишь в политическом аспекте. 60—70-е гг. характеризовались снижением уровня исследовательских работ, редким появлением монографий, их низким качеством. В этот период было опубликовано множество статей с идеологическими штампами, обосновывавших конъюнктурные концепции, что приводило к произвольной интерпретации исторических реалий. Наиболее освещена в историографии проблема КВЖД, рассматривалась она в основном при освещении борьбы капиталистических держав за «сферы влияния» в Китае. Главное и подчас преувеличенное внимание уделялось политическому аспекту строительства КВЖД, его «экспансионистскому» характеру. Китайские историки строительство КВЖД связывают с колониальной политикой России, направленной на захват китайской территории в Северо-Восточном Китае.

В 80—90-е гг. XX в. подходы китайских историков к проблеме экономических отношений России и Китая на Дальнем Востоке претерпели изменения, наметилась тенденция критического переосмысления прежних концепций. В китайской историографии стал даваться анализ российско-китайской торговли с различной её характеристикой. Проблемы КВЖД отошли от односторонней оценки её как «захватнической» дороги, носящей «экспансионистский» характер; наблюдается переосмысление роли КВЖД

в экономическом развитии Северо-Восточного Китая; анализируется роль российского предпринимательства и инвестиций в экономику региона. Китайские историки стали проявлять интерес к более детальному и объективному анализу проблемы КВЖД и российско-китайских торговых связей. Это обуславливается тем, что в 80—90-е гг. произошли определённые изменения в мировоззренческих установках китайских историков на роль иностранного капитала, опыта и технологий в процессе модернизации Китая, на структурную трансформацию, которая началась в Китае со второй половины XIX в. Данная тенденция усилилась после принятия в КНР курса на модернизацию и реформы. Для этого периода характерно более широкое использование трудов иностранных авторов, в том числе и российских.

#### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Чжэн Синсунь. Чжунго шанье ши = История китайской торговли. Шанхай, 1923. С. 288.
2. Чэнь Бовэнь. Дунсань шэн и пе = Очерк о Маньчжурии. Шанхай, 1924.
3. Но Pinyin. The foreign trade of China. Shanghai, 1935.
4. Цзян Тинфу. Цзуй цзинь саньбай нянь Дунбэй вай хуаньши = История иностранной агрессии в Маньчжурия за последние 300 лет. Б.м. 1932; Ван Чуаньсе. Байхуа Чжунго лиши = История Китая на разговорном языке. Шанхай, 1933. Т. 2. С. 85—86; Хань Цинун. Чжунго цзиньдай ши цзянхуа = Лекции по новой и новейшей истории Китая. Далянь, 1948. С. 19.
5. Ли Гоци. Чжунго цзайциды телу цзиньин = Управление железными дорогами Китая в конце XIX в. Тайбэй, 1961. С. 87; Ли Найъян. Эго тунши = История России. Сянган. 1956. С. 100, 104; Хуан Тунцю. Эго циньхуа шицы тоуши = Очерк истории русского империализма в Китае. Сянган. 1953. С. 48—51; Шэн Шаньвэнь. Чжун-Су гуаньси цзяньши = Краткая история китайско-советских отношений. Сянган. 1951. С. 1—4; У Сянсян. Эди цинлюе Чжунго ши = История агрессии русского империализма в Китае. Тайбэй, 1973.
6. Хуан Тунцю. Эго цинь Хуа... С. 84; Романова Г.Н. Россия и Китай: проблема КВЖД: Концепции отечественной и китайской историографии 1917—1920 гг. // Россия и АТР. г. Владивосток, 2000. № 2. С. 86.
7. Цзян Цзэши (Чан Кайши). Су Э цзай Чжунго = Советская Россия в Китае. Тайбэй, 1957. С. 13.
8. Хуан Тунцю. Эго цинь Хуа. Указ. соч. С. 84; Цзян Цзэши (Чан Кайши). Су Э цзай. Указ. соч. С. 13—15.
9. Пэн Мин. Чжунго цзиньдай цзяньши = Краткий очерк новой истории Китая). Тянь-цзинь, 1950; Ху Шэн. Агрессия империалистических держав в Китае. М., 1951; Цинь Бэньли. История экономической агрессии американского империализма в Китае. М., 1951; Цянь Иши. Чжунго цзэммоян цзяндао баньчжиминьди = Как Китай стал полуколониальной страной. Пекин, 1951; Фань Вэньлань. Новая история Китая. Т. 1. 1840—1901. М., 1955.
10. Вэй Цычу. Капиталовложения империалистов в Китае (1902—1945). М., 1956; У Чэнмин. Капиталовложения империалистов в старом Китае. Пекин, 1955; Романова Г.Н. Китайская историография об экономических отношениях России и Китая на Дальнем Востоке второй половины XIX — начала XX в. // Вопросы истории Дальнего Востока России дооктябрьского периода в историографии и источниковедении. Владивосток, 2002. Вып. 2. С. 131—146.

11. Кун Цзинвэй. Чжунго цзинцзи шишанды цзигэ вэньги = Некоторые вопросы по истории экономики Китая. Шанхай, 1957; Пэн Юйсинь. Циндай гуаньшуй чжиду = Система таможенных пошлин в период правления династии Цин. XVII—XX вв. Ухань, 1956.
12. Лю Данянь. Чжунго цзиньдай ши чжу вэньги = Новая и новейшая история Китая: сб. статей. Пекин, 1965.
13. Гу Юнь Чжунго цзиньдай ши шанды бупиндэн тяюе = Неравноправные договоры в новой истории Китая. Пекин, 1973. С. 61—66.
14. Дин Миннань и др. Дигочжуи цинхуа ши = История империалистической агрессии в Китае. Пекин, 1958, 1973.
15. Ша Э цинь Хуа ши = История агрессии царской России в Китае. Шанхай, 1975; Ша Э цинь Хуа ши цзяньбянь = Краткая история агрессии царской России в Китае. Чанчунь, 1976.
16. Жи-э чжаньчжэн цзяньши = Краткая история русско-японской войны. Пекин, 1977.
17. Ши Цзянь. Шахуан Эгоды хай шан кочжан = Морская экспансия царской России в Китае. Пекин, 1977.
18. Ми Цинюй. Позиция царской России во время китайско-японской войны 1894—1895 гг. // Лиши яньцзю, 1979. №8. С.84—94; Тан Сы. Окончательный провал гегемонизма царской России на морях и океанах // Лиши яньцзю, 1975. № 1. Цзинь Шичжу. Цзекай Хуа Э даошэн иньханды нэйму = Разоблачить закулисную сторону деятельности Китайско-Русского банка. Лиши яньцзю. 1977. № 1. С. 100—102; Цун Пэйюань. Пин жи-э чжаньчжэн цянй Эгоды юаньдун чжэнцэ = Оценим дальневосточную политику России накануне русско-японской войны) // Шицзе лиши. Пекин, 1981. № 5. С. 41—49; Чжун Э. Лиши чжэнсян бучжун вайцю: гуаньюй Чжун-Э Нибичу тяюэ цзигэ вэньги (Подлинный облик истории невозможно исказить: о некоторых вопросах Нерчинского китайско-русского договора) // Лиши яньцзю. 1975, № 1. С. 99—113; Ши Канцзу. Цин лиши дили кань Хэйлунцзян лююй = Бассейн Амура с точки зрения исторической географии // Дили чжиши. 1974. № 2. С. 7—10; Юй Шэнью. Мэйхуа ша Э циньлюеды цяндао лилунь = Грабительская теория приукрашивания агрессии царской России // Шэхуэй кэсюе чжаньсянь. Чанчунь, 1979. № 1. С. 163—166.
19. Сюе Хун. Ша Э цзюеюй Сунхуацзян хансинцюаньды цзинго = К истории захвата царской Россией прав судоходства по реке Сунгари // Шэхуэй кэсюе чжаньсянь. Чанчунь, 1979. № 4. С. 182—189.
20. Чжунго цзиньдай цзинцзи ши = История экономики Китая в новое и новейшее время (1840—1949): в 2 т. Т. I. Пекин, 1979.
21. Юй Шэнью и др. Ша Э цинь Хуа ши = История агрессии царской России в Китае. Т. 1—2. Пекин, 1978.
22. Сулянь дунбу дицьюй кайфады хуэйгу юй фаван = Прошлое и будущее развития восточных районов СССР. 400-летие освоения Сибири / под ред. Сюй Цзинсюе. Чанчунь, 1988. С. 156—157; Циндай Дунбэй дицьюй цзинцзи ши = Экономическая история Северо—Восточного Китая в период династии Цин / под ред. Кун Цзинвэй. Харбин, 1990. С. 623—624, 652; Романова Г.Н. Основные концепции китайской историографии о российских инвестициях и предпринимательстве в экономике Северо-Восточного Китая (рубеж XIX—XX в.): материалы Двадцать восьмой науч. конф. «Общество и государство в Китае». Тез. и докл. М., 1998. Ч. 2. С. 367—374.
23. Го Юньшэнь. Шилунь чжун-э Хэйлунцзян дицьюйды маои = Китайско-российская торговля в районе Амура // Лунцзян шэхуэй кэсюе. Харбин, 1990. № 2. С. 53; Его же. Чжундун телу юй чжун-э цзинцзи маои гуаньси // Бэйфан вэньсюе. Харбин, 1991. № 2. С. 78—84.
24. Романова Г.Н. Экономические отношения России и Китая на Дальнем Востоке. XIX — начало XX в. М., 1987. С. 118—126.

25. Чжунсу цзинци мао ши = История китайско-советских торгово-экономических отношений / под ред. Мэн Сяньчжан. Харбин, 1992. С. 137—140, 170, 191.
26. Го Юньшэнь. Чжун-э чае мао ши = История китайско-российской чайной торговли. Харбин, 1995.
27. Инь Цзепин. Сиболия дуйвай цзинци лянсьи (Ранние внешнеэкономические связи Сибири). Харбин, 1998.
28. Хуан Динтянь. Чжун-Э цзинмао юй вэньхуа цзяолю = История торгово-экономических и культурных связей между Китаем и Россией. Харбин, 1999.
29. Хуан Динтянь. Дунбэй я гоцзи гуаньсьи ши = История международных отношений в Северо-Восточной Азии. Харбин, 1999. С. 201; Василенко Н.А. История российской эмиграции в освещении современной китайской историографии. Владивосток, 2003. С. 40.
30. Су Фэнлинь. Цзаоци Чжун-Э гуаньсьи ши янцзю = История ранних китайско-российских отношений. Харбин, 1999.
31. Сюэ Сяньтянь. Чжундун телу хулу цзюнь юй Дунбэй бяньцзын чжэнцзой = Охранные войска на КВЖД и политическая обстановка в приграничных районах Северо-Востока. Пекин, 1993. С. 9, 17—18, 216; Сон До Чжин. Китайские историки о проблеме КВЖД: материалы Двадцать седьмой науч. конф. «Общество и государство в Китае». М., 1996. С. 159—160; Василенко Н.А. История российской эмиграции. Указ. соч. С. 86.
32. Сюэ Сяньтяня и Луань Цзинхэ. История и современное состояние китайско-российских отношений. 2002 г. // Проблемы Дальнего Востока. 2002. № 5. С. 30—31, 36.
33. Чжан Тун. Няньшидай шоухуэй Чжундун телу буфан лицюань шикуан шулюе = Кратко об истории возвращения в 20-х годах части прав и привилегий на КВЖД // Хаэрбин ши чжи. 1984. № 1. С. 26—27.
34. Ли Цзягу. Шиюэ гэмин хоу чжунсу гуаньюй чжундун телу вэньтиды цзяошэ = Китайско-советские переговоры по вопросу КВЖД после Октябрьской революции // Цзиньдай ши янцзю. 1989. № 2. С. 227—228; Чжунго вайцзю ши = История внешней политики Китая. Хэнань, 1990. Т. 2. С. 89.
35. Сюэ Сяньтянь. Чжундун телу хулу цзюнь. Указ. соч. С. 188, 196, 200; Романова Г.Н. Россия и Китай: проблема КВЖД. Концепции отечественной и китайской историографии 1917—1920 гг. // Россия и АТР. Владивосток, 2000. № 2. С. 86.
36. Чжунго вайцзю ши. Указ. соч. С. 89; Сулянь юй Чжунго гэмин = Советский Союз и китайская революция. Пекин, 1994. С. 25—26; Сон До Чжин. Китайские историки о проблеме. Указ. соч. С. 161—162.
37. Сулянь юй чжунго. Указ. соч. С. 25—26, 27, 31; Сон До Чжин. Китайские историки о проблеме. Указ. соч. С. 162.
38. Ли Цзягу. Шиюэ гэмин хоу. Указ. соч. С. 231—232.
39. Сулянь юй чжунго. Указ. соч. С. 76—77.
40. Линь Цзюнь. Советская дипломатия и Китай в 20-е годы: По документам Архива МИД России // Новая и новейшая история. 1997. № 3. С. 46—57.
41. Линь Цзюнь. 1924 нянь чжунсу фуцзю шупин = О восстановлении китайско-советских отношений в 1924 г. // Шицзе лиши. 1990. № 1. С. 79; Галенович Ю.М. «Белые пятна» и «болевые точки» в истории советско-китайских отношений. Т. 1. От октября 1917 г. до октября 1949 г. М., 1992. С. 66—68.
42. Чжун-э цзинмао гуаньсьи = Китайско-российские торгово-экономические отношения. Пекин, 1999. С. 140.
43. Линь Цзюнь. Чжунсу гуаньсьи = Советско-китайские отношения. 1689—1989. Харбин, 1989. С. 143—152; Чжэн Юкуй, Чэн Линьсуань, Чжан Чуаньхун. Цзю Чжунгоды цзюань вэйюань хуэй. Шиши юй пинцзе = Комитет по ресурсам старого Китая (1932—1949). История и оценка. Шанхай, 1991. С. 146—151; Шэнь Чжихуа. Сулянь чубин Чжунго Дунбэй: мубяо хэ цзего = Ввод советских войск в Северо-Восточный Китай: цели и результаты // Лиши янцзю. 1994. № 5. С. 88—103.

**КОНЦЕПЦИЯ «СТРОИТЕЛЬСТВА  
НОВОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ДЕРЕВНИ» В КНР  
В ОФИЦИАЛЬНЫХ ДОКУМЕНТАХ И ТРУДАХ  
КИТАЙСКИХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ\***

*Г.П. Белоглазов,  
кандидат исторических наук*

В статье анализируется современная китайская историография «строительства новой деревни» в КНР, рассмотрены наиболее дискуссионные вопросы: определение цели программы «строительства новой социалистической деревни», методы, формы и выбор приоритетных направлений при её реализации, а также распределение финансовых потоков между городом и деревней. **Ключевые слова:** КНР, сельское хозяйство, китайская деревня, китайская историография, модернизация АПК КНР.

**THE CONCEPTION OF “THE BUILDING OF THE NEW COUNTRY”  
IN PRC IN CHINA HISTORIOGRAPHY**

*G. P. Beloglazov*

The paper analyzes modern china historiography of “the building of the new country” in PRC, reviews most discussed questions such as identification of “the building of the new socialist country” program goal, methods, forms and selection of the prime courses of its realization, distribution of financial flows between cities and countryside.

**Key words:** PRC, agriculture, china country, china historiography, PRC agro-industrial complex.

В последние годы вопросы развития агропромышленного комплекса Китая, оценка результатов и опыта аграрных преобразований, социальных изменений на селе постоянно находятся в сфере внимания китайских исследователей-аграрников, экономистов, политологов, учёных-обществоведов. Реформы, начатые со времени третьего Пленума ЦК КПК 11 созыва в декабре 1978 г., главным образом в экономической сфере, к началу XXI в. дали ощутимые результаты. Китай по показателю ВВП вышел на лидирующие позиции и ныне занимает второе место в мире. Значительные результаты были достигнуты и в агропромышленном комплексе, в котором задействован вплоть до настоящего времени основной людской потенциал страны. От состояния этой отрасли экономики во многом зависит социальная, да и политическая стабильность государства. Однако в начале XXI в., в аграрной отрасли стали проявляться кризисные явления системного характера. Сельское хозяйство и его социальная составляющая — крестьянство — исчерпали свои возможности, заложенные на первоначальном этапе реформ, когда

\* Статья подготовлена при поддержке гранта ДВО РАН, проект № 09-III-A-11-552 и гранта Отделения историко-филологических наук РАН, проект № 09-1-ОИФН-01.

была проведена декоммунизация деревни и стали использоваться индивидуальные и семейные формы ведения хозяйства, т.е. были заложены основы, хотя и ограниченные, рыночной экономики, что освободило хозяйственную инициативу сельчан и способствовало ограничению административного, государственного контроля над производством и сбытом аграрной продукции как внутри страны, так и с выходом её на мировые рынки.

В начале XXI в. сельскохозяйственная отрасль страны вступила в полосу стагнации. В деревне нарастала социальная напряжённость, чреватая угрозой политической стабильности китайского общества. Пришедшее к этому времени к руководству страной новое, относительно молодое, поколение руководителей, таких как председатель КНР Ху Цзиньтао и премьер Вэнь Цзябао, хорошо понимало сложившуюся ситуацию и приняло конкретные меры для стабилизации отрасли и её дальнейшего устойчивого развития.

В феврале 2006 г. ЦК КПК и Госсовет опубликовали «Некоторые соображения ЦК КПК и Госсовета ЦК КПК о продвижении строительства социалистической деревни нового типа».

В марте 2006 г. Премьер Госсовета Вэнь Цзябао выступил на 4-й сессии Всекитайского собрания народных представителей 10-го созыва с «Докладом о работе правительства», в котором он изложил программу «строительства новой социалистической деревни». В соответствии с основными положениями доклада суть официальной концепции или программы «строительства деревни» следующая.

Первый пункт программы предусматривает усиление роли государства по финансированию АПК страны, т.е. увеличение прямых ассигнований в аграрную сферу из государственного бюджета с тем, чтобы обеспечить постоянный прирост бюджетных вложений на поддержку агросектора и сформировать стабильный канал финансирования строительства новой социалистической деревни на долгую перспективу. Кроме того, увеличению финансовых вливаний в АПК должны способствовать отмена сельскохозяйственного налога, увеличение субсидий на закупку высококачественного зерна и семян и сельскохозяйственного оборудования, а также стимулирование зернопроизводящих уездов путём премирования. Финансовые вливания, по мнению разработчиков программы, должны ускорить научно-технический прогресс сельского хозяйства. Для этого необходимо усилить возможности научно-технических инноваций, ускорить трансформацию сельскохозяйственных научно-технических достижений, совершенствовать систему низового распространения агротехники и агротехнического сервиса, поощрять поступление новой техники в крестьянские дворы.

Второй пункт программы говорит о повышении капитализации социальной сферы деревни, которая включает, если следовать тексту документа, лишь две сферы: образование и медицинское обеспечение крестьян. В деревнях необходимо увеличить капиталовложения в обязательное образование, отменить плату за обучение в средних и начальных школах, внедрить программы бесплатного обязательного образования для сельского населения по

всей стране, поощрять трудоустройство студентов на селе. В развитии сферы медицинского обслуживания основное внимание должно уделяться решению проблемы медицинского обеспечения крестьян главным образом посредством поддержки сельской кооперативной системы медобслуживания и увеличения субсидий из центрального бюджета на сельскую медицину.

В третьем пункте программы «строительства новой деревни» в интерпретации Вэнь Цзябао предлагается усилить административный контроль со стороны государства. Для решения этой задачи необходимо провести комплексную реформу поселково-волостных органов власти, сформировать высокоэффективную систему сельского административного управления, сократить административную иерархию и усилить полномочия сельских органов власти. Кроме того, необходимы реформа системы финансового управления в уездах и волостях, создание института казённых финансов, которые должны быть направлены на совершенствование государственного и местного административного контроля в сфере финансирования АПК.

Четвёртый пункт программы сугубо идеологический. Как отмечается в документе, «...необходимо мобилизовать активность и творческую инициативу крестьян и продвигать строительство новой деревни, исходя из местных условий и сообразно своим возможностям, а также последовательно претворять в жизнь разработанные Центром политические установки о поддержке развития сельского хозяйства и увеличении доходов крестьян» [1].

Данные политические установки по «строительству новой социалистической деревни», изложенные в речи Вэнь Цзябао, были в последующие годы конкретизированы в ежегодных «Документах № 1 ЦК КПК по развитию сельского хозяйства», а также на 15-м Пленуме ЦК КПК в октябре 2008 г. Выдвинутые пленумом новые задачи и предложения по реформированию и развитию села в новых условиях изложены в итоговом документе «Решение ЦК КПК по некоторым важным вопросам продвижения реформ и развития на селе» [2]. Они также получили развитие и в последующих материалах КПК и правительства КНР по совершенствованию программы развития сельского хозяйства и строительства новой социалистической деревни.

Политическое и идеологическое обеспечение программа «строительства новой деревни» получила в партийной печати и средствах массовой информации. Вместе с тем официальные печатные органы и другие СМИ развернули широкую дискуссию и по социально-экономической составляющей программы модернизации АПК страны, особенно в области совершенствования механизма государственной поддержки сельского хозяйства и взаимосвязанных с ним отраслей. Предлагались серьёзные направления решения проблемы реформирования отрасли, которые можно свести к следующим основным пунктам.

1. Для перевода экономики КНР на устойчиво интенсивный путь развития необходимо резкое увеличение внутреннего спроса, что невозможно без увеличения доходов крестьян до уровня городского населения. Для это-

го следует усилить права собственности крестьян на землю, ускорить перевод сельского населения на работу в неаграрные отрасли народного хозяйства. Главной задачей государственного регулирования по этим направлениям должно стать создание условий для привлечения негосударственного капитала и возможностей для развития частной инициативы.

2. Необходимо повысить государственную поддержку аграрного производства, особенно зернового, для перевода его на рельсы современного высокоинтенсивного выращивания культур и животных с использованием всех достижений мировой науки. Основным хозяйственным звеном в сельскохозяйственном производстве должны стать крестьянские дворы, достигшие эффективных размеров и объёмов производства.

3. Необходимо усилить социальную направленность аграрной политики КНР. Избавить жителей сельских районов от дискриминации в предоставлении общественных товаров по сравнению с горожанами. Нужно создать для крестьян большую доступность к системам образования, здравоохранения, социального обеспечения.

Реализация указанных рекомендаций и предложений, по мнению авторов предлагаемых путей решения модернизации сельскохозяйственной сферы, позволит обеспечить устойчивое развитие сельского хозяйства Китая по пути интенсивного экономического роста.

Не осталась в стороне и научная общественность. К дискуссии активно подключились представители китайской академической и общевузовой науки, вплоть до учёных-философов, собственно специалисты-аграрники и др. Китайские исследователи стремились подвести научную базу под программой (концепцией) «строительства новой деревни». Наибольшую дискуссию в научных кругах вызвало как само определение цели — «строительство новой социалистической деревни», так и методы и формы реализации данной концепции.

По мнению ректора Института общественного управления Северо-западного университета профессора Си Хэна, главная цель создания новой деревни слишком абстрактна. В процессе реализации на практике концепции строительства новой деревни её нужно разделить на несколько векторов. Тогда абстрактная цель превратится в конкретную, появится возможность в соответствии с показателями трудовой деятельности определить курс строительства новой деревни и сделать научные оценки результатов её построения. Си Хэн считает, что создание новой деревни — это способ завершения работы любого из субъектов, участвующих в этой деятельности — правительства, организаций и крестьян. Поэтому все три участвующих субъекта должны на основе сотрудничества, развития собственных преимуществ и определённого разделения труда принять общее участие в строительстве новой социалистической деревни. Для реализации этой концепции заинтересованные стороны должны использовать принцип взаимодополняемости города и деревни, принципы «взгляда вперёд» и дифференциации для того, чтобы абстрактную цель превратить в конкретную,

отражающую деятельность показатели и чтобы построить новую деревню правопримемлемыми, научными методами [3, с. 112].

Основным реализатором и бенефициантом создания новой социалистической деревни является крестьянство, которое также выступает активным участником процесса и гарантом результатов. Конечная цель строительства новой деревни — совершенствование аграрного производства и улучшение условий жизни, рост благосостояния крестьянства, требующие не только правительственных инвестиций, подъёма сельской индустрии, но и повышения собственного потенциала крестьянства, расширение рыночных методов хозяйствования. Полностью соглашаясь с тем, что именно крестьянам предстоит реализовать на практике основные положения строительства новой деревни, Си Хэн акцентирует внимание на том, что в настоящее время их уровень в целом очень низок, не говоря уже о знаниях, технологиях, способности к управлению экономикой, а знание идеологической концепции практически не совпадает с условиями создания новой деревни. Поэтому необходима «интеллектуализация крестьянства», чтобы в процессе создания новой деревни опереться на «перевоспитанный» народ. Расширение профессиональных знаний, культуры, некоторых технологий управления и планирования хозяйственной деятельности, распространение идеологических концепций, раскрепощение новых крестьян представляются первоочередными задачами, т.к. только «новые» крестьяне смогут целиком воплотить в жизнь планы и по-настоящему стимулировать создание новой деревни [3, с. 114].

С точки зрения политолога Вэнь Тецзюня, в политике построения новой деревни и распределения ответственности между правительством и крестьянством основная роль должна принадлежать государству [4]. Подобной точки зрения придерживаются и исследователи Лань Гуанси и Не Айюань, которые в статье «Строительство новой социалистической деревни с точки зрения правительственной ответственности» отмечают, что «крестьянство является субъектом строительства новой деревни в нашей стране, но правительство должно взять на себя ответственность, чтобы изменить нынешний огромный разрыв между городом и деревней, предоставляя деревне общественную продукцию и услуги» [5, с. 13]. Они считают, что именно государство в лице правительства, является представителем общественной власти, занимает позицию посредника, для всех членов общества предоставляет повсеместные, одинаково высококачественные общественные услуги, несёт ответственность, от которой не может отказаться. В соответствии с принципами современного демократического равенства и целями гармоничного социалистического общества, сельское и городское население обладают равными правами на предоставленные основные мероприятия и услуги. Однако в Китае из-за того что в течение долгого времени развивалась неравновесная модель преимущественного развития тяжёлой промышленности осуществлялась экономическая структура двух отдельных начал — города и деревни. Правительство путём изъятия излишков от сельского хозяйства поддержива-

ло накопление капитала в промышленности и создавало, в первую очередь, экономику города, а не деревни. Государство несло ответственность за городскую общественную продукцию, вопрос сельской продукции решался крестьянами самостоятельно, и, если отсталый облик деревни не изменить, то Китай не сможет построить гармоничное общество. Следовательно, в строительстве новой деревни необходимо усилить ответственность правительства, которому предстоит как можно быстрее разрушить систему, состоящую из двух начал — города и деревни, и предоставить крестьянам равные права на существование и развитие. Также необходимо в соответствии с современной обстановкой ускорить реформу системы перераспределения, наверстать упущенное, уменьшить экономический и культурный разрыв между городом и деревней, способствовать гармоничному развитию деревни. Это не только обязанность правительства, но также объективная потребность структуры гармоничного общества [5, с. 14].

Лань Гуанси и Не Айюань, указывая на важность финансовой ответственности государства перед деревней, подчёркивают, что изменение её облика только за счёт накоплений самого сельского хозяйства невозможно. Нельзя также опираться только на рыночное распределение ресурсов. Центральному правительству следует исходить из всестороннего строительства общества средней зажиточности и формирования гармоничного общества, увеличить правительственные капиталовложения в сельское хозяйство, деревню, крестьянство, что позволит им постепенно получить тепло «света солнечных лучей общественных финансов». Поэтому главным показателем в строительстве новой деревни является предоставление капиталов центральным правительством [5, с. 15].

Ссылаясь на указания Вэнь Цзябао, Лань Гуанси и Не Айюань говорят о необходимости реформирования административной системы, уменьшения административной иерархии, усиления полномочий сельских органов власти. «В настоящее время правительство страны разделило администрацию на 5 уровней, от центрального до местного. Уровни администрации очень сложные, не только государство несёт серьёзную финансовую ответственность, но и легко происходит перекладывание ответственности. Чтобы ещё лучше осуществить меры по продвижению ответственности правительства за строительство новой деревни следует реформировать административную систему, уменьшить количество административных уровней» [5, с. 16].

Известный политолог Сунь Ян предлагает создавать на местах целевые финансовые фонды, которые должны вырабатывать механизм субсидирования сельскохозяйственной деятельности. Данный механизм следует направлять непосредственно на крестьянство, что, по его мнению, будет способствовать стимулированию средних и низших слоёв сельского населения к саморазвитию. Как утверждает Сунь Ян, «это даёт возможность, не распределяя средства на каждого человека поровну и не передавая его годовым предприятиям, как это делают некоторые местные правительства,

а оказывать материальную поддержку способным вести за собой развитие и отстаивающим демократическое управление кооперативным крестьянскими организациям» [6, с. 359].

Не менее дискуссионным для китайских исследователей представляется вопрос о приоритетных направлениях при реализации программы «строительства новой социалистической деревни» и распределения финансовых потоков между городом и деревней. Так, китайские экономисты Чжао Фуцзюнь и Лю Юань прямо заявляют о том, что модернизация сельского хозяйства не может осуществляться без финансовой и материальной поддержки государства, и, если не будет выделено достаточно средств на поддержку села, то строительство новой социалистической деревни дальше разговоров не пойдёт. Ссылаясь на опыт других развитых стран, прошедших процесс модернизации агросферы, авторы полагают, что, в первую очередь, необходимо прояснить взаимосвязь развития городов и посёлков со строительством новой деревни и точно определить положение с их финансированием. Осуществляя рациональные преобразования бюджетной системы, следует сделать так, чтобы строительство новой деревни и развитие городов и посёлков дополняли друг друга, т.к. «...если сравнить развитие системы социальных гарантий китайской деревни с городским, то можно сказать, что они отличаются как «небо и земля».

Кроме того, они предлагают направить финансовые потоки не только на финансирование системы образования и медицинского обслуживания сельчан, но и дифференцировать эти потоки, включить и другие социально значимые сферы, например, социальное обеспечение. В процессе значительной миграции крестьян в города функционирование традиционной системы земельных гарантий уже не может работать эффективно, следовательно, для решения таких вопросов, как пенсионное содержание, безработица, трудоустройство безземельных крестьян, система гарантий поддержки пожилых людей в деревне требуется внимание со стороны государства, его финансового обеспечения [7, с. 19]. Помимо этого, как отмечает китайский исследователь Хань Цзюнь, необходимо совершенствовать и финансировать такие аспекты системы социального страхования как страхование пожилых людей, медицинское страхование, страхование от потери работы, страхование производственных травм и тому подобное [8].

В работе Ван Цзинсиня «История, настоящее и будущее в строительстве волостей и деревень» акцентируется внимание на том, что в политике создания новой деревни главным является создание здоровой системы равного распределения финансов и частных инвестиций. По его мнению, это — два основных правила взаимодополняемого механизма, приносящего прибыль, как государству, так и крестьянам [9].

Подобной точки зрения придерживается и политолог Сунь Ян, утверждая, что финансовое бремя по поддержке крестьянства и сельского производства должны нести не только бюджет государства, но и капитал местных предпринимателей и ресурсы сельской элиты [7, с. 356].

Широко дискусируются в научных кругах проблемы взаимоотношения «город — деревня» и социального неравенства как внутри сельского сообщества, так и между городским и сельским населением. По этому поводу Сунь Ян замечает, что к такой важной проблеме как социальное неравенство, должно быть обращено очень пристальное внимание. Он считает, что роль государства в данном случае состоит в поощрении выбора привилегированными слоями пути саморазвития, который в то же время приведёт к повышению благосостояния малоимущих. Земельное устройство является одним из видов социального устройства страны и в соответствии с моральными принципами предполагает не только осуществление юридического регулирования прав собственности на землю, но и отражение интересов соответствующих структур власти и сложившихся социально-экономических и правовых отношений, а также поддержку крестьян в их правах на земельную собственность [7, с. 345].

По мнению учёных-аграрников Ся Линяня и Цзоу Фэна, в нынешней ситуации основным направлением в развитии сельскохозяйственного производства является расширение системы обращения земли. Однако отношение крестьян к реакции рынка на предоставление им права собственности на землю по мере развития территорий, экономического уровня, аграрного производства в регионах будет неодинаково. В некоторых районах проявится тенденция к централизации земли, в других крестьяне-собственники будут упорно держаться за кусок земли, одновременно изыскивая способы трудоустройства в несельскохозяйственной сфере. В нынешней действительности накопления крестьян для капиталовложений в землю ограничены и увеличение их уровня не наблюдается. Ся Линянь и Цзоу Фэн убеждены, что система прав собственности по отношению к земле, сельскому хозяйству, деревне вполне возможна и не является величайшим злом, но в то же время и не является панацеей [10].

Социолог Хэ Сюэфэнь считает, что Китай — одно из государств поздней модернизации. Однако в современном мире общее количество ресурсов ограничено, и огромное население китайской деревни не сможет в короткие сроки и в значительном количестве успешно переехать в города и быстро там адаптироваться, приобщаясь к современным материальным и духовным благам. Тем не менее, в процессе реализации программы «строительства новой деревни» необходимо обеспечить свободное перемещение крестьян между городом и деревней, что станет инструментом социальной стабильности и резервом для модернизации страны. Ядром в строительстве новой деревни представляется культурное переустройство села, которое позволит повысить духовную жизнь сельчан, восстановить ценности крестьянского быта. Создавая ассоциации молодых и пожилых людей деревни, разворачивая коллективную культурную, другие формы деятельности, используя и просвещение, необходимо одновременно укреплять общественные связи не только между различными социальными слоями деревни, но и между городом и селом. Таким образом, крестьяне получают опыт социального общения и восстановят

утраченные традиционные духовные ценности, в результате чего будут достигнуты, по словам Хэ Сюэфэна, «низкие расходы и высокое благосостояние». Он и ряд других исследователей акцентируют внимание на том, что при строительстве новой деревни её экономическая составляющая не должна доминировать, напротив, следует уделить внимание и усилить в материальном и финансовом отношении социальное и культурное строительство на селе. С их точки зрения это не временное действие, а стратегический курс в укреплении самосознания и развития современной китайской культуры, а также возможность выхода на мировое культурное и гуманитарное пространство [11, с. 21].

С точкой зрения Хэ Сюэфэня солидарен китайский культуролог Шэнь Дуаньфэн, который также считает, что в строительстве новой деревни необходимо усилить культурное строительство. Коллективистская культурная деятельность в деревне должна иметь ценность для сельских жителей и будет поддержкой этики деревни и повышения уровня духовности сельчан. Отсюда главное в строительстве новой деревни — возрождение традиционных этических норм и последующее воссоздание на их основе коллективной культурной жизни деревни, поддержка родовой и религиозной этики. Шэнь Дуаньшэн заключает: «На фоне двухуровневой организации деревни и слабom профессиональном обслуживании отделами культуры низового уровня, роль государства в вопросах идеологического и финансового обеспечения общественной культурной деятельности в деревни в настоящее время имеет прорывное практическое значение» [11, с. 21].

В целом китайские исследователи не сомневаются в необходимости и важности усиления государственного регулирования этой отрасли экономики и социальными процессами непосредственно в сельском обществе. Расхождения у исследователей, как правило, касаются частных вопросов реализации программы и выбора приоритетов направлений, а также необходимости расширения (или сужения) круга направлений, по которым должна сосредоточиться регулирующая роль государства и куда должны быть направлены дополнительные финансовые ресурсы.

Предпринятые китайским руководством меры по модернизации АПК и стабилизации социальной обстановки на селе, изложенные в программе «строительства новой социалистической деревни», оказались своевременными и позволили стране пройти финансово-экономический кризис 2008—2009 гг. без особых экономических и социальных потрясений и заложили основы дальнейшего эволюционного развития отрасли на новой технической, технологической и, можно сказать, инновационной основах. Хотя нерешённые проблемы системного характера, связанные, в первую очередь, с правом собственности на землю, её использованием, свободной куплей-продажей и другими вопросами правового и политического характера, будут возникать ещё не раз, но их решение уже связано с общей проблемой модернизации экономического и, главным образом, политического устройства и развития китайского государства и общества в целом.

## СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Жэньминь жибао. 2008. 12 окт.
2. Чжунгунчжуньян гуаньюй туйцзинь нунцунь гайгэ фачжань жогань чжунда вэньтидэ цзюэдин = Решение ЦК КПК по некоторым важным вопросам продвижения реформ и развития на селе. Пекин: Жэньминь чубаньшэ, 2008. 42 с.
3. Си Хэн, Чжан Сяонин. Синьнунцунь цзяньшэдэ чжути, чжибяо цзи шисянь луцзин. Цзюй хэцэ шоуидэ фэнси куанцзя = Субъекты, показатели и пути строительства новой деревни // Цзянхай сюэкань. 2007. № 3. С. 112—116.
4. Вэнь Тецзюнь. Жухэ цзяньшэ синьнунцунь = Как построить новую деревню // Чжунго шэхуй даокань = Общественное управление в Китае. 2006. № 13.
5. Лань Гуанси, Не Айюнь. Шэхуй чжуи синь нунцунь цзяньшэ шицзю ся дэ чжэнфу цзэжэнь = Обязательства правительства в процессе строительства новой социалистической деревни // Нунье цзинцзи даокань. 2007. № 9. С. 13—16.
6. Сунь Ян. Чжэнчжисюе шиэ чжунды чжунго туди чжиду гайгэ = Аграрная реформа в Китае с точки зрения политологии // Шэхуйчжуи синьнунь цзяньшэды лилунь юй шисянь = Теория и практика строительства новой социалистической деревни / гл. редакторы Пань Вэй, Хэ Сюэфэн. Пекин: Чжунго цзинцзи чубаньшэ, 2006. С. 344—360.
7. Чжао Фуцзюнь, Лю Юань. Синь нунцунь шидай дуй чэнчжэнь цайчжэн дэ сыкао — цун чэнчжэньхуа юй синь нунцунь дэ гуаньси танци = Городские и сельские финансы в период новой деревни в контексте взаимосвязи процессов урбанизации и строительства новой деревни // Нунье цзинцзи даокань = Журнал сельскохозяйственной экономики. 2007. № 9. С. 17—19.
8. Хань Цзюнь. Цзянли хэ ваньшань шэхуйчжуи синьнунцуньдэ тоужу баочжан цзичжи = Создание и усовершенствование механизма гарантий строительства новой социалистической деревни // Хунгуань цзинцзи яньцзю = Макроэкономические исследования. 2006. № 3.
9. Ван Цзинсинь. Сянцунь цзяньшэдэ лиши лэйсин, сяньши моши хэ молань фачжань = История, настоящее и будущее в строительстве волостей и деревень // Чжунго нунцунь гуаньча = Сельскохозяйственное обозрение Китая. 2006. № 3.
10. Ся Линянь, Цзоу Фэн. Гуаньюй нунминь шоужу хэ нунье тоуцзы сянгуансиндэ цзидянь жэньчжи = Осознание зависимости между доходами крестьян и уровнем капиталовложений в сельское хозяйство // Хуанань нунье дасюэ сюэбао = Научный журнал Южно-китайского аграрного университета. 2008. № 1.
11. Шэнь Дуаньфэн. Синь нунье цзяньшэ лилунь чжи воцзянь = Мой взгляд на теорию строительства новой деревни // Нунье цинцзи даокань. 2007. № 9. С. 20—23.

## СИСТЕМА ХУКОУ В КИТАЙСКОЙ И АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ РУБЕЖА XX—XXI вв.

*Г. В. Кондратенко*

В статье рассматриваются взгляды современных китайских и англоязычных авторов на проблему системы хукоу. В работах китайских авторов она излагается в контексте целого комплекса социальных и экономических факторов и оценивается просто как регулятор миграции. Для англоязычных авторов характерна более острая оценка ситуации, они делают акцент на устаревшем механизме миграции и обсуждают негативное влияние хукоу на развитие Китая.

**Ключевые слова:** система хукоу, миграция из деревни в город, урбанизация, мигранты с сельской пропиской, временная миграция.

## «HUKOU» SYSTEM IN CHINESE AND ENGLISH-SPEAKING HISORIOGRAPHY ON THE XX—XXI CENTURES LINE

*G. V. Kondratenko*

The paper reviews opinions of modern chinese and english-speaking social scientists on hukhou problem. Chinese writers look on hukhou problem through the complex of social and economic factors and evaluate hukhou system just as a migration regulator. English-speaking authors take more critical estimation, they mark outdated migration mechanism and evaluate the negative effect on China development.

**Key words:** hukhou system, migration from the country, urbanisation, temporary migration.

Китайская система регистрации по месту жительства или прописки (籍 *hujī* или 户口 *hukou*) оказывает значительное влияние на многие аспекты жизни населения КНР. Сущность этой системы состоит в том, что она фактически делит народы на две группы в зависимости от их гражданского состояния. В её рамках с сельскими жителями обращаются как с неполноценными людьми — они не имеют права селиться в городах и лишены большинства государственных услуг и прав, которыми пользуются горожане, начиная от таких, как например, возможность купить специальный автобусный билет на дешёвые или бесплатные поездки и до более важных преимуществ, таких как возможность отдать своих детей в государственные школы в городах, где работают сами.

В 80-х гг. XX в. китайская исследовательская традиция, касающаяся этой проблемы, рассматривает систему хукоу в следующих аспектах: 1) миграция из деревни в город и переселение из городов в деревни — внутренняя миграция; 2) урбанизация; 3) обезземеливание крестьян; 4) структура доходов крестьян и горожан и увеличивающийся разрыв в уровне жизни между городом и деревней.

Система прописки является одним из институтов плановой экономики, и с введением новых экономических механизмов и рыночных институтов хукоу стала тормозом дальнейших реформ. Этот инструмент регулирования миграционных процессов между городом и деревней утратил свою роль уже в начале 80-х гг., когда возникла потребность в рабочих руках в городах и создаваемых свободных экономических зонах. Тогда стало ясно, что система прописки становится серьёзным фактором в возникновении территориальной и структурной (групповой) диспропорции населения. В 90-е гг. эта проблема так обострилась, что правительство вынуждено было разрабатывать механизм разрешения этой ситуации. Именно в это время появились работы китайских авторов о сущности системы прописки, о тех проблемах, которые она порождает, с предложениями механизма её реформирования.

Сложность анализа системы прописки состоит в том, что исследование этого феномена затрагивает целый комплекс экономических, социальных и политических проблем. И если политический аспект (при сохранении системы прописки результатом станет социальная нестабильность, а при полном отказе — формирование армии безработных, которые могут стать орудием в руках оппозиции) китайскими авторами практически не затрагивается, то социально-экономический аспект обсуждается с нового ракурса и с помощью новых подходов. Среди самых обсуждаемых наиболее актуальными являются проблемы:

- 1) урбанизация и рост населения городов;
- 2) ликвидация разрыва в уровне жизни между деревней и городом, восточными и центральными регионами страны;
- 3) появление второго поколения рабочих-мигрантов с сельской пропиской, так называемого «поколения без корней»;
- 4) появление так называемых «домовладельцев-гвоздей», крестьян, которые не желают покидать свою землю за деньги и которых иногда выселяют с применением силы;
- 5) появление так называемой «контейнерной нации» — на окраинах крупных городах появляются трущобы, в которых живут мигранты и их семьи;
- 6) вовлечение мигрантов в систему социального обеспечения — предоставления социальных гарантий мигрантам и их детям.

Среди наиболее интересных подробных и объективных работ китайских исследователей, посвящённых системе хукоу, можно выделить следующие: статью Лу Илуна «Роль системы хукоу в процессах миграции и стратификации» [1], электронную публикацию Ван Хайгуаня «Исследования реформы системы хукоу в процессе урбанизации» [2], монографию Лу Илуна «Система хукоу: контроль и социальные различия», вышедшую в 2003 г. [3], и монографию Чжан Лэя «Реформирование современной системы прописки в Китае».

В монографии «Реформирование современной системы прописки в Китае», вышедшей в 2009 г., автор подробно рассказывает о сущности, роли, функциях системы прописки, рассматривает её влияние на экономику,

социальное развитие и политическую стабильность в стране. Чжан Лэй анализирует цели и механизмы реформы, а также методы и возможные результаты [4]. Можно сказать, что данная работа является первым комплексным аналитическим исследованием системы хукоу в Китае, сделанным китайским автором, живущим в КНР.

Ещё один пласт работ, посвящённых системе хукоу и её реформе, — это опубликованные в центральных журналах доклады. Авторы, которые в основном работают в авторитетных исследовательских институтах при Госсовете КНР, в своих докладах разрабатывают «механизмы вовлечения» мигрантов с помощью законодательства и создания для них системы социальных гарантий.

Исследователи, работающие в правительственных научных центрах, предлагают комплексное решение проблем. Так, например, Чжан Цычжун, сотрудник Центра развития при Госсовете КНР, в опубликованном докладе «Улучшение 4-урвневой системы для переселяющихся в города сельских мигрантов» [5] пытается доказать, что система интеграции сельских мигрантов должна проходить на четырёх уровнях — занятость, обеспечение жильём, этническая и социальная интеграции. Но автор не говорит об отмене сельскохозяйственной прописки, что не позволяет уточнить и механизм интеграции сельских жителей в условиях города.

Очень необычен доклад Чжу Линя, посвящённый состоянию здоровья мигрантов в городах. Автор на основе статистики занятости сельских мигрантов на грязных и вредных работах проводит социологические опросы о состоянии здоровья этих людей и приходит к неутешительным выводам: многие из них имеют хронические заболевания. Чжу Линь призывает оградить второе поколение мигрантов с сельской пропиской от опасных работ, анализируя возможности их трудоустройства в более безопасных сферах занятости [6].

Экономист Сю Юйцай из Фошаньского университета предлагает свою модель решения проблемы неравномерного развития деревни и города. В обстоятельной и обоснованной статье «Стратегия и планы по перемещению излишков рабочей силы из деревни» [7] автор предлагает «модель направленных изменений», которая предусматривает изменение общекитайской бюджетной и налоговой политики, введение частной собственности на землю и системы социальной ответственности бизнеса. Кроме того, Сю Юйцай даёт конкретные рекомендации по постепенному отказу от системы сельской прописки (замена на единую прописку) и созданию системы полной занятости.

Один из работающих механизмов, который в какой-то степени способствовал изменению статуса сельских мигрантов, был нунчжуанфэй — возможность смены места жительства с правом получения регистрации на новом месте. Принципы нунчжуанфэй и причины его отмены подробно рассмотрены в работе Ли Цзянина «Особенности и зависимость способов миграции от системы прописки» [8].

С 1990-х гг. в Китае постепенно начинают осуществляться различные программы по передаче административных и налоговых полномочий на более низкие уровни управления. Эта тенденция включает и изменения в управлении системой хукоу. Местные органы власти осуществляют значительный контроль за уровнем миграции с изменением хукоу и перемещением людей без изменения хукоу в соответствии с их административной юрисдикцией, особенно с конца 1990-х гг. Поэтому нунчжуанфэй был упразднён и местные власти вынуждены самостоятельно работать с сельскими мигрантами и выработать новые программы взаимодействия.

В связи с созданием системы социального обеспечения для мигрантов и оформлением её законодательных рамок, на уровне провинций стали разрабатываться законодательные инициативы, связанные с обеспечением занятости и условиями труда сельских мигрантов. Исследования авторов, работающих в провинциальных учреждениях, обращают на себя особое внимание, так как подробно анализируют законодательные инициативы и дают на основе статистических данных некоторые прогнозы эффективности реализуемых мер.

В статье харбинской исследовательницы Шэн Синь «Исследования социальной политики в отношении рабочих-мигрантов в провинции Хэйлунцзян» подробно рассматриваются нормативные документы, регламентирующие приём на работу, выплату зарплат и социальные гарантии сельских мигрантов: «Правила управления рынком рабочей силы в пров. Хэйлунцзян», «Правила управления занятостью сельских мигрантов в пров. Хэйлунцзян», «Регламент обеспечения прав мигрантов при выплате зарплат», «Виды миграции рабочей силы в пров. Хэйлунцзян» [9]. Автор делает вывод, что вся законодательная база разработана и принята в очень короткие сроки (с 2004 по 2006 г.) и за этот период постоянно пересматривалась и редактировалась, что говорит о повышенном внимании, уделяемом проблеме вовлечения сельских мигрантов в экономику провинции. Уникальна работа Ху Сяоцзяна, посвящённая особенностям системы хукоу в Тибете [10]. Хотя опубликована она на английском языке, но написана китайским исследователем и сохраняет весь методологический и смысловой аппарат, свойственный китайской исследовательской традиции.

Рассматривая эти работы, можно выявить некоторые специфические черты локальных исследований: во-первых, богатый статистический материал, который даёт возможность сделать конкретный и объективный анализ; во-вторых, анализ содержания местных законодательных актов, который позволяет выявить специфику подхода к решению проблемы сельских мигрантов в разных условиях — в сельскохозяйственных и урбанизированных провинциях, перенаселённых и малозаселённых уездах.

В 2010 г. появился ряд интересных работ, в которых обсуждается парадоксальный для Китая вопрос — достигла ли экономика страны так называемой «поворотной точки Льюиса»? Согласно мнению экономиста Артура Льюиса, автора новаторской работы в области изучения развивающихся экономик [11],

экономика большинства стран с формирующимся рынком состоит из двух секторов: высокопроизводительного и динамичного городского и относительно непроизводительного и застойного сельского. Предельный продукт труда в сельских районах является довольно низким по сравнению с предельным продуктом труда в городском секторе. Этот дифференциал производительности даёт импульс к масштабной трудовой миграции из сельского сектора в городской. Однако на некотором этапе уровень заработной платы в сельских секторах станет достаточно высоким для того, чтобы миграция работников прекратилась, достигнув так называемой «поворотной точки Льюиса».

Переменными для оценки того, достигла ли экономика этой точки, являются потенциальное предложение рабочей силы и дифференциалы заработной платы между городским и сельским секторами. Повышение заработной платы и временно возникающий дефицит рабочей силы, наблюдаемые сегодня в Китае, представляют собой необходимые условия существования поворотной «точки Льюиса». Ускоренное повышение заработной платы в прибрежных районах Китая в сочетании с отсутствием многих работников-мигрантов, которые не поехали обратно в крупные прибрежные центры обрабатывающей промышленности после возвращения домой во время глобального экономического кризиса, создаёт видимость того, что китайский рынок труда достиг этой поворотной точки.

Мнения китайских учёных разделились — некоторые, например, экономист Лю Чжи (аналитик фондовой компании «Чжунцзяньтоу» в области макростратегии) полагает, что «в период с 2006 по 2010 г. Китай незаметно перешёл «точку Льюиса». Другой эксперт (консультант в области рисков консалтинговой деятельности) Ван Цзинья считает, что «точка Льюиса» пока не наступила и выдвигает три аргумента: во-первых, во многих сельских районах всё ещё существует избыточная рабочая сила; во-вторых, дефицит рабочих мигрантов носит сезонный характер, потому что мигранты не полностью расстаются с занятием сельским хозяйством; в-третьих, в Китае нет совершенного трудового законодательства и нет необходимого социального обеспечения рабочих-мигрантов с сельской пропиской.

Известный специалист по вопросам мировой экономики Цай Фан (директор НИИ населения и экономики труда АОН КНР) в своей статье «Нехватка рабочих-мигрантов: причины и политика вовлечения» [12] пишет о том, что Китай «вплотную подошёл к «точке Льюиса». Он указывает, что в стране этот поворот наметился с 2004 г., когда уже наблюдался дефицит рабочей силы. Основной причиной складывающейся ситуации является старение населения и «снижение темпов роста групп трудоспособного возраста». Автор также заявляет, что Китай постепенно лишается своего демографического преимущества: уменьшается ключевой ресурс страны — снижается рост населения. Данная мысль является лейтмотивом ещё нескольких работ этого исследователя: «Согласованность статистики Китая по вопросам занятости: факты и выводы для государственной политики» [13] и «Противоречивый анализ неограниченного избытка рабочей в сельских районах Китая» [14].

В последнее время выходит много работ, посвящённых проблемам миграции населения и системе хукоу. Но многие из них довольно расплывчато и пунктирно обозначают проблемы и зачастую не предлагают никаких решений. Кроме того, китайские исследователи чаще всего оперируют экономическими понятиями, работы написаны с помощью экономической методологии и не дают полной картины феномена прописки. Поэтому с точки зрения социологов и обществоведов англоязычная историография представляет большой выбор для всестороннего анализа феномена системы хукоу.

В англоязычной историографии система хукоу изначально исследовалась как самобытный феномен и как средство анализа комплекса социально-экономических и особенно политических проблем. В контексте решения проблем с пропиской рассматриваются вопросы коррупции местных администраций в Китае, рост преступности в городах и нерешительность центрального правительства КНР в вопросе отмены сельской прописки. Кроме того, в зарубежной историографии вопросы ставятся острее и конкретнее, эпитеты, которые используют, в частности, американские исследователи для описания этого явления, более резкие и негативные, а предлагаемые решения категоричнее и целенаправленнее. Ещё одной особенностью англоязычной историографии можно назвать её «мозаичность» — авторы подробно анализируют частные вопросы системы прописки, но из множества публикаций можно сложить довольно цельную картину всех системных проблем существования этого устаревшего института.

Много внимания авторы уделяют разработке и уточнению терминологии, связанной с феноменом хукоу. Например, в статье Кам Винг Чан и Вилл Бэкингам «Отмена системы хукоу в Китае» [15] не просто рассматриваются меры, разрабатываемые китайским правительством, но и подробно описываются виды хукоу, определяется разница между двумя ключевыми понятиями — миграция населения и перемещение населения. «В Китае только миграция со сменой прописки официально считается миграцией (迁移 — переселение, а переселенцами называют людей, меняющих прописку — 迁移户口). Все остальные перемещения населения без смены прописки обозначаются просто как 人口流动 (перемещение населения или «плавание», что означает низкий уровень постоянства на одном месте жительства)». А в работе Чэн Тецзюна и Марка Селдена «Происхождение и социальные следствия системы прописки в Китае» [16] вводится и анализируется термин «пространственная социальная иерархия», который очень ёмко и чётко характеризует социально-экономическое положение Китая при рассмотрении межрегиональных различий.

Кроме того, в англоязычной историографии много работ, которые описывают процесс реформирования системы хукоу. Например, в работе Вана Фэйлиня [17] на основе правительственного доклада и докладов Министерства общественной безопасности (МОБ) исследуется реформирование системы прописки с 1997 по 2002 г. В работе Кам Вингчана и Ли Чжанга [18]

рассматриваются реформы параллельно с анализом процесса усилением миграции из деревни в город. В докладе индийского исследователя Равни Такура реформы анализируются с позиции экономической географии — автор, говоря об отдельных регионах Китая, отмечает и особенности реформирования системы прописки на местах [19].

Также встречаются работы, которые посвящены конкретным вопросам, рассматриваемым через призму системы регистрации. Например, очень интересна работа Лей Гуана и Лу Чжэна о миграции населения из деревни — как лучший вариант для сельских жителей [20]. Эта точка зрения отличается от мнения китайских авторов, которые зачастую негласно осуждают и жалеют сельских мигрантов. Но ещё более поразительной является точка зрения Вильяма Кларка: сегодня при социальных и экономических исследованиях индивидуального поведения студентов из Китая обычно учитывается статус хукоу наряду с полом, возрастом и доходом как одна из основных экзогенных переменных, определяющих ограничения в их поведении [21].

Все рассмотренные работы китайских и англоязычных авторов, пишущих о системе регистрации как об институте, сдерживающем развитие КНР, делают разные выводы, которые можно объединить и сформулировать следующим образом — плюсы и минусы отмены системы хукоу. Отменив систему хукоу, Китай столкнётся с проблемами:

- 1) возрастания давления на систему занятости — в стране, где растёт нехватка опытных квалифицированных кадров, возможно введение дополнительного образования для мигрантов, что в итоге обострит конкуренцию на рынке труда в разы;
- 2) усиления деформации социальной инфраструктуры между городом и деревней — в городах увеличится потребность в школах, детских садах, больницах и жилье; при этом может встать вопрос о свёртывании строительства социальных объектов в деревнях;
- 3) роста уровня криминальной опасности в городах;
- 4) необходимости включения мигрантов в систему социального обеспечения, что увеличит давление на местные бюджеты и в целом на бюджет КНР и может привести к снижению индекса комплексной национальной мощи, который очень важен для Китая, так как он, в частности, определяет привлекательность страны для иностранных инвестиций и для размещения производства.

Но, с другой стороны, без отмены системы регистрации в Китае будет сохраняться диспропорция в развитии между городом и деревней, между центральными и восточными регионами страны и будет существовать феномен «гуйцзу» — «контейнерной нации» (маргиналы, живущие в контейнерах на окраинах больших городов и работающие за гроши — Г.К.). И этот феномен регулярно обсуждается на страницах зарубежных СМИ как факт нарушения прав человека в Китае и портит репутацию КНР как страны, развивающейся феноменально и эффективно.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лу Илунь «Роль системы хукоу в процессах миграции и стратификации» = Хуцзи чжиду юй шэхуй фэньцэн хэ людун // Чжунго шэхуй кэсюэ. 2008. № 1. С. 149—162.
2. Ван Хайгуань. «Исследования реформы системы хукоу в процессе урбанизации». URL: <http://www.21ccom.net/plus/view.php?aid=1092>
3. Ли Илунью Система хукоу: контроль и социальные различия = Хуцзи чжиду: кунчжи юй шэхуй чабе. Пекин: Шаньвуй шудянь, 2003. 197 с.
4. Чжан Лэй. Реформирование современной системы прописки в Китае = Дандай чжунго хуцзи чжиду гайгэ. Пекин: Чжунго жэньминь гуань дасюэ чубаньшэ, 2009. 234 с.
5. Чжан Цзычжун. Улучшение 4-уровневой системы для переселяющихся в города сельских мигрантов = Ваньшань сыцзи тиси, цзудинь нунминьгун шиминьхуа // Кайфан даобао. 2010. № 2 (149). С. 11—14.
6. Чжу Линь. Трудоустройство и состояние здоровья мигрантов, приезжающих из сельской местности = Нунцхун цяньи гунжэнь дэ лаодун шидянь хэ чжие цзянькан // Чжунго шэхуй кэсюэю. 2009. № 1. С. 133—149.
7. Сю Юйцай. Стратегия и планы по перемещению излишков рабочей силы из деревни = Нунцунь шэнью лаодунли чжуаньдэ сыкао юй дуйце // Кайфан даобао. 2010. № 2 (149). С. 15—19.
8. Ли Цзянинь. Особенности и зависимость способов миграции от системы прописки = Хуцзи чжиду цзай чжуаньгуй шици дэ теянь цзици луцзинь илай // Хунань шифэй дасюэ сюэбаою. 2005. № 6. С. 19—24.
9. Шэн Синь. Исследования социальной политики в отношении рабочих-мигрантов в провинции Хэйлунцзян = Хэйлунцзян шэн нунминьгун шэхуй чжэнцы яндзю // Бэйфан цзиньцзи хэ маои. 2010. № 5. С. 20—21.
10. Hu Xiaojiang, Salazar M. Ethnicity, rurality and status: hukou and the institutional and cultural determinants of social status in Tibet // The China Journal, No. 60, July 2008. P. 1—21.
11. Lewis A.W. Economic Development with Unlimited Supplies of Labour. — URL: [http://www.globelicsacademy.org/2008/2008\\_lectures/lewisunlimitedlaborsupply1954.pdf](http://www.globelicsacademy.org/2008/2008_lectures/lewisunlimitedlaborsupply1954.pdf)
12. Цай Фан. Нехватка рабочих-мигрантов: причины и политика вовлечения («Миньгунлю» сяньсянь: чэнинь цзи чжэнцэ хань фэньси) // Кайфан даобао. 2010. № 2 (149). С. 5—10.
13. Cai Fang. The consistency of China's Statistics on Employment: Stylized Facts and Implications for Public Policies // The Chinese Economy. 2004. Vol. 37, No. 5. P. 74—89.
14. Cai Fang. A Counterfactual Analysis on Unlimited Surplus Labor in Rural China. China & World Economy. 2008. Vol. 16. No. 1. P. 51—65.
15. Kam Wing Chan, Will Buckingham. Is China Abolishing th Hukou System? // The China Quarterly. 2008. Vol. 195. P. 582—606.
16. Cheng Tiejun, Selden M. The origins and social Consequences of China's Hukou System // The China Quarterly. 1994. Vol. 139 (Sept. 1994). P. 645—668.
17. Wang Fei-lin. Reformed Migration Control and New Targeted People: China's Hukou System in the 2000-s // The China Quarterly. 2002. Vol. 164. P. 115—132.
18. Kam Wing Chan and Li Zhang, The Hukou System and Rural—Urban Migration in China: Processes and Changes // The China Quarterly. 1999. No. 160 (December 1999). P. 18—55.
19. Thakur Ravi. China's Reform of the Domicile System (Hukou zhidu) // China Report. 2002. № 2. P. 299—306.
20. Lei Guang, Lu Zheng. Migration as the Second-best Option: Local Power and Off-farm Employment // The China Quarterly. 2005. Vol. 176. P. 21—45.
21. Youqin Huang, William Clark. Housing tenure choice in transitional urban China: multi-level analysis // Urban Studies. 2002. Vol. 39. No. 1. P. 7—32.

## IV. ГУМАНИТАРНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

---

УДК:323.1(511)(09)

### РЕАЛИЗАЦИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ КПК В СЕВЕРО-ВОСТОЧНЫХ ПРОВИНЦИЯХ КНР (1978—2009 гг.): ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОБЛЕМЫ\*

*И. В. Ставров,*  
кандидат исторических наук

В статье приведён обзор отечественной и зарубежной историографии проблемы реализации национальной политики КПК в Северо-Восточных провинциях КНР. Отмечается, что в российской и западной историографии вопросы национальной политики в Дунбэе редко становятся предметом изучения исследователей в связи с отсутствием в данном регионе проявлений этнического сепаратизма. Особенность китайской историографии состоит не в комплексном изучении вопроса, а в следовании линии партии. **Ключевые слова:** Северо-Восточный Китай, национальная политика, КПК, отечественная и зарубежная историография.

### THE REALIZATION OF CCP'S ETHNIC POLICY IN NORTH-EAST PROVINCES OF CHINA (1978—2009): HISTORIOGRAPHIC REVIEW

*I. V. Stavrov*

The article contents an overview of domestic and foreign historiography of CCP's policy towards ethnic minorities in North-Eastern provinces of China (Dongbei). It is noted that Russian and Western historiography not paid much attention to this matter in Dongbei because of absence of ethnic separatism there. Chinese historiography follows Communist Party line and thereby no have systematic and objective view of it.

**Key words:** North-East China, ethnic policy, CCP, Russian and Foreign historiography.

Национальная политика — неотъемлемая составляющая внутривнутриполитического курса полиэтнического государства. В КНР проживают 55 национальных меньшинств — неханьцев, составляющих 8,98% всего населения (более 100 млн. чел.). Расселены они в основном в приграничных территориях, крупнейшими из которых являются Синьцзян-Уйгурский автономный рай-

---

\* Работа выполнена при поддержке гранта ДВО РАН, проект № 11-III-B-11-241 и гранта Отделения историко-филологических наук РАН, проект № 09-1-ОИФН-01.

он, Тибет и Внутренняя Монголия. Власти Китая в отношении неханьцев предпринимают комплекс мер по улучшению их жизни, правового положения. В российской и зарубежной науке вопросам региональной реализации национальной политики в КНР посвящено немало трудов, однако северо-восточный регион Китая в данном отношении не пользуется большой популярностью. Исследователей в основном интересуют «проблемные» регионы, такие как Синьцзян и Тибет. Северо-восток страны населяют сравнительно малочисленные и разрозненно проживающие народы, такие как хэчжэ (нанайцы), эвенки, сибо, маньчжуры, корейцы и др. Они не представляют угрозы целостности КНР, поэтому редко становятся объектом изучения.

Для российского исследователя изучение народов Дунбэя важно в первую очередь в связи с тем, что Дальний Восток, Восточная Сибирь и Маньчжурия в этнокультурном плане представляют один регион. Целый ряд национальностей (хэчжэ, эвенки, ороконы) проживают по обеим сторонам границы. Поэтому их изучение может дать интересный материал для компаративистских исследований. В данной работе мы рассмотрим основные результаты отечественной, китайской и западной историографии по заявленной проблематике.

*Отечественная историография.* Специальных работ, посвящённых национальной политике КПК на Северо-Востоке КНР, в нашей стране немного. В исследованиях, затрагивающих общие вопросы межэтнических отношений в Китае, приводятся некоторые сведения о состоянии национального вопроса в регионе.

Изучение народов Северо-Восточного Китая отечественными учёными началось на рубеже XIX—XX вв. Первыми работами на эту тему стали опубликованные результаты этнографических экспедиций, путевые заметки российских исследователей, главным образом, профессоров и преподавателей владивостокского Восточного института. На страницах журнала «Вестник Маньчжурии» появлялись заметки, а порой и исследовательские статьи о различных аспектах жизни неханьских национальностей региона [1].

Одной из первых обобщающих работ, посвящённых этнографии народов Дунбэя, стал коллективный труд сотрудников Института этнографии АН СССР «Народы Восточной Азии» (М.; Л., 1965). В книге приводились сведения по этногенезу и этнической истории, материальной и духовной культуре этнических меньшинств Северо-Восточного Китая. Эта работа содержала некоторые сведения о результатах национальной политики КПК в рассматриваемом регионе. Отмечены изменения в укладе жизни неханьских народов, их образования и культуры после 1949 г.

Позднее в СССР и России выходили различного рода работы по этнографии народов Северо-Восточного Китая. К ним можно отнести историко-этнографические очерки и энциклопедии, а также научные статьи [2—6]. Но этнографическая составляющая данных исследований не затрагивает предмета нашей работы.

В сфере особого внимания отечественных учёных национальные проблемы Китая оказались в 1930-е гг. в связи с революционными событиями

в этой стране. Первой работой, полностью посвящённой анализу национальной ситуации, стало обстоятельное исследование Г.С. Кара-Мурзы «К постановке национального вопроса в Китае» [7]. В ней автор выделил несколько особенностей, характеризующих национальный состав страны. Во-первых, «чрезвычайное многообразие» крупных, средних и мелких этнических групп. Во-вторых, «Китай — государство с единым национальным центром», то есть основная часть ханьцев компактно проживает в центральном регионе страны, а неханьские национальности распределены по окраинам. В-третьих, наличие национальных меньшинств. Здесь Г.С. Кара-Мурза имел в виду, что малые народы проживают совместно с китайцами как в национальных районах, так и вне их границ [7, с. 58—61].

В рассматриваемой статье автор даёт обзор национальной ситуации в Китае начала XX в. Она характеризовалась тяжёлым положением национальных меньшинств, развитием ханьской колонизации в местах их проживания, включая Северо-Восток страны. Разделяя неханьские народы на революционные и реакционные, он считал, что первые должны создать собственное государство и тем самым избавиться от китайской эксплуатации [7, с. 51].

С образованием КНР в нашей стране активизировалась работа по изучению различных сторон жизни Китая. В контексте данного исследования необходимо рассмотреть основные оценки проводимой в КНР национальной политики.

В книге А.Г. Яковлева, вышедшей в 1959 г., даётся обзор мероприятий КПК по реализации районной национальной автономии, поднятию социально-экономического и культурного уровня неханьских национальностей. В качестве частных примеров приводятся некоторые данные по современному положению этнических меньшинств Дунбэя, таких как корейцы, монголы, сибо и др. А.Г. Яковлев высоко оценивал деятельность КПК в решении национального вопроса. В частности гарантией прав и свобод этнических меньшинств он считал сам характер социалистического государства, основанного на руководимом КПК союзе рабочего класса и крестьянства [8, с. 45—46]. Схожие оценки приводятся в работах К.Ф. Котова и Р.Х. Шарифутдинова, посвящённых функционированию национальной автономии в Синьцзяне [9—11].

К 1960-м гг. в советско-китайских отношениях стали накапливаться противоречия, вызванные различной реакцией двух стран на внутренние и международные процессы. Всё это вылилось в серьёзное идеологическое противостояние [12]. Данные обстоятельства сказались и на характере оценок национального вопроса. Если в 50-е гг. отношение советских учёных к институту районной национальной автономии было положительным и оценивалось как творческое применение марксизма в Китае [8, с. 3—4], то в период идеологической конфронтации оценки стали диаметрально противоположными. Например, в книге Т.Р. Рахимова заявлялось, что районная национальная автономия «...в действительности является лишь ширмой для прикрытия политики насильственной ассимиляции» [13, с. 67]. В своих работах он приводит примеры, характеризующие ситуацию в национальных районах

в период «культурной революции», и показывает особенности проводимого руководством страны курса на слияние национальностей, репрессий в отношении интеллигенции и кадровых работников из среды неханьцев. С точки зрения автора «национальная политика маоистов является антимарксистской, антисоциалистической» [14, с. 149]. К сожалению, идеологический заказ не позволил ему остановиться на положительных сторонах национального строительства в 1950-е гг. Отрицательное отношение к опыту национальной политики в КНР прослеживается и в других публикациях советских авторов 1960-х — 1970-х гг. [15—17].

Постепенный отход от прежних идеологических штампов в оценке внутренней и внешней политики КНР, происходит с началом потепления советско-китайских отношений в 1980-е гг. Именно к этому периоду оформилась концепция А.А. Москалёва по вопросу периодизации национальной политики КПК. Автор выделял три основных периода в развитии теории и практики национального строительства:

1. 1949—1956 гг. — период реализации принципов, заложенных в «Общей программе НПКСК». Этот этап характеризовался организацией института районной национальной автономии, первыми социально-экономическими преобразованиями, направленными на сокращение отставания неханьцев от китайцев, создание сети национальных школ и т.п.
2. 1957—1977 гг. — период «деструкции». В это время произошёл отход руководства КПК от ранее достигнутых результатов национальной политики.
3. 1978 г. — по настоящее время. Данный этап характеризуется возвращением к принципам национального строительства 1950-х гг. и «дальнейшего развития основных её установок и направлений» [18, с. 31; 19, с. 26—34].

Изучая районную национальную автономию в КНР, А.А. Москалёв пришёл к заключению, что, несмотря на все её недостатки, «унифицированный характер этой системы» выступал в роли прочной базы «укрепления территориальной целостности Китая» [20, с. 70].

Периодизация и оценка национальной политики, введённые А.А. Москалёвым, используются исследователями при изучении частных проблем национального строительства [21; 22].

Данные о законодательном регулировании районной национальной автономии на Северо-Востоке Китая содержатся в работах Д.А. Жоголева, Т.В. Лазаревой и А.А. Москалёва.

Д.А. Жоголев, рассматривая особенности реализации принципов системы районной национальной автономии в местных законодательных актах, в качестве примера приводил экономический раздел Положения о Яньбянь-Корейском автономном округе. Он отмечал, что спецификой данного документа является регулирование сферы лесного хозяйства, а также возможность привлечения капиталов из-за рубежа [21, с. 103—104].

Т.В. Лазарева, изучая вопросы кадрового строительства в КНР среди неханьских национальностей, использовала вышеназванный документ для

отражения процесса национализации кадров в Яньбяне. Она отмечала, что работа по подготовке и использованию национальных кадров в округе развивается успешно. В середине 1990-х гг. доля ганьбу (кадровых работников) корейской национальности составила 58,6% от всех кадровых работников национального округа, тогда как доля корейцев — лишь 40,7% от общей численности населения [22, с. 26, 47—48].

Подобные вопросы поднимал и А.А. Москалёв в книге «Теоретическая база национальной политики КНР» (М., 2001). В ней он приводил материалы статей Положения о Яньбянь-Корейском автономном округе, в которых закреплялись права корейцев на занятие руководящих должностей в округе, а также вопросы функционирования корейского языка [20, с. 67].

В другой работе А.А. Москалёв затронул особенности организации национальных волостей КНР, где привёл данные Положения о национальных волостях пров. Хэйлуунцзян. В частности автор отмечал, что этническим меньшинствам названных территориальных образований полагались преференции по вопросу занятости и представительства в местных органах власти [23, с. 401].

Таким образом, вопросы законодательной реализации национальной политики в северо-восточных провинциях КНР затрагивались лишь вскользь, и подробный анализ законодательной базы национального строительства в Дунбэе не проводился.

Несколько лучше отечественная историография представлена исследованиями современного развития отдельных национальностей Дунбэя. Маньчжурам КНР посвящено две специальные статьи, а также некоторые данные содержатся в обзорных трудах по национальному вопросу в Китае.

В работе Н.Г. Векиловой приводится краткий очерк положения маньчжуров в период японской оккупации и сведения о численности этого народа в начале 1950-х и 1980-х гг. В основном статья посвящена вопросам национального развития до 1978 г. Что же касается исследуемого нами периода, то здесь автор сделала упор на политику в области образования и культуры среди данного этнического меньшинства. Она отразила динамику организации национальных школ и учреждений культуры, особо коснувшись проблемы сохранения маньчжурского языка. Основной вывод, к которому пришла Н.Г. Векилова, состоит в том, что в 1980-е гг. государство достигло больших успехов в деле сохранения культуры этого народа [24, с. 163—172].

Небольшая статья А.Ю. Волковой носит скорее информативный, нежели исследовательский характер. В ней даётся обзор положения маньчжуров во второй половине XX в. Благодаря действию Закона о районной национальной автономии (1984 г.), на Северо-Востоке было образовано несколько автономных уездов маньчжуров. Также сообщается о численности этого народа и мероприятиях по возрождению традиционной культуры. Никаких конкретных выводов в работе не содержится [25, с. 163—166].

Корейцам КНР посвящена специальная статья А.Ю. Пискуловой «Корейская диаспора в Китае» [26, с. 132—136]. Автор кратко останавливается на

проблеме освоения корейцами китайского района Цзяньдао (современный Яньбянь-Корейский автономный округ пров. Цзилинь), правовом положении этого народа до образования КНР и современном развитии корейцев в Китае и делает вывод об успешности национальной политики, которая позволяет корейцам сохранять язык, письменность и традиционную культуру. Тем не менее, в работе есть и критические замечания. В частности А.Ю. Пискулова обращает внимание на значительную миграцию корейцев с северо-востока в другие регионы Китая и за рубеж, что является, по её мнению, симптомом сложной социальной ситуации в местах компактного проживания представителей названной национальности. К сожалению, ввиду того, что автор не является специалистом-китаеведом, в статье содержатся неточности и ошибки, не носящие принципиального характера.

Некоторые аспекты социально-экономического и культурного положения хэчжэ рассмотрены в публикации В.Г. Булдаковой. Она отразила позитивные изменения, произошедшие с хэчжэ после образования КНР. К настоящему времени возрос уровень благосостояния представителей названной национальности (например, они стали пользоваться телевизорами, холодильниками и другими бытовыми приборами). К негативным процессам автор относит коммерциализацию культуры и возросший уровень самоубийств как реакцию на стремительные изменения традиционного уклада жизни [27, с. 77—81].

Во всех названных публикациях национальная политика КПК в отношении неханьских народов Северо-Восточного Китая оценивается как успешная.

Изучение демографической ситуации в национальных районах пров. Цзилинь отразил А.Д. Дикарёв в книге «Демографические проблемы национальных меньшинств Китайской Народной Республики» (М., 1996). Рассматривая социально-демографические характеристики неханьских народов, он пришёл к выводу о более быстром демографическом переходе среди корейцев и маньчжуров. В качестве доказательства приводит следующие показатели: низкий уровень рождаемости и смертности, рост урбанизации и промышленного производства, значительное повышение образовательного уровня названных этнических меньшинств [28, с. 145—148]. В работе также содержатся общие сведения по проведению демографической политики государства в районах проживания неханьских национальностей, результатами которой стали упомянутые социально-демографические процессы. Следует отметить, что книга, хоть и была издана в 1996 г., содержит данные середины 1980-х гг.

Помимо специальных работ, посвящённых теме нашего исследования, стоит назвать два справочных издания, в которых приводятся факты о различных сторонах развития национальных районов Дунбэя. В 1989 г. появилась работа «Северо-Восточный Китай в 80-е годы XX в.» [29], подготовленная сотрудниками Центра китаеведения Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, где в разделе по национальным меньшинствам региона даются сведения о численности

и расселении, социально-экономическом положении неханьских национальностей Северо-Восточного Китая [30].

В начале XXI в. этим же научным подразделением издан новый справочник. Некоторые данные по экономическому развитию Яньбянь-Корейского автономного округа приведены в разделах, подготовленных Н.П. Гридиной, А.И. Петровым и Г.Н. Романовой. О функционировании сети национальных школ в пров. Хэйлунцзян писала Г.А. Сухачёва. В разделах по состоянию религии, культурной сферы региона и развитию туризма, подготовленных Г.П. Белоглазовым, О.Н. Рябченко и Г.Б. Дудченко, также приведены сведения о национальных районах. Очерк о национальной ситуации на Северо-Востоке КНР принадлежит автору настоящей работы [31, с. 21—26, 52—53, 75, 117—119, 139, 165, 187, 204—206 и др.].

Таким образом, в отечественной историографии, несмотря на наличие отдельных статей, справочных материалов и других исследований, проблема реализации национальной политики в Северо-Восточном Китае подробно не освещалась.

Исследования автора настоящей статьи посвящены изучению национальной политики КПК на Северо-Востоке страны. В диссертации, монографии, а также серии других публикаций мы рассмотрели различные аспекты реализации национальной политики руководства КНР в Дунбэе [32—40]. Наши основные выводы можно свести к следующему.

1. Национальная политика КПК является составным компонентом курса «реформ и открытости». Её главная цель — возрастание «комплексной мощи государства», которое невозможно без подъёма экономики национальных районов. Социально-экономические мероприятия правительства на национальных окраинах в 1980—1990-е гг. привели к росту уровня жизни населения.

В то же время в северо-восточных провинциях КНР проведение национальной политики КПК не сопровождалось, в отличие от западных районов страны, сепаратистскими выступлениями и ростом фундаменталистских проявлений. Это было связано, прежде всего, с такими обстоятельствами, как дисперсность проживания и отсутствие крупных компактных групп неханьцев, особенность их религиозных воззрений (в основном исповедуют шаманизм и буддизм).

2. Под проведение национальной политики в Северо-Восточном Китае была подведена определённая законодательная база на общегосударственном и местном уровнях. В законодательных актах, принятых в национальных районах Дунбэя, закреплены положения, отражающие местные особенности, такие, как охрана лесных массивов и введение обязательного девятилетнего обучения (в Яньбянь-Корейском автономном округе), развитие рыболовства (в пров. Хэйлунцзян).

3. Экономическая политика государства в районах неханьских национальностей Северо-Восточного Китая была относительно успешной. Она способствовала изменению структуры хозяйства национальностей, в котором всё большую роль стали играть промышленность и сфера ус-

луг, что приводило к расширению занятости населения. Активно развивалась внешнеэкономическая деятельность, значительно возрос объём ВВП. Тем не менее, не удалось разрешить главную экономическую проблему, состоящую в отставании неханьских районов от китайских. Несмотря на многократное увеличение ВВП автономий, доля его в провинциальном масштабе сократилась. Пути выхода из сложившегося положения китайские власти видят в расширении открытости национальных районов.

4. Основные проблемы социального развития районов национальной автономии Дунбэя мало отличались от тех, что были характерны для Китая. К началу изучаемого периода они состояли в относительном демографическом давлении, безработице, диспропорциях в уровнях доходов городского и сельского населения и т.п. За годы реформ в основном решена проблема сдерживания демографического роста среди неханьских национальностей, удалось многократно увеличить средние доходы городского и сельского населения, организовать сеть медицинских учреждений, охватывающих практически всех жителей национальных районов. Все эти мероприятия свидетельствуют о социальной направленности проводимых в Китае реформ.

Несмотря на достижения, наблюдаются и некоторые явления социального неблагополучия. Во-первых, не решена проблема всё увеличивающихся диспропорций в доходах городского и сельского населения. Во-вторых, достаточно обширна миграция неханьцев, особенно корейцев, в другие регионы Китая, что может свидетельствовать о наличии безработицы и сравнительно низком уровне заработной платы. В-третьих, среди малочисленных народов Северо-Востока КНР, таких как орочны и хэчжэ, повысился уровень алкоголизации, что стало реакцией на быстрые изменения традиционного уклада жизни.

5. Специфической чертой неханьских районов Северо-Восточного Китая является развитая система образования, включающая начальные, средние, средние специальные и высшие учебные заведения. Корейцы — лидеры в стране по распространению грамотности. Такие результаты явились следствием нескольких причин. Первая — особенности культуры корейцев, в которой большое значение придавалось образованию. Вторая — высокий уровень социально-экономического развития корейских национальных районов. Третья — результат адаптации этого народа в Китае. У других этносов Дунбэя, за исключением маньчжуров, уровень грамотности средний по стране.

6. В изучаемый период произошли крупные изменения в развитии учреждений культуры в национальных районах Северо-Восточного Китая. Была расширена сеть библиотек, театров, музеев и т.п. Налажена работа по выпуску литературы на национальных языках, в основном, корейском и монгольском. Активно изучалось народное творчество этнических меньшинств. Выходили радиопередачи и телепрограммы. Сохранению традиций способствовали регулярно проводящиеся фестивали национальностей.

Тем не менее, отсутствие национальной письменности у хэчжэ, орочо-нов, эвенков и дагуров не способствует сохранению и развитию национальных культур, заметны явления ассимиляции малочисленных народов. Происходит коммерциализация культуры: проведение фестивалей и различных конкурсов нацелено на привлечение туристов, что, с другой стороны, приводит к росту благосостояния неханьцев, отвечая тем самым курсу на построение социализма с китайской спецификой.

Комплекс мероприятий, проводимых руководством Китая в национальных районах Северо-Востока КНР, находился в русле курса на осуществление «четырёх модернизаций» и построение общества «среднего достатка». Несмотря на сохранение определённых проблем, необходимо признать, что в регионе значительно повысилось качество жизни неханьцев, прилагались усилия по сохранению культурного наследия малочисленных народов. Таким образом, мы считаем, что политика государства в отношении этнических меньшинств региона в целом является успешной.

В *китайской историографии* трактовка национальных проблем страны рассматривается всецело под влиянием официальной идеологии. Китайские авторы, изучая национальную политику КПК, как правило, строят исследования по следующему образцу. Вначале приводится тезис о национальном равноправии (обычно здесь используются материалы конституции, в которой провозглашено равенство всех национальностей и запрещаются любые формы дискриминации по этническому признаку). Далее характеризуется проблема единства национальностей. Здесь учёные приводят положения курса «два — не отрываться», то есть национальные меньшинства не должны отрываться от ханьцев, а последние — от неханьцев. В данной формуле выражена идея взаимозависимости всех народов Китая и невозможности их нормального развития вне связи друг с другом. Поэтому правительство пресекает все формы великоханьского шовинизма и местного национализма (национализма неханьских народов) [41, с. 120—121; 42, р. 1—6; 43, с. 51—76].

Значительное место в китайской историографии занимает вопрос о функционировании института районной национальной автономии. «Это — одна из основных политических установок и составная часть политического строя КНР», — заявлял заместитель председателя государственного комитета по делам национальностей при Госсовете КНР У Цзинхуа. По мнению китайских авторов, районная национальная автономия является специфической формой реализации прав этнических меньшинств в Китае [41, с. 121; 44, с. 123—127, 204—208; 42, р. 6—8].

В связи с ростом экономики, развитием социальной сферы в районах национальной автономии китайские авторы сегодня приходят к выводу об успехе национальной политики. Национальный вопрос, по их мнению, «...заключается главным образом в том, как ещё более активизировать в районах нацменьшинств экономическое и культурное строительство» [41, с. 124]. Подробнее о развитии теории по национальному вопросу в Китае [см.: 20].

За последние 20 лет в КНР опубликован значительный объём работ, посвящённых различным сторонам жизни неханьских национальностей Северо-Восточного Китая. Наиболее глубоко изучена этнография этнических меньшинств Дунбэя [45—48].

В 1981 г. вышла работа Лю Чжунпо «Народ хэчжэ». В этой небольшой книге прослеживался этногенез и основные вехи этнической истории хэчжэ. Исследование завершилось 1980-м годом. Автор рассмотрел не только особенности традиционной культуры этого народа, но и «прогрессивные» изменения, произошедшие с ним после установления «народной власти» [49, с. 5].

Результатам экономической политики КПК в маньчжурских национальных районах Ляодуна посвящена совместная работа Хэ Пуинь и Се Цюньхуа. В ней авторы исследовали основные экономические показатели маньчжурских автономий в 1980-е гг. и заключили, что интенсификация промышленной сферы региона является основой экономического роста районов национальной автономии [50, с. 68].

В исследовании Цзин Хогао анализируется влияние реформ на изменение социально-экономической обстановки в национальных корейских волостях провинций Цзилинь и Хэйлунцзян. Автор приходит к выводу о положительных результатах курса на «четыре модернизации», так как в местах проживания корейцев повсеместно вырос уровень жизни населения, активно развиваются отрасли сельскохозяйственного и промышленного (имеются в виду поселковые предприятия) производства [51, с. 79].

В статье Ли Шаогэна «Место и роль Яньбянь-Корейского автономного округа Китая в свободной экономической зоне в нижнем течении р. Туманган» содержатся данные о результатах социально-экономической политики китайского руководства в корейском национальном округе. Автор обращает внимание на зависимость хозяйственного развития округа от расширения внешнеэкономической деятельности. Для привлечения инвестиций в местную экономику в автономии активно развивается транспортная инфраструктура и сфера услуг. Несмотря на большую роль внешней торговли, местное правительство прилагает усилия для диверсификации экономики. Ли Шаогэн считает, что для успешного экономического строительства необходимо реконструировать комплекс промышленных предприятий, построенных ещё в 1950—1960-е гг., с тем, чтобы расширить их производственные мощности. Также для достижения высокого экономического роста требуется «...взять курс на освоение ресурсов и экономию средств... связывать воедино научно-техническое образование с экономикой» и т.п. [52, с. 198] Стоит отметить, что основные рекомендации автора повторяют программные документы КПК.

Современным проблемам социального развития ороحوнов посвящена статья Ван Юя. По его мнению, быстрые реформы и постоянная смена политических курсов привели этот народ к «стрессу», в результате которого в местах проживания ороحوнов усилились тенденции роста асоциального поведения (алкоголизм, суицид и т.п.) [53, с. 69]. К сходным выводам приходит и Хун Шижун [54, с. 96—97].

Сунь Сунбинь затрагивает проблему развития образования среди оро-чонов пров. Хэйлуцзян. Автор отмечает, что главной трудностью в данной сфере является недостаток кадров в национальных школах. Тем не менее, по его мнению, в начале 1990-х гг. наметилась положительная тенденция в разрешении названной проблемы, так как созданные государством условия привели к притоку учительских кадров в места компактного проживания оро-чонов [55, с. 96].

Функционирование районной национальной автономии в Яньбянь-Корейском автономном округе изучил профессор Яньбяньского университета Цзин Шанчжэн. На конкретных примерах он продемонстрировал достижения в деле распространения корейского языка, подготовки кадров из числа неханьцев, развития системы образования и учреждений культуры в Яньбяне. Автор пришёл к выводу, что благодаря национальной политике КПК в округе смогли добиться больших успехов во всех сферах социально-экономического и культурного развития [56, р. 31—43].

Чжао Чэнжи приводит обзор состояния корейской литературы с 1949 до конца 1980-х гг. Он считает, что в 80-е гг. была создана основа будущего расцвета корейской литературы\* [57, р. 161—163]. Таким образом, в китайской историографии затронуты многие вопросы национальной политики КПК на Северо-Востоке Китая. Тем не менее, её особенность состоит не в комплексном изучении проблемы, а в следовании линии партии.

*Западная историография* представлена несколькими работами, затрагивающими вопросы национальной политики КПК в Дунбэе. Х. Г. Шварц подготовил историко-этнографический очерк народностей Северного Китая (включая Северо-Восток). Фактически данная работа выступает в роли аналога отечественного издания «Народы Восточной Азии» [59].

В 1986 г. профессор Центра международных стратегических исследований Клермонтского колледжа (США) Ли Чэцзин издал книгу «Корейское меньшинство Китая: политика в области национального образования», в которой объясняет причины успеха корейской системы образования [60, р. 13]. На основе обширного фактического материала он пришёл к выводу, что основная причина состоит в особенностях традиционной культуры, в которой образованию придаётся большое значение, а также в особенностях реализации образовательной политики в корейских национальных районах [60, р. 31]. Кроме того, книга содержит исторический очерк заселения корейцами района Цзяньдао и их участия в антияпонском движении и Корейской войне (1953—1955 гг.), а также другие материалы.

Вопросы развития образования среди корейцев также затрагивала другая американская исследовательница Эмили Ханнум. В одной из работ, посвящённых образовательной стратификации среди национальных меньшинств Китая, она отметила, что успехи в области развития корейского образования связаны с уровнем социально-экономического положения названного народа [61, р. 95—117].

\* Вопросам развития литературы неханьских национальностей Северо-Восточного Китая посвящён интересный обзор: [58, с. 40—51].

Проблему формирования национальных кадров из числа корейцев рассмотрел в одной из статей вышеупомянутый Ли Чэцзин. Он показал процесс исторических изменений в политике КПК по национально-кадровому вопросу, на примере Яньбянь-Корейского автономного округа продемонстрировал успехи такой политики в 1980-е гг. [62, р. 93—114].

Экономической роли корейцев в Китае посвящена глава, подготовленная Ким Си Джуном, в коллективной работе «Корейская диаспора в мировой экономике» [63, р. 101—130]. Автор подчеркнул важную роль китайских корейцев в развитии внешнеэкономических связей КНР с Республикой Корея и КНДР, рассмотрел экономические показатели корейских национальных районов.

С данной работой перекликаются исследования финской учёной Оути Луова. В монографии «Перемещение и развитие этнического трансграничного капитала — использование связей с Южной Кореей» [64—66] она рассмотрела формы и методы развития этнического трансграничного бизнеса, его роль в укреплении экономики Яньбяня. При этом отметила, что отсутствие эффективных механизмов размещения капитала снижает результативность инвестиций в экономику региона.

Отдельные аспекты демографической политики среди неханьцев затронул С. Фрэйзер. Он отметил, что с началом периода реформ в вопросе воспроизводства этнических меньшинств были сделаны определённые послабления. Им разрешили иметь более одного ребёнка, а наименьшие по численности национальности, такие как хэчжэ, вообще освобождались от каких-либо ограничений по планированию семьи. Однако автор отметил, что подобная практика приводила к росту межэтнической напряжённости в местах дисперсного проживания меньшинств. Поэтому на неханьцев, проживающих в городах, распространялись те же ограничения, что и на ханьцев [67, с. 172].

С. Фрэйзер изучил влияние политики на различные демографические характеристики, такие как возрастная структура, численность населения. Он обратил внимание на чрезвычайно большой рост численности отдельных национальностей между переписями 1964 и 1982 гг. (иногда более чем двукратный). Автор объясняет этот феномен дискриминационной политикой в отношении неханьцев в период «деструкции», в который многие национальные меньшинства вынуждены были скрывать свою национальность. Однако с началом политики реформ в 1978 г. неханьцы стали открыто заявлять о своей национальной принадлежности [67, с. 172—176]. К аналогичным выводам пришли и некоторые другие авторы, например Дж. Эйрд, Ф. Юсуф и М. Бирнс [68; 69].

Из настоящего обзора видно, что на Западе практически отсутствуют исследования, посвящённые анализу национальной политики в Северо-Восточном регионе Китая. В основном интерес исследователей фокусируется на изучении тех или иных сторон жизни корейского населения, что обусловлено наличием по соседству Кореи (КНДР и РК), а также компактностью и сравнительной многочисленностью корейцев в КНР (в отличие от

корейцев, маньчжуры, численность которых значительно выше, проживают дисперсно). Китайскую же историографию характеризуют, с одной стороны, рассмотрение национальной политики во всех районах проживания неханьцев Дунбэя, а с другой — отрицание особой специфики такой политики в отношении этнических меньшинств.

В отечественной историографии также в фокусе исследований оказались в основном общие вопросы национальной политики. Специальных работ немного. Характерной чертой советской историографии являлась идеологическая заданность исследований. В постсоветский период были заложены основы объективного анализа национальной ситуации в КНР. Появилось немало интересных публикаций, посвящённых региональной специфике национального вопроса (главным образом, Синьцзяну). [70—72]). Однако Северо-Востоку КНР по-прежнему уделялось мало внимания.

#### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ставров И. В. Публикации о национальных меньшинствах Северо-Восточного Китая в журналах «Вестник Азии» и «Вестник Маньчжурии»: Восьмая Дальневост. конф. молодых историков, Владивосток: ДВО РАН, 2004. С. 154—156.
2. Брук С. И. Народы мира: этнодемографический справочник. М.: Наука, 1986.
3. Народы и религии мира. Энциклопедия / под ред. В. А. Тишкова. М., 1996.
4. Кочешков Н. В. Неханьские народы Северо-Восточного Китая (Историко-этнографическое обозрение) // История Северо-Восточного Китая XVII—XX вв. Кн. 3. Северо-Восточный Китай в 1945—1978 гг. Владивосток, 2004. С. 317—332.
5. Пан Т. А. Система терминов родства маньчжур // Алгебра родства: родство, системы родства, системы терминов родства. СПб.: МАЭ РАН, 2000. С. 263—270.
6. Пан Т. А. Похоронный обряд у сибинцев // Тунгусо-маньчжурская проблема сегодня (Первые Шавкуновские чтения). Владивосток: Дальнаука, 2008. С. 216, 226.
7. Кара-Мурза Г. С. К постановке национального вопроса в Китае // Проблемы Китая. 1934. № 13. С. 46—141.
8. Яковлев А. Г. Решение национального вопроса в КНР. М.: Изд-во вост. лит., 1959.
9. Котов К. Ф. Местная национальная автономия в КНР (на примере Синьцзян-Уйгурской автономной области). М.: Госюриздат, 1959.
10. Котов К. Ф. Сущность местной национальной автономии в КНР (Основные проблемы теории и практики национального строительства в КНР на примере Синьцзян-Уйгурской автономной области): автореф. дис... д-ра юрид. наук. М., 1962.
11. Шарафутдинов Р. Х. Решение национального вопроса в провинции Синьцзян после победы китайской народной революции: автореф. дис... канд. ист. наук. Л., 1954.
12. Рябченко Н. П. КНР — СССР: годы конфронтации (1969—1982). Владивосток: Дальнаука, 2006.
13. Рахимов Т. Р. Национализм и шовинизм — основа политики группы Мао Цзэдуна. М.: Мысль, 1968.
14. Рахимов Т. Р. Судьбы неханьских народов в КНР. М.: Мысль, 1981.
15. Национальный вопрос в Китае / АН СССР. Ин-т Дальнего Востока. Информ. бюл. № 36. М.: Наука, 1971.
16. Великодержавная политика маоистов в национальных районах КНР. М.: Наука, 1975.

17. Утегенова Д.К. Местная национальная автономия в Китае (законодательство КНР и политическая практика маоистов): автореф. дис... канд. юрид. наук. М., 1976.
18. Москалёв А.А., Жоголев Д.А., Пузицкий Е.В., Лазарева Т.В. Национальный вопрос в КНР (1949—1994 гг.) // Информ. бюл. М.: ИДВ РАН, 1996. № 1. ч. 1.
19. Москалёв А.А. Национальный вопрос в Китае: теоретические аспекты национальной политики (1912—1992 гг.): автореф. дис... д-ра ист. наук. М., 1994.
20. Москалёв А.А. Теоретическая база национальной политики КНР (1949—1999). М.: Памятники исторической мысли, 2001.
21. Жоголев Д.А. Малые народности и великий Китай // Информ. бюл. М.: ИДВ РАН, 1994. № 2.
22. Лазарева Т.В. Кадровое строительство в национальных районах КНР (1949—1999). М.: ИДВ РАН, 2001.
23. Москалёв А.А. Управление «делами национальностей» // Как управляется Китай: эволюция властных структур Китая в 80—90-е гг. XX века. М.: ИДВ РАН, 2001. С. 388—410.
24. Векилова Н.Г. Положение маньчжуров в КНР // Актуальные проблемы внутреннего развития стран Дальнего Востока и изменения в расстановке сил Азиатско-Тихоокеанского региона. М.: ИДВ АН СССР, 1987. Ч. 2. С. 163—172.
25. Волкова А.Ю. Маньчжуры в 40—90-е гг. XX в.: демографические, правовые, культурные аспекты // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2003. Вып. 6. С. 163—166.
26. Пискулова А.Ю. Корейская диаспора в Китае // Корея — новые горизонты. Доклады, представленные на IX научной конференции корееведов России и стран СНГ. М.: ИДВ РАН, 2005. С. 132—136.
27. Булдакова В.Г. Национальная политика КНР в отношении малочисленных народов // Россия и АТР. Владивосток, 2006. № 4. С. 77—81.
28. Дикарёв А.Д. Демографические проблемы национальных меньшинств Китайской Народной Республики. М.: Вост. лит., 1996.
29. Северо-Восточный Китай в 80-е годы XX в.: справочник / отв. ред. Ф.В. Соловьёв, Г.П. Белоглазов. Владивосток: ДВГУ, 1989.
30. Головачёва Л.И., Векилова Н.Г. Административное деление, население и национальный состав / Северо-Восточный Китай в 80-е годы XX в.: справочник. Владивосток. 1989. С. 12—21.
31. Северо-Восточный Китай на рубеже XX—XXI вв.: Научное справочное издание / отв. ред. Г.П. Белоглазов. Владивосток: Дальнаука, 2005.
32. Ставров И.В. Реализация национальной политики КПК в северо-восточных провинциях КНР (1978—2002 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 2007.
33. Ставров И.В. Проблемы реализации национальной политики КПК в северо-восточных провинциях КНР (1978—2002 гг.). Владивосток, 2007. Рукопись деп. в ИНИОН РАН 18.07.07, № 60344.
34. Ставров И.В. Национальная политика в системе модернизации Китая (1978—2002 гг.) // Россия и АТР. Владивосток, 2006. № 4. С. 94—104.
35. Ставров И.В. Социальное развитие национальных районов Северо-Восточного Китая (1978—2002 гг.) // Россия и АТР. Владивосток, 2007. № 3. С. 90—104.
36. Ставров И.В. Реализация политики КПК в области образования неханьских национальностей Северо-Востока КНР (1978—2002 гг.) // Российский Дальний Восток в Азиатско-Тихоокеанском регионе на рубеже веков: политика, экономика, безопасность / науч. ред. М.Ю. Шинковский. Владивосток: Дальнаука, 2008. С. 365—382.
37. Ставров И.В. Реализация экономической политики КПК в национальных районах Северо-Восточного Китая // Россия и АТР. Владивосток, 2009. № 3. С. 29—41.
38. Ставров И.В. Проблемы реализации политики КПК в области культуры неханьских национальностей Северо-Восточного Китая (1978—2007 гг.) // Тихоокеанская Россия

- и страны АТР в изменяющемся мире: сб. ст. / отв. ред. Ю. В. Латушко, И. В. Ставров. Владивосток: Дальнаука, 2009. С. 175—187.
39. Ставров И. В. Национальная политика КНР в региональном измерении: реализация национальной политики КПК на Северо-Востоке КНР на рубеже XX—XXI вв. // 60 лет КНР. Шестидесятилетие дипломатических отношений СССР/РФ и КНР (1949—2009 годы): тез. докл. междунар. науч. конфер. «Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы». М.: ИДВ РАН, 2009. Ч. 2. С. 162—165.
40. Ва Тафулофу (И. В. Ставров). Элосы Юаньдун юй Чжунго Дунбэй миньцзу цзычжи дицуй дэ цзинци лянсьи = Экономические связи Дальнего Востока России и национальных районов Северо-Восточного Китая // Дунбэй Я яньцзю, 2008. № 1. С. 38—39.
41. У Цзинхуа. Этническая ситуация и политика КНР в отношении нацменьшинств // Расы и народы. М., 1998. Вып. 24. С. 119—124.
42. He Jiancheng. China's Policy on Nationalities // Koreans in China / Papers of the Center for Korean Studies. N 16. Honolulu. 1990.
43. Миньцзу лилунь миньцзу чжэнцэ сюэси ганьяо (Изучение основных положений национальной теории и национальной политики). Пекин: Миньцзу чубаньшэ, 2004.
44. Ли Теин. О демократии (б.м., б.г.)
45. Дун Гояо. Бэйфан миньцзу вэньхуа луньгао=Культура и быт северных народностей Китая. Тайбэй: Хуньэ вэньхуа чубаньшэ, 1997.
46. Маньцзу фэнцин лу = Маньчжуры. Этнографические очерки / гл. ред. Сунь Цзилю. Чэнду: Сычуань миньцзу чубаньшэ, 1994.
47. Хэйлунцзян шаошу миньцзу цзяньши = Краткая история национальных меньшинств пров. Хэйлунцзян. Пекин: Чжуньян миньцзу сюэюань чубаньшэ, 1993.
48. Маньцзу лиши юй вэньхуа = История культуры маньчжуров. Пекин: Чжуньян миньцзу тасюэ чубаньшэ, 1996.
49. Лю Чжунпо. Хэчжэ жэнь = Народ хэчжэ. Пекин. 1981.
50. Хэ Пуинь, Се Цюньхуа. Ляодун маньцзу дицуй цзинци фачжань тэчжэн цзи сяньдайхуа цзяньшэ дэ дуйцэ = Предложения по развитию модернизации экономики маньчжурских районов Ляодуна // D 5. Миньцзу яньцзю. 1994. № 5. С. 62—68.
51. Цзин Хогао. Чжунго чаосяньцзу миньцзу сян шэхуй чжуанкуан цзяньси = Краткий очерк социального развития корейских волостей Китая // D 5. Миньцзу яньцзю. 1994. № 4. С. 70—80.
52. Ли Шаогэн. Место и роль Яньбяньского Корейского автономного округа Китая в свободной экономической зоне в нижнем течении р. Туманган // Дальний Восток России в контексте мировой истории: от прошлого к будущему: материалы междунар. науч. конфер. (докл. и сообщения). Владивосток, 1997. С. 192—198.
53. Ван Юй. Дуй олуьчунь миньцзу шэнчань чжуаньсян вэньти дэ таньтао = К проблеме производственных изменений у ороchonской нации // Чжунго шаошу миньцзу, 1992. № 4. С. 67—76.
54. Хэ Пуинь, Се Цюньхуа. Ляодун маньцзу дицуй цзинци фачжань тэчжэн цзи сяньдайхуа цзяньшэ дэ дуйцэ = Предложения по развитию модернизации экономики маньчжурских районов Ляодуна // D5. Миньцзу яньцзю, 1994. № 5. С. 62—68.
55. Сунь Сунбинь. Фачжань олуьчуньцзу цзяоюй шиэ дэ ди дянй цоши = Мероприятия по развитию образования среди ороchonов // D 5 Миньцзу яньцзю, 1999. № 6. С. 95—101.
56. Jin Shanzhen. The Rights of Minority Nationalities in China: The Case of the Yanbian Korean Autonomous Prefecture // Koreans in China / Papers of the Center for Korean Studies. N 16. Honolulu. 1990. P. 1—30.
57. Zhao Chengri. An Overview of Contemporary Korean Literature in China // Koreans in China / Papers of the Center for Korean Studies. N 16. Honolulu. 1990. P. 144—163.

58. Рябченко О.Н. Литература Северо-Восточного Китая в период реформ // Ойкумена. Регионоведческие исследования. Владивосток, 2009. № 3. С. 40—51.
59. Schwarz H.G. The minorities of Northern China: a survey. Bellingham (Wash.): Western Washington. 1984.
60. Lee Chae-Jin. Chinas Korean Minority: the Politics of Ethnic Education. Boulder and London: Westview press. 1986.
61. Hannum E. Educational Stratification by Ethnicity in China: Enrollment and Attainment in the Early Reform Ears // Demography. 2002. Vol. 39. N 1. P.95—117.
62. Lee Chae-Jin. The Political Participation of Koreans in China // Koreans in China / Papers of the Center for Korean Studies. N 16. Honolulu. 1990. P.93—114.
63. Kim Si Joong. The Economic Status and Role of Ethnic Koreans in China // The Korean Diaspora in the World Economy / International Institute for Economy. Special report 15. [Б.м.], 2003. P.101—130.
64. Luova O. Ethnic Transnational Capital Transfers and Development — Utilization of Ties with South Korea in the Yanbian Korean Autonomous Prefecture, China. Turku. 2007.
65. Luova O. Mobilizing Transnational Ethnic Linkages for Economic Development (The Case of Yanbian Korean Autonomous Prefecture) // China information. New Delhi. Vol. XX (I). P.33—67.
66. Забровская Л.В. [рец. на:] Luova O. Ethnic Transnational Capital Transfers and Development — Utilization of Ties with South Korea in the Yanbian Korean Autonomous Prefecture, China. Turku, 2007 // Проблемы Дальнего Востока, 2007. № 3. С. 182—185.
67. Фрээр С. Демографическая палитра Китая // Проблемы Дальнего Востока, 1990. № 1. С. 172—179.
68. Aird J. The Preliminary Results of China's 1982 Census // The China Quarterly. 1983. N 96. P.73—82.
69. Yusuf F. Ethnic Mosaic of Modern China: An Analysis of Fertility and Mortality Data for the Twelve Largest Minorities / F. Yusuf, M. Byrnes. — URL: <http://www.index-china.com/minority/minority-study.html> (дата обращения: 07.05.2005).
70. Афанасьева Е.А. Современный Синьцзян. Томск: Изд-во ТГУ, 2007.
71. Бондаренко А.В. Синьцзян-Уйгурский автономный регион Китая в начале XXI века. М.: ИДВ РАН, 2010.
72. Клинов А.С. Проблема сохранения единства Китая (XX век). Майкоп: Изд-во Кубанского ун-та, 2000.

**ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА КНР  
В ПРОГРАММНЫХ ДОКУМЕНТАХ КПК  
(1949—2009 гг.)\***

*А. С. Веремейчик*

В статье рассматривается эволюция демографической политики КНР, выделяются её основные этапы. Отмечается, что за время существования КНР отношение руководства страны к этой проблеме претерпело весьма существенные изменения. Благодаря ограничению рождаемости Китай добился значительных успехов в демографическом поведении населения, сдерживании роста его численности.

**Ключевые слова:** КНР, КПК, демографическая политика, политика ограничения рождаемости, старение населения.

**DEMOGRAPHIC POLICY IN PROGRAM DOCUMENTS OF THE CCP  
(1949—2009)**

*A. S. Veremeychik*

The article discusses the evolution of population policy of the PRC and highlights its main stages. It is noted that during the PRC history attitude of the country's leadership to the population policy underwent very significant changes. Due to the policy of birth control, China has made significant changes in the demographic behavior of the population and control in the population growth.

**Key words:** PRC, CCP, population policy, the policy of birth control, aging.

Образование КНР и проведение социально-экономических преобразований оказали положительное влияние на демографические процессы. С ростом жизненного уровня, стабилизацией политической ситуации создавались благоприятные условия для образования новых семей. Существенное снижение смертности при сохранении прежнего уровня рождаемости явилось причиной увеличения естественного прироста населения, темпы которого в первой половине 1950-х гг. составляли более 2% в год. Но на данном этапе сохранялись особенности экономической и социальной жизни, характерные для старого Китая, которые оказывали воздействие и на ход экономического развития, и на процессы воспроизводства населения. Приходилось преодолевать серьёзные слабости китайской экономики, основными из которых были многоукладность, отсталая структура промышленности и сельского хозяйства, низкая экономическая база в целом. К концу 1-й пятилетки (1953—1957 гг.) по производству основных видов продовольствия и потребительских товаров Китай оставался на одном из последних мест в мире [1, с. 236]. Важным было проведение политики народонаселения, направленной на сбалансирование экономического и демографического роста.

---

\* Работа выполнена при поддержке гранта ДВО РАН, проект № 11-III-B-11-241.

Со второй половины 1956 г. до середины 1958 г. впервые в истории КНР проводилась общегосударственная кампания по контролю над рождаемостью. Новый курс был официально подтверждён в докладе Чжоу Эньлая VIII съезду КПК в сентябре 1956 г., в котором говорилось о том, что «в целях охраны материнства и младенчества, хорошего воспитания нового поколения и заботы о здоровье и процветании нации мы положительно относимся к соответствующему ограничению деторождения. Органы здравоохранения совместно с заинтересованными организациями должны надлежащим образом проводить пропаганду ограничения деторождения и принимать эффективные меры в этой области» [2, с. 162].

Проявлением официальной поддержки мероприятий по контролю над рождаемостью явилась речь Мао Цзэдуна на расширенном заседании Верховного государственного совещания 27 февраля 1957 г. Он говорил: «В нашей стране людей много — это хорошо, но, конечно, это сопряжено с трудностями. Ежегодное число рождений — 30 млн. — является показателем значительно прогресса в медицинском обслуживании, общего повышения жизненного уровня, особенно в сельской местности, веры людей в будущее. Но эта цифра также должна беспокоить всех нас... Рост производства зерна за последние два года составил 10 млн. т в год. Этого едва достаточно для удовлетворения потребностей нашего растущего населения» [3, с. 963]. Разрешение проблемы сдерживания численности населения на определённом уровне виделось путём осуществления контроля над рождаемостью. «Таким образом, следует принять меры, чтобы удержать наше население на длительный период на постоянном уровне, скажем, 600 млн... широкая кампания по разъяснению и оказанию помощи должна быть проведена для достижения этой цели» [3, с. 964].

В ходе кампании по ограничению рождаемости основное внимание уделялось повышению возраста вступления в брак, которое считалось одним из основных и наиболее эффективных способов снижения рождаемости.

Рекомендуемый возраст для вступления в брак зависел от инициативы местных властей, но часто он был гораздо выше установленного законом — 20 лет для мужчин и 18 лет для женщин. Несмотря на интенсивную пропаганду поздних браков, они не получили широкого распространения. Мероприятия проводились в основном в городах, сельские районы ими были почти не затронуты, и эффективность мер по ограничению рождаемости в масштабах страны оказалась очень скромной.

Весной 1958 г. появились признаки изменения взглядов на политику народонаселения. После выступления Мао Цзэдуна на второй сессии VIII съезда КПК (май 1958 г.) был взят курс, названный политикой «большого скачка». Если ранее у руководства страны быстрые темпы прироста населения вызывали беспокойство, то к началу проведения этой политики ситуация резко изменилась. Программа «большого скачка» намечала форсированное экономическое строительство за счёт массового использования рабочей силы, и деятельность по ограничению рождаемости сменилась другими призывами. Политика ограничения рождаемости перестала соответствовать

новому курсу. Многочисленное население вновь стало рассматриваться как благо для экономического развития страны [4, с. 80].

Тяжёлые экономические последствия «большого скачка» побудили руководство страны с начала 1962 г. вернуться к политике ограничения рождаемости. В период её проведения в качестве преимуществ планируемого деторождения и меньших по размеру семей указывалось на их пользу в плане охраны материнства и детства, обеспечение лучших возможностей для работы и учёбы родителей, повышение благосостояния семьи и всего государства. Основным направлением деятельности по контролю над рождаемостью были ограничение числа детей в семье (не более двух) и повышение возраста вступления в брак (23—27 гг. для женщин, 25—30 гг. для мужчин). Если в 1950-е гг. пропагандировалась семья, где имелось трое детей с интервалом между рожденьями в три года, то во время второй кампании рекомендуемое число детей — двое, с интервалом в три — пять лет [1, с. 242].

Во время «культурной революции» (1966—1976 гг.) все мероприятия в области демографической политики были полностью свёрнуты. Дезорганизация государственного и партийного аппарата, в том числе учреждений, занимавшихся вопросами планирования рождаемости, негативное отношение к мерам по планированию семьи со стороны молодого поколения способствовали ослаблению мер по ограничению рождаемости.

Ко второй половине 1970-х гг. происходит постепенное возрождение демографической политики. Если ранее основное внимание уделялось пропаганде ограничения рождаемости, то на новом этапе наряду с пропагандистскими мерами, расширением информационной базы активнее использовались экономические и административные меры воздействия на население. Определелись основные направления демографической политики, суть которой выражалась лозунгом: «Позже, реже, меньше». Это означало откладывание вступления в брак, 4-х — 5-летний интервал между рожденьями детей, уменьшение размера семьи. Во второй половине 1970-х гг. основное внимание уделялось снижению числа детей в семье (двое в городе и трое в сельской местности) [1, с. 243]. Подобная демографическая политика обосновывается трудностями экономического развития, важностью накопления средств для модернизации экономики, решением проблем занятости и снабжения продовольствием.

К концу 1970-х гг. стали проявляться изменения в естественном движении населения, происходит постепенный переход от традиционного к современному типу воспроизводства населения. Имело место значительное снижение коэффициентов рождаемости с 36‰ в 1949 г. до 17,82‰ в 1979 г. (табл. 1). Одновременно снизилась коэффициенты смертности с 20‰ до 6,21‰, естественного прироста с 16‰ до 11,61‰.

Эти данные свидетельствуют о том, что напряжённые усилия, направленные на ограничение естественного прироста населения, дали определённый эффект. Вместе с тем оставалась проблема высокого абсолютного роста при снижающемся проценте прироста населения.

Таблица 1

Показатели естественного движения населения КНР (1949—2009 гг.)

Год	Численность населения (млн. чел.)	Коэффициент рождаемости (‰)	Коэффициент смертности (‰)	Коэффициент естественного прироста (‰)
1949	541,67	36,00	20,00	16,00
1959	672,07	24,78	14,59	10,19
1969	806,71	34,11	8,03	26,08
1979	975,42	17,82	6,21	11,61
1989	1127,04	21,58	6,54	15,04
1999	1257,86	14,64	6,46	8,18
2009	1334,74	12,13	7,08	5,05

Таблица составлена автором на основе источников: Чжунго тунцзи няньцзянь — 1990 (Китайский статистический ежегодник — 1999). Пекин, 1990. С. 89—90.; Чжунго тунцзи чайяо — 2010 (Китайский статистический справочник — 2010). Пекин, 2010. С. 40—41.

Рубеж 1970—1980-х гг. стал переломным этапом в истории страны. К тяжёлому экономическому и продовольственному положению добавилась внутрисполитическая нестабильность после смерти Мао Цзэдуна в 1976 г. Осуществление программы «четырёх модернизаций» с целью преодоления кризисных явлений в развитии страны тесно увязывалось с реализацией программы планового деторождения.

Решения пленумов ЦК КПК 1978 и 1984 гг. и XIII съезда КПК (1987 г.) определили основные положения реформы экономической системы и общие направления развития страны на последующие десятилетия. Соотношение темпов прироста населения и развития экономики было признано одной из основных проблем и положено в основу теоретического обоснования демографической политики с началом периода реформ.

Понимая значимость регулирования демографических процессов, руководство Китая закрепило (впервые в истории КНР) в статье 53 Конституции 1978 г. систему планового деторождения. В ней указывалось: «Государство поощряет и оказывает поддержку планированию семьи» [1, с. 244].

В выступлении 30 марта 1979 г. Дэн Сяопин заметил, что «при осуществлении Китаем «четырёх модернизаций» большое население имеет как положительные, так и отрицательные стороны; в условиях недостаточно развитой экономики обостряются проблемы питания, образования и трудоустройства, необходимо усилить меры по планированию рождаемости...» [5, с. 15].

Необходимость в дальнейшей активизации демографической политики возникла и в связи с предстоящей волной увеличения рождаемости, так как ожидалось вступление в брачный и репродуктивный возраст многочисленного поколения 1950-х гг.

В 1980-е гг. планирование семьи стало важнейшей стратегической задачей в процессе реализации программы «четырёх модернизаций». На XII съезде КПК (сентябрь 1982 г.) генеральный секретарь Ху Яобан в своём докладе определил, что «в ходе нашего экономического и социального развития демографический вопрос от начала и до конца является исключительно важной проблемой». Он призвал делегатов съезда активно проводить политику партии в области планирования рождаемости, так как быстрый прирост населения скажется на снижении среднего дохода на душу населения [6, с. 23].

В декабре 1982 г. плановое деторождение было закреплено в Конституции КНР. В 25-й статье говорится: «Государство проводит плановое деторождение, с тем, чтобы рост населения соответствовал плану социально-экономического развития»; в 49-й статье предусмотрено: «Оба супруга должны осуществлять плановое деторождение» [7, с. 90].

Премьер Госсовета КНР Чжао Цзяян в 1983 г. говорил, что «сдерживание роста населения — государственная политика, коренная стратегическая мера. Мы должны неустанно ратовать за поздние браки и однодетные семьи, строго ограничивать рождение второго ребёнка и категорически пресекать рождение третьего» [7, с. 91]. Другими словами, планированию рождаемости отводилась теперь немаловажная роль в подъёме экономики страны, стратегия развития населения становилась составной частью перспективного планирования социально-экономического развития.

В докладе генерального секретаря ЦК КПК Чжао Цзяяна XIII съезду (октябрь 1987 г.) прозвучали некоторые новые положения о том, что «следует сделать акцент на улучшение здоровья новорождённых и воспитания детей, на повышение жизнеспособности населения» [8, с. 26].

После событий на площади Тяньаньмэнь (1989 г.) произошла смена руководства КПК. К власти пришло третье поколение руководителей партии во главе с Цзян Цзэмином. В связи с корректировкой основного курса партии ход реформ на некоторое время был приостановлен.

Новый этап реформ начинается с XIV съезда КПК (октябрь 1992 г.), где были сформулированы основные задачи реформы и строительства на 1990-е гг. В целях ускорения процесса реформы и стимулирования экономического развития предстояло выполнить задачи в нескольких аспектах, в числе которых «...претворение в жизнь основы государственной политики, направленной на ограничение роста народонаселения» [9, с. 98].

При новом руководстве страны политике планируемого деторождения также отводится одна из ключевых ролей в общей стратегии развития. Это подтверждается в докладах Цзян Цзэмина на совещании в ЦК КПК по планированию рождаемости и XV съезде КПК. Выступая на совещании в ЦК КПК по этой проблеме (21 марта 1993 г.), генсек говорил о подтверждении на практике того, что «осуществление планирования рождаемости отвечает интересам развития производительных сил социалистического общества, наращиванию совокупного потенциала государства, повышения уровня жизни народа» [10, с. 81].

На XV съезде КПК (сентябрь 1997 г.) Цзян Цзэминь указал на необходимость осуществления стратегии устойчивого развития, в формате которой предполагалось «...твёрдо проводить в жизнь основополагающую государственную политику планирования рождаемости и охраны окружающей среды, правильно подходить к вопросу о взаимоотношениях между экономическим развитием и проблемами народонаселения, ресурсов и окружающей среды» [10, с. 89].

Одним из важных мероприятий демографической политики является «Закон о народонаселении и планировании рождаемости», принятый 29 декабря 2001 г. Всекитайским собранием народных представителей, который обозначил новый этап и создал условия для реализации этой политики в дальнейшем. Статья 18 Закона предусматривает, что «осуществляемая государством политика о плановой рождаемости поощряет граждан к позднему браку и позднему рождению ребёнка, выступает за рождение одной супружеской парой одного ребёнка, вместе с тем, в условиях, отвечающих правовым актам, можно ходатайствовать о рождении второго ребёнка». В этой же статье закреплено, что «национальные меньшинства тоже обязаны осуществлять плановую рождаемость» [11, с. 87].

В 2000-е гг. под пристальным вниманием китайских руководителей находятся проблемы старения населения, так как темпы старения в КНР более высокие, чем в развитых странах. Цзян Цзэминь, выступая на совещании в ЦК КПК по проблемам народонаселения, ресурсов и окружающей среды (10 марта 2002 г.), отметил, что «...старению населения следует уделять серьёзное внимание» [10, с. 98].

Снижение показателей рождаемости с 1970-х гг. привело к изменению возрастной структуры от молодого к более взрослому типу. Доля детских возрастов (0—14 лет) заметно уменьшилась, а удельный вес пожилых старше 65 лет возрастал год от года. По данным статистики удельный вес пожилых (65 лет и старше) увеличился с 4,9% в 1982 г. до 8,5% в 2009 г. (табл. 2).

Основными факторами, которые обусловили достаточно быстрые темпы старения населения, являются политика ограничения рождаемости, значительное сокращение смертности и рост средней ожидаемой продолжительности жизни.

Таблица 2

Возрастная структура населения КНР (1982—2009 гг.), %

Возрастные группы, лет	1982 г.	1990 г.	2000 г.	2009 г.
0—14	33,6	27,7	22,9	18,5
15—64	61,5	66,7	70,1	73,0
Более 65	4,9	5,6	7,0	8,5

Таблица составлена автором на основе источника: Чжунго тунци чжайяо — 2010 (Китайский статистический справочник — 2010). Пекин, 2010. С. 39.

На 3-й сессии ВСНП 9-го созыва (март 2000 г.) проблемам ограничения роста народонаселения было уделено особое внимание. Премьер Чжу Жунцзи подчеркнул: «Проблема планирования рождаемости является ключевой проблемой устойчивого развития страны. Численность населения огромна, давление роста населения велико. Многие вопросы, связанные с ростом населения, не разрешимы. Необходимо проблемы народонаселения ставить на первое место в стратегии устойчивого развития страны» [12, с. 159].

О необходимости гармонизировать экономическое развитие с народонаселением говорилось на XVI съезде КПК в ноябре 2002 г. Цзян Цзэминь в докладе съезду отметил, что «необходимо на основе развития экономики стимулировать всесторонний прогресс общества, непрерывно повышать уровень людей и обеспечивать им возможность совместно пользоваться результатами развития» [13].

На 2-й сессии ВСНП 10-го созыва (март 2004 г.) председатель Государственного комитета КНР по развитию и реформе Ма Кай, определяя задачи страны на 2004 год, сделал акцент на реализации стратегии продолжительного развития. В её рамках предполагалось «...совершенствовать низовую инфраструктуру планового деторождения и систему обслуживания... усиливать управление плановым деторождением среди мигрирующего населения» [14].

Премьер Госсовета КНР Вэнь Цзябао, выступая 5 марта 2010 г. с докладом о работе правительства на открытии 3-й сессии ВСНП 11-го созыва, подчеркнул, что «предстоит продолжать поддерживать рождаемость на низком уровне». В докладе также говорилось об усилении вмешательства для предупреждения рождения детей-инвалидов, развёртывания бесплатной проверки здоровья женщин до беременности в интересах рождения здорового потомства [15].

Председатель КНР Ху Цзиньтао на Центральном рабочем совещании по вопросам демографии, ресурсов и охраны окружающей среды (10 марта 2010 г.) заявил, что «проработка стратегии развития народонаселения и подготовка среднесрочного и долгосрочного плана развития народонаселения являются одним из приоритетов Китая» [16]. При этом были выделены следующие направления работы: во-первых, усилить изучение стратегии развития народонаселения; во-вторых, совершенствовать теоретический и практический механизм осуществления политики планового деторождения; в-третьих, с повышенным вниманием отнестись к проблеме будущего демографического равновесия страны, т.е. сбалансированности количества новорождённых обоих полов [16].

Несмотря на постепенное увеличение доли женщин в общей численности населения КНР, с 1949 г. по настоящее время разрыв по показателям абсолютной численности мужчин и женщин продолжает расти (табл. 3).

В 1953 г. число мужчин превышало число женщин на 21,6 млн. чел. В 1964 г. разрыв сократился до 18,5 млн. чел., в 1982 г. возрос до 30,7 млн. чел., в 1990 г. — до 36,2 млн. чел., а в 2000 г. — до 41,3 млн. Лишь к 2009 г. он начал

Таблица 3

Соотношение населения КНР по полу (1953—2009 гг.), млн. чел.

Показатель	1953	1964	1982	1990	2000	2009
Общая численность	594,35	694,58	1008,18	1133,68	1265,83	1334,74
Мужчины	307,99	356,52	519,44	584,95	653,55	686,52
Женщины	286,36	338,06	488,74	548,73	612,28	648,22

Таблица составлена автором на основе источников: Чжунго тунцзи няньцзянь — 2003 = Китайский статистический ежегодник — 2003. Пекин, 2003. С. 99.; Чжунго тунцзи чжай-яо — 2010 = Китайский статистический справочник — 2010. Пекин, 2010. С. 39.

постепенно сокращаться и составил 38,3 млн. чел. Растущая диспропорция полов стала следствием столкновения правительственного курса на ограничение рождаемости с традиционной установкой на продолжение рода по мужской линии, с проблемами социального обеспечения по старости. В этой ситуации население стало широко прибегать к выборочным по полу абортam. Серьёзный дисбаланс полов отражается растущей диспропорцией числа женихов и невест. С этой проблемой сталкиваются молодые люди брачного возраста, которые не могут найти себе пару. Возникает соперничество мужчин, а соответственно и обострение различного рода преступлений, совершаемых на сексуальной почве.

На протяжении 2000-х гг. при общей тенденции снижения рождаемости и замедления роста населения (табл. 1) происходит заметная дифференциация демографических показателей по провинциям страны. В последние десятилетия гораздо быстрее снижалась рождаемость в городах по сравнению с сельскими районами, особенно в крупных городах. В 2009 г. показатели рождаемости в них были одними из самых низких по стране — 8,06‰ в Пекине, 8,30‰ в Тяньцзине, 8,64‰ в Шанхае. На таком же уровне они держались в трёх северо-восточных провинциях, повышаясь в центральных и южных районах и по мере приближения к западным границам — от 9,55—12,20‰ в Чжэцзяне, Фуцзяни и Гуандуне и до 15,31‰ в Тибете.

Такая же дифференциация характерна и для показателей естественного прироста населения — от 0,97—3,50‰ в мегаполисах Северо-Востока, до 6,20—10,24‰ на западе страны, что обусловлено более высокой рождаемостью, молодой возрастной структурой и умеренной политикой планирования семьи в западных регионах. Величина коэффициента смертности в последние годы стабильна, существенных различий по территории не наблюдается — он составляет 7,08‰ в среднем по стране с небольшими вариациями по отдельным провинциям [17, с. 43].

Итак, в истории КНР можно выделить четыре этапа осуществления демографической политики. На первом этапе (1956—1961 гг.) преобладали пропагандистские мероприятия, включающие в себя разъяснительную

и организационную работу по ограничению рождаемости. Основное внимание уделялось повышению возраста вступления в брак. Мероприятия оказались малоэффективными, поскольку проводились в основном в городах и почти не затрагивали сельские районы.

В 1962—1978 гг. наряду с пропагандистскими мерами активнее использовались экономические и административные меры воздействия на население, что способствовало повышению эффективности демографической политики. Основными направлениями деятельности по контролю над рождаемостью были ограничение числа детей в семье (не более двух) и повышение возраста вступления в брак. Контроль над рождаемостью привёл к сокращению общего коэффициента рождаемости до 18,25‰ (примерно на 50% по сравнению с периодом 1950-х гг.). Несмотря на то, что в период «культурной революции» мероприятия по ограничению рождаемости не проводились, однако это не повлияло на изменение демографических показателей.

Период 1979—1991 гг. характеризуется тем, что политика стала ориентироваться на экономические и социальные привилегии для малодетных семей и различные формы давления на многодетные семьи, чтобы предотвратить их дальнейший рост. Политика планового деторождения поддерживалась многими горожанами, но в деревне, где проживает большинство населения страны, она встречала значительное сопротивление. В этот период снижение рождаемости и естественного прироста населения несколько затормозилось.

С 1992 г. по настоящее время китайское руководство мобилизовало организационные и финансовые ресурсы для проведения жёсткой демографической политики «одна семья — один ребёнок». Однако при прежней установке на однодетную семью характер её в 1990—2000-е гг. несколько меняется. Акцент в методах её осуществления смещается с административных и различного рода социальных ограничений, хотя они и продолжают существовать, на постепенное осознание населением главной идеи — личной выгоды от ограничения рождаемости. На данном этапе численность населения страны увеличивалась, но коэффициенты его естественного движения стабилизировались, достигнув умеренных величин.

Таким образом, Китай добился значительных изменений в демографическом поведении населения, сдерживании роста его численности. Коэффициент рождаемости в первые годы после образования КНР, сохранявшийся на умеренно высоком уровне — 36‰, уменьшился почти в три раза до 12,3‰ в 2009 г. Коэффициент естественного прироста уменьшился соответственно с 16,00‰ до 5,05‰.

Вместе с тем значительные успехи в ограничении рождаемости привели к возникновению ряда серьёзных социально-демографических проблем, способных затормозить экономический рост, усилить социальную напряжённость, в числе которых старение населения, дисбаланс полов, репродуктивное здоровье женщин и т.п.

## СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баженова Е.С. 1 300 000 000. Население Китая: стратегия развития и демографической политики. М.: ИД «Форум», 2010.
2. Материалы VIII Всекитайского съезда Коммунистической партии Китая. М.: Политиздат, 1956.
3. Лу Юй, Ди Чжэнью. Синь чжунго жэнькоу люши нянь = Шестьдесят лет народонаселению Нового Китая. Пекин: Чжунго жэнькоу чубаньшэ, 2009.
4. Баженова Е.С. Китай в демографическом измерении. М.: Наука, 1992.
5. Демографические проблемы // Народонаселение и экология — ключевые факторы реформ: информ. материалы ИДВ РАН. Сер. Д. М.: ИДВ РАН, 2003.
6. XII Всекитайский съезд КПК. Документы. Пекин: Изд-во лит. на иностр. яз., 1982.
7. Баженова Е.С., Островский А.В. Население Китая. М.: Наука, 1991.
8. XIII Всекитайский съезд Коммунистической партии Китая: документы и материалы. М.: Политиздат, 1983.
9. Цзян Цзэминь. Реформа. Развитие. Стабильность. Статьи и выступления. М.: Об-во дружбы и сотрудничества с зарубежными странами. 2002.
10. Цзян Цзэминь. О социализме с китайской спецификой. М.: Памятники исторической мысли. Т. 2—3. 2004.
11. Закон КНР о народонаселении и планировании рождаемости // Народонаселение и экология — ключевые факторы реформ: информ. материалы ИДВ РАН. Сер. Д. М.: ИДВ РАН, 2003.
12. Китайская Народная Республика в 1999 г.: политика, экономика, культура. М.: ИДВ РАН, 2001.
13. Доклад Цзян Цзэминя на 16-м Всекитайском съезде КПК. [Электронный ресурс]. — URL: <http://chinaconculcate/khb.ru/rus/zgzt/sldzt/t118053.htm> (дата обращения: 23.04.2004).
14. Доклад о выполнении плана экономического и социального развития и о проекте плана экономического и социального развития на 2004 г. «Жэньминь жибао — он-лайн» [Электронный ресурс]. — URL: <http://russian.people.com.cn/31521/2395800.html> (дата обращения: 17.05.2010).
15. Доклад о работе правительства на открытии 3-й сессии ВСНП 11-го созыва. [Электронный ресурс]. — URL: <http://russian.people.com.cn/31521/6919982.html> (дата обращения: 14.12.2010).
16. Доклад на Центральном рабочем совещании по вопросам демографии, ресурсов и охраны окружающей среды. [Электронный ресурс]. — URL: <http://ru.china-embassy.org/rus.xwdt/t82676.htm> (дата обращения: 24.08.2010).
17. Чжунго тунцзи чжайяо-2010 = Китайский краткий статистический справочник — 2010. Пекин: Чжунго тунцзи чубаньшэ, 2010.

## КИТАЙСКИЕ ИСТОРИКИ ОБ АДАПТАЦИИ РОССИЙСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В МАНЬЧЖУРИИ

*Н. П. Гридина,  
кандидат исторических наук*

В статье рассматривается китайская историография проблемы адаптации российской интеллигенции в Маньчжурии в период 1917—1945 гг., анализируются труды китайских исследователей, освещающих роль русской интеллигенции в духовой, культурной и социальной жизни населения Маньчжурии.

**Ключевые слова:** Маньчжурия, китайская историография, эмиграция, адаптация, российская интеллигенция.

### CHINA HISTORIANS ON THE RUSSIAN INTELLECTUALS' ADAPTATION IN MANCHURIA

*N. P. Gridina*

The author reviews china historiography of russian intellectuals' adaptation in Manchuria in 1917—1945, points out its complicity, contradictoriness, form alternativity. The paper analyzes china investigators' works on russian intellectuals' role in mental, cultural and social life of russian diaspora and Manchuria inhabitants.

**Key words:** Manchuria, china historiography, exile, adaptation, russian intellectuals.

Подписание в 1896 г. российско-китайского договора и строительство Китайско-Восточной железной дороги активизировали процесс взаимодействия двух государств в области не только экономики и политики, но и культуры. Проводниками такого взаимодействия стали учёные-эмигранты, исследовавшие Маньчжурию, творческая интеллигенция, пропагандировавшая русскую культуру во всех сферах: литературе, музыке, изобразительном искусстве, театре, балете и т.д.

Маньчжурия для интеллигенции, эмигрировавшей из России, стала не просто территорией выживания, перед ней были поставлены важнейшие проблемы бытия — самосознание и вера, прошлое и настоящее, искусство и гражданственность. Русская эмиграция способствовала проникновению в Маньчжурию достижений европейской материальной и духовной культуры. Здесь возникли и функционировали библиотеки, научные общества, кружки изучения отечественной и местной истории и культуры.

Русские профессора, преподаватели многое сделали для становления, развития и модернизации образования в Маньчжурии, они формировали кадры не только российской, но и китайской интеллигенции. Если в СССР массовое обучение иностранных студентов началось в 60-х гг., то здесь намного раньше. У его истоков стояли русские специалисты, создавшие первые в Восточной Азии подготовительные курсы для китайцев, желавших получить высшее образование в русских вузах Маньчжурии.

Наличие значительного количества научных организаций и объединений в Маньчжурии способствовало смягчению процесса адаптации русских гра-

ждан, не имевших возможности в силу политических обстоятельств вернуться в Россию. Они стремились не только выжить, но и создать научную школу за пределами своей страны, успешно осуществляя научные изыскания. Русские способствовали проникновению в Маньчжурию новых промышленных технологий, новых форм градостроительства и др. Одновременно учились понимать «неведомый» Китай, несмотря на казавшийся на первый взгляд замкнутый образ жизни, постигали своеобразие страны и национальный характер китайского народа, изучали быт и ремёсла, земледельческую культуру и т.д. Деятельность русской интеллигенции в Маньчжурии, с одной стороны, была направлена на сохранение своих культурных традиций, с другой — способствовала ознакомлению с культурой китайского общества. Но в Китае заимствовались и перенимались, прежде всего, плоды материальной культуры, в области духовной было больше закрытости, страна оставалась достаточно консервативной и строго следовала своим традициям.

Тема родины пронизывала творчество всех российских поэтов, писателей, находившихся в Маньчжурии. Это способствовало сохранению российской культуры за пределами Отечества. Сложные условия пребывания в инокультурной среде выдвинули чрезвычайно важную проблему, которая тесно связана с вопросами адаптации и межцивилизационного сближения Востока и Запада. Как свидетельствуют факты, российская интеллигенция в Маньчжурии много сделала для взаимного познания двух культур. Но если научная интеллигенция, хотя и с трудом адаптировалась в чужеродной среде, одновременно помогая в этом своим соотечественникам, то художественная оказалась в более трудном положении. Ощущая себя чужестранкой, она представляла довольно замкнутую общность, строго сохранявшую свои национальные традиции «русскости».

Тем не менее, существовали связи и контакты между деятелями культуры России и теми, кто уехал в Маньчжурию. Так, крупнейшие харбинские издательства долгое время ориентировались на возможный русский рынок. Это было связано и с тем, что русский Харбин начала 20-х гг. прошлого века ещё жил надеждой на примирение с Россией. Дальневосточная эмиграция 20-х гг. не была отделена от Советской России железным занавесом, между ними имелась двусторонняя связь. То, что в этот период появлялось в эмигрантских издательствах Харбина, как правило, становилось достоянием советской прессы.

Русская эмиграция в Маньчжурии по своему социальному и национальному составу оказалась очень неоднородной, в силу этих обстоятельств в ней не было единства, она обладала многими пороками и ошибками. Это порождалось самой обстановкой, в которой происходило формирование эмиграции. Хотя и побеждённая, но не примирившаяся с большевизмом российская эмиграция в Маньчжурии попала в страну с таким политическим укладом, что он не мог не влиять на её дальнейшую жизнь. Многих охватило неверие и подозрительность, что особенно ощущалось в интеллигентской среде. Это отрицательно сказывалось на адаптации интеллигенции. Говоря о влиянии на адаптацию психологической структуры отдельных представителей российской интеллигенции в Маньчжурии в 1917—1946 гг., следует выделить ряд особенностей их социально-психологической адаптации в этом регионе.

1. Состояние психологической раздвоенности — имеется в виду разрыв между реальным положением человека в социальной структуре страны пребывания и устремлениями в прошлое. Многие эмигранты, работая шофёрами, официантами, машинистками, продавцами продолжали считать себя чиновниками, артистами столичных театров, музыкантами. Многие, несмотря на бедность, жили напряжённой интеллектуальной жизнью, к которой привыкли в Москве, Петербурге, недоступной пониманию китайских обывателей. Такого раздвоения личности не знали и не могли знать эмигранты последующих волн.

2. Состояние психологической отверженности и униженности, вызванное материальными и жизненными условиями.

3. Состояние сопричастности с русским языком и русской культурой в её классических образцах. Чувство принадлежности к особой культурной группе, к русской диаспоре со всеми её национальными традициями, жизненным укладом и социокультурой.

С годами всё больше расходились пути эмиграции. И всё-таки не это определяло значение эмиграции в дальневосточном зарубежье. Одной из важнейших её заслуг стало создание за пределами родины (в условиях иной культурной среды) самобытной и многообразной культуры русского зарубежья, в основе которой были высшие духовные достижения дореволюционной России.

Путь адаптации российской интеллигенции в Маньчжурии довольно сложный.

1917—1924 гг. — относительно благоприятное время для попытки адаптации российской диаспоры в условиях достаточно свободной деятельности литературно-художественных кружков, объединений, обществ, культурно-просветительных отделов, способствовавших расцвету эмигрантской культуры в Маньчжурии.

Во второй половине 20-х гг. сильно советское влияние на Маньчжурию и Китай, в результате которого в среде российской интеллигенции усиливается раскол. Многие кружки, студии, журналы, издательства закрылись, создав невозможность самореализации для писателей, поэтов, художников, музыкантов.

Оккупация Маньчжурии Японией и установление на её территории колониального режима усугубили процесс адаптации русских эмигрантов, стал наблюдаться отток российской интеллигенции за границу. После освобождения Маньчжурии от японских захватчиков и гоминьдановцев основная её часть, не пожелав вернуться в Россию, рассеялась по миру.

Каждый из отмеченных периодов имел свои особенности, но одной закономерностью было то, что российская интеллигенция пыталась адаптироваться в условиях иной цивилизации. Эти попытки могли быть более успешными, если бы не политические потрясения внутри Китая, в России, а затем и во всём мире. Война внесла свои коррективы в жизнь российских эмигрантов, покинувших Маньчжурию после её освобождения и обосновавшихся на чужбине.

В российской историографии только начинают издаваться обобщающие труды по проблемам российской эмиграции в Китае, тогда как китайские ис-

следователи уже опубликовали ряд монографий. К сожалению, они не переведены на русский язык и в связи с этим малодоступны российским исследователям. Почти одновременно в Шанхае, Пекине и Харбине были изданы монография Ван Чжичэна «История российской эмиграции в Шанхае», коллективные работы «Ряска в бурю: Русские эмигранты в Китае (1917—1945 гг.)» и «История российской эмиграции в Харбине». В них содержится чрезвычайно интересная информация, позволяющая проанализировать проблемы адаптации русских эмигрантов в Китае и в Маньчжурии в частности.

В монографии Ван Чжичэна рассматриваются вопросы российской эмиграции на примере только одного важнейшего центра — Шанхая, тем не менее, она содержит важные факты, позволяющие сделать обобщённые выводы по проблемам адаптации российской интеллигенции в Китае [1]. Рассматривая историю российской эмиграции с момента появления первых русских эмигрантов, автор уделил особое внимание периоду 20—30-х гг., назвав его временем проблем, но одновременно экономического и культурного расцвета русской эмиграции в Шанхае.

20-е гг. характеризуются Ван Чжичэном как наиболее сложные для русских эмигрантов. Попав в тяжёлое материальное положение, русские не гнушались непристижными работами, а многие из них пытались начать своё дело. С 1926 по 1928 г. только на Авеню Жоффра русские открыли около 20 универмагов, 10 продовольственных магазинов, 30 магазинов готового платья. В 1933 г. русским принадлежало более тысячи торговых и других предприятий. А это в немалой степени способствовало развитию экономики самого Шанхая.

Тридцатые годы характеризуются автором как период расцвета русской культуры в Шанхае. В городе начали работать русский драматический театр, балетная школа, состоящий в основном из русских Шанхайский муниципальный оркестр, первоначально называвшийся оркестром Французской концессии. В Шанхай перебрался из Парижа А. Вергинский. Здесь гастролировал Ф. Шаляпин. В столетнюю годовщину смерти А.С. Пушкина на средства шанхайских русских был сооружён памятник поэту.

Причины раскола российской интеллигенции Ван Чжичэн объясняет не только политической ситуацией, сказавшейся на жизни как русского, так и китайского населения, но и расколом внутри самой эмигрантской среды. Несколько позже в одной из своих статей Ван Чжичэн, касаясь отношений русской эмиграции к советской стране, писал, что вплоть до 30-х гг. в эмигрантской среде преобладали антисоветские настроения, связанные с событиями гражданской войны в России, непризнанием СССР как государства [2]. Он выделял также и другой период в этих отношениях, относящийся к 1933—1941 гг. Это был момент роста государственной мощи и международного авторитета СССР, вызывавший интерес к незнакомой родине подрастающего поколения эмигрантов. С 1941 г. автор отмечает существенные изменения в среде русской эмиграции, когда большая её часть оказалась на стороне советского народа, сражавшегося против немецких захватчиков.

Объектом пристального внимания исследователя в его монографии стали социально-правовой статус русских эмигрантов в Шанхае и в целом в стране,

а также их жизненный уровень, проблема занятости. Китайский исследователь отметил значительный вклад российской интеллигенции в формирование системы среднего и высшего образования в Шанхае, а также в создание общественных и профессиональных союзов, благотворительных организаций, русской православной церкви. Прежде всего, отмечено, что система образования для детей русских эмигрантов создавалась с нуля. Этот процесс шёл по двум направлениям: организация русских школ и учёба русских детей в иностранных школах. В налаживании обучения эмигрантских детей и молодёжи большую роль сыграли общественные организации в области просвещения и работы с детьми. Русское просветительное общество в 1921 г. открыло первую русскую школу в Шанхае. В 1926 г. создано Общество помощи неимущим русским учащимся французского муниципально-го колледжа, в 1932 г. — Общество друзей русской школы, в 1933 г. — Общество родителей и друзей школы Реми, в 1938 г. — Союз русских педагогов.

Автором даются подробные сведения о научно-технических эмигрантских обществах, к которым он относит и Общество русских филателистов, и Общество изучения японского языка, и Русское техническое общество. Упоминает он и о деятельности харбинских эмигрантов в Шанхае. Так, в 1935 г. переехавшие в Шанхай востоковеды из Харбинского института Святого Владимира организовали Шанхайское общество русских ориенталистов, что, несомненно, имело большое значение для распространения востоковедных знаний в русской среде в Шанхае. Кроме того, сами эмигранты были заняты делом, важным не только для каждого в отдельности, но и для российского научного сообщества в целом, что позволяло продолжать развитие востоковедения в тяжелейший период в условиях японской оккупации Северо-Восточного Китая.

В 1977 г. в Пекине была издана коллективная монография «Ряска в бую: Русские эмигранты в Китае (1917—1945 гг.)» — целостное исследование, посвящённое русской эмиграции в Китае [3]. В данной работе предпринята попытка периодизации истории российской эмиграции в Китае. Авторы рассматривают период с XIII по XIX в., когда в Китае появились российские духовные миссии. Затем выделяется период конца XIX в. — 1917 г., когда в Китай прибыло наибольшее число эмигрантов, что было связано с первой мировой войной и установлением советской власти на Дальнем Востоке. В работе исследуются вопросы Белого движения и революционной борьбы трудящихся на КВЖД, а также положение белой эмиграции в период существования Маньчжоу-го, которая в большинстве поддерживала прояпонский режим так называемого «независимого государства».

В монографии впервые особо выделена тема российской еврейской эмиграции в Китае, уделено внимание деятельности российских евреев в Харбине и Шанхае, где сосредоточилась наиболее состоятельная часть еврейской диаспоры. При этом подчёркивается, что в Китае евреи не подвергались гонениям и притеснениям. Что касается коммерческой, финансовой, торгово-промышленной деятельности российских эмигрантов, то из монографии следует, что в Китае имелась благоприятная почва для развития российского предпринимательства, особенно еврейского. В качестве подтвер-

ждения авторы анализируют деятельность Дальневосточного российского банка, харбинских еврейских банков, Дальневосточной кредитной компании, Российского торгового банка в Шанхае и рассматривают вопросы взаимного сотрудничества в области кредитов и займов.

Материалы о еврейской диаспоре русского зарубежья в Харбине появлялись в китайской печати и раньше. Так, в 1922 г. была опубликована статья Ши Яня и Дай Вэя [4], отмечавших, что евреи довольно легко приспосабливались к новым условиям и проявляли высокую активность в коммерческой сфере. Безусловно, этому прежде всего способствовала политика, которую проводили китайские власти по отношению к еврейским эмигрантам: право свободной торговли, пользования кредитами, арендой земли и т.д. Лояльность властей, на наш взгляд, возможно, проявлялась не только потому, что в Китае евреи имели хорошую репутацию, но в большей степени потому, что многие из них обладали весьма солидным капиталом, который способствовал становлению и развитию экономики Харбина и других городов.

Особое место в монографии «Ряска в бурю: Русские эмигранты в Китае (1917—1945 гг.)» отводится оценке вклада российских эмигрантов в развитие образования, культуры и науки в Китае, при этом специально рассмотрены два научных и культурных центра — шанхайский и харбинский. Авторы монографии проделали очень важную работу, составив каталог книг, изданных русскими эмигрантами в Китае в 1900—1949 гг. (всего 908 наименований), а также газет (177 наименований) и журналов (298 наименований).

Из обеих монографий следует, что российская эмиграция в Китае находилась в весьма благоприятных условиях на протяжении исследуемого периода, даже в годы японской агрессии русским приходилось легче, чем китайскому населению. На самом деле это утверждение нельзя считать бесспорным, о чём свидетельствуют материалы, собранные и использованные нами. Безусловно, часть российских эмигрантов, преуспевающих в бизнесе, находила в Китае свою нишу. Но именно она одной из первых покидала страну, как только возникала сложная военно-политическая ситуация, сопровождавшаяся ужесточением по отношению к русскому населению, в том числе и к состоятельным лицам, особенно в период образования «независимого» Маньчжоу-го, когда усилился отток российских эмигрантов. А к моменту создания советских районов в Китае основная часть богатых предпринимателей, как русских, так и евреев, была далеко за его пределами.

В монографии «История российской эмиграции в Харбине», изданной в 1998 г., анализируется подоплёка возникновения эмиграции в Китае, в частности, проникновение капиталов западных держав в Китай, расширение экспансии империалистической России и строительство КВЖД [5]. Авторы рассматривают этапы переселения российских эмигрантов в Китай, в том числе период строительства КВЖД. В отличие от предыдущей работы в данном исследовании предлагается иная периодизация истории российской эмиграции по этапам: XIX в. — до 1904 г.; 1904—1914 гг. и 3-й этап — с 1917 г. В работе описывается положение российских эмигрантов (советские эмигранты, не имеющие гражданства, белоэмигранты), их взаимоотношения с прояпонской администрацией, подчёркивается, что для всех

Харбин стал последним оплотом, пристанищем послереволюционных потрясений в России и в последующие годы. При этом проводится та же идея, что и в предыдущих работах: в период до образования КНР российская эмиграция и российский бизнес не притеснялись китайскими властями. Вместе с тем подчёркивается важный вклад россиян в развитие культуры Китая.

В этой монографии систематизированы сведения о количестве российских эмигрантов в Харбине, в том числе имевших советское гражданство. Они представлены в таблице указанной работы (период с 1898 по 1988 гг.). Кроме того, в работе приведены сведения о российских публикациях в Харбине, в частности, перечислены 224 наименования журналов, а также все печатные издания, выходившие в Харбине с 1900 по 1945 г. (512 наименований с полными выходными данными).

Авторы монографии приходят к выводу, что роль и влияние российской эмиграции в Китае не были однозначными.

1. Россияне сыграли важную роль в экономическом развитии Маньчжурии, стимулируя развитие капитализма.

2. Используя современные знания науки и культуры, российские эмигранты сделали серьёзный вклад в изучение политики, экономики, философии, культуры, литературы, географии, этнографии Китая. Их деятельность способствовала познанию Китая западным миром, стимулировала взаимопонимание двух культур — русской и китайской, укрепляла сотрудничество.

3. Российская эмиграция оказала положительное влияние на развитие рабочего и революционного развития в Китае, чрезвычайно важна роль российских эмигрантов в борьбе с фашистской Германией.

Российская эмиграция, по мнению исследователей, может быть рассмотрена и с других позиций.

1. При заключении неравноправных договоров российская эмиграция получала в Китае большие доходы, что подрывало интересы китайского народа.

2. С появлением в Харбине русских эмигрантов общественный порядок в городе был нарушен. Образовывались многочисленные партии и объединения, не подчинявшиеся никаким законам. Получили распространение фашистские и анархистские идеи. В среде эмиграции произошёл раскол в связи с установлением советской власти в полосе отчуждения КВЖД и принятием советского гражданства частью эмигрантов. Харбин стал центром борьбы белых и красных.

3. В Харбине имели хождение самые разнообразные русские денежные знаки, выпускаемые в послереволюционный период, что также подрывало экономические и общественные порядки.

4. В среде белой эмиграции вызревали идеи футуризма, символизма, способствовавшие возникновению социальной напряжённости в Харбине. Усугубляли ситуацию пьянство, наркомания, разбой, безработица среди российских эмигрантов.

5. Часть российских эмигрантов поддерживала прояпонский режим, установленный на территории Маньчжурии, что нарушало интересы китайского народа в борьбе против японского империализма.

Авторы отмечают, что в настоящее время такое явление, как русская эмиграция, уже исчезло, но историческая оценка его необходима. Представленная работа, по их мнению, — это только начало исследований.

В 2001 г. в издательстве Хэйлунцзянского университета появился труд китайского профессора Дяо Шаохуа «Литература русского зарубежья в Китае (Харбин — Шанхай). Библиография (список книг и публикаций в периодических изданиях)» [6]. Автор систематизировал все имеющиеся данные по литературным публикациям русских эмигрантов. Это была лишь первая попытка работ подобного плана в китайской историографии.

Появление работ китайских авторов по проблеме российских эмигрантов в Китае, на наш взгляд, даёт возможность активизировать деятельность российских исследователей, высказать свою точку зрения в статьях и монографиях. В обеих странах сейчас имеются широкие возможности для изучения тем, закрытых в прежние времена, в том числе и о русской эмиграции в Китае. Двустороннее исследование данной темы позволит объективно установить причины появления русской эмиграции в Китае, а также в отдельных его регионах, в том числе на Северо-Востоке, а также уяснить причины, затруднявшие адаптацию россиян в инокультурной среде. Этому в определённой степени способствуют публикации других китайских исследователей, вышедшие на русском языке, в частности, статьи Ши Фана, Чжу Юнчжэня и Ян Вэймин, Го Яншуня и др. [7]

Таким образом, несмотря на то, что фундаментальных трудов по истории российской эмиграции в Китае вышло немало, имеющиеся исследования позволяют сегодня проанализировать длительность и многоступенчатость процесса адаптации российской интеллигенции в Маньчжурии в 1917—1946 гг., его противоречивость и неоднозначность.

#### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ван Чжичэн. Шанхай эцяо ши = История российской эмиграции в Шанхае. Шанхай: Шанхай саньянь шудянь, 1993. — 832 с.
2. Гудошников Л., Трошинский П. Китайский исследователь Ван Чжичэн об истории шанхайской ветви русской эмиграции // Проблемы Дальнего Востока. 2004. № 4. С. 153.
3. Ли Синчэн, Ли Жэньнянь и др. Фэн юй фупин. Эго цюолинь цзай чжунго (1917—1945). = Ряска в бурю: Русские эмигранты в Китае (1917—1945). Пекин: Чжуньян бяньи чубаньшэ, 1997. — 536 с.
4. Ши Янь, Дай Вэй. Ютай Жэнь ицзюй Хаэрбин ды лиши юй цзоюн = История и деятельность еврейской диаспоры в Харбине // Бэйфан вэньу. 1992. № 2. С. 90—92.
5. Ши Фан, Гао Лин, Лю Шуан. Хаэрбин эцяо ши = История российской эмиграции в Харбине. Харбин: Хэйлунцзян жэньминь чубаньшэ, 1998. — 608 с.
6. Дяо Шаохуа. Чжунго (Хаэрбин — Шанхай) эцяо цзоцзя вэньсянь цуньму = Литература русского зарубежья в Китае (Харбин — Шанхай). Библиография. (Список книг и публикаций в периодических изданиях). Харбин, 2001. — 256 с.
7. Ши Фан. Иммигранты в районе Хэйлунцзяна // Россия и АТР. Владивосток, 1992. № 2. С. 81—95; Чжу Юнчжэн, Ян Вэймин. Русские в провинции Цзилинь // Россия и АТР. Владивосток, 1995. № 2. С. 62—65; Го Яншунь. Русские эмигранты в Северо-Восточном Китае в годы гражданской войны // Россия и АТР. Владивосток, 1994. № 2. С. 93—97.

## МУЗЫКАЛЬНОЕ КИТАЕВЕДЕНИЕ В РОССИИ: ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОБЛЕМЫ

*В. А. Королёва,*  
кандидат исторических наук

Статья посвящена проблеме истории отечественного научного знания о музыке Китая (от втор. пол. XVII в. до начала XXI в.) и встречных процессов со стороны деятелей музыкальной культуры Китая.

**Ключевые слова:** культура, история, искусство, музыка, театр, Россия, Китай, Дальний Восток.

### MUSICAL SINOLOGY IN RUSSIA: THE HISTORIOGRAPHY

*V. A. Koroleva*

The article covers the evolution of Russian scientific knowledge of Chinese music (from 2nd part of XVIIth century till the beginning of XXIth century) and the commencement of similar activity on the part of Chinese musicians. The evolving dialogue between the musicians builds the framework of the common cultural area.

**Key words:** culture, history, arts, music, theatre, Russia, China, Far East.

### 1. НАЧАЛЬНЫЙ (ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЙ) ПЕРИОД ИЗУЧЕНИЯ МУЗЫКАЛЬНОГО ИСКУССТВА КИТАЯ В РОССИИ (вторая половина XVII — начало XX в.)

Генезис российского музыкального китаеведения детерминирован ходом развития и взаимодействием двух научных направлений — отечественного востоковедения и музыкознания. В то же время формированию оригинальной научной отрасли способствовал восточный вектор государственных интересов, всё отчётливее проявлявшийся на протяжении XVIII—XIX вв., а затем и в последующее время.

Напомним, что в процессе движения русских на восток участвовали представители различных социальных слоёв: «государевы люди» — первопроходцы, члены дипломатических миссий, представители администрации, купцы, крестьяне-переселенцы, исследователи-путешественники, деятели культуры, учёные, журналисты и др. И все они в той или иной мере включались в процесс освоения нового пространства музыкальной культуры.

Многие из посланцев владели пером, фиксировали свои впечатления, высказывали наблюдения в виде страно-и бытоописательных заметок путешественников, купцов и посольских лиц, интенсивно развивая таким образом музыкальное востоковедение. Так, в русских периодических изданиях стала публиковаться разного рода информация исторического, этнографического характера. Первых исследователей интересовали, прежде всего, явления, которые привлекали своей экзотичностью. В литературе того времени преобладали зарисовки музыкального быта народов, обычаев, обрядов. Описывались музыкальные инструменты, способы игры на них и т.п. И в этом

отношении весьма интересны изданные в 1923 г. в Петрограде «Материалы для библиографии русской литературы по изучению шаманства североазиатских народов» А.А. Попова [8, с. 238; 33].

Новая веха в развитии музыкального китаеведения связана с деятельностью христианских священнослужителей. Главным центром отечественного китаеведения на протяжении более 100 лет (с 1727 по 1866 гг.) была Российская духовная миссия в Пекине. В состав миссии, менявшийся раз в 10 лет, помимо священнослужителей входили студенты-стажёры и лица вспомогательного персонала: учёные-естествоиспытатели, врачи, инженеры, художники и другие специалисты, нацеленные на изучение природы и культуры Китая. Так начала складываться плеяда отечественных китаеведов. Яркий след в науке оставила деятельность о. Палладия Кафарова (1817—1878), возглавлявшего несколько миссий и проведшего на Дальнем Востоке в общей сложности 33 года. С его именем связано начало освоения культурного наследия Китая [23, с. 22—23].

Научные труды Никиты Яковлевича Бичурина (1777—1853), который руководил духовной миссией с 1897 по 1821 г., заложили фундамент всех будущих китаеведческих дисциплин — истории, философии, религиоведения, искусствоведения [2]. В исследованиях Н.Я. Бичурина можно найти абзацы, а то и целые страницы о музыке: называются музыкальные инструменты («музыкальные орудия»), раскрывается роль музыки в жизни людей («при погребении сопровождают гроб с бубнами, музыкой и плясками»). Записаны даже несколько текстов песен. Одну из них сложила китайская царевна, ставшая женой царя кочевников усуней, обитавших вдали от её родины — в центре Тянь-Шаня. Эта поэтичная, грустная, идущая от сердца песня:

Выдали меня родственники  
В далёкую сторону;  
Отдали в чужое царство  
За усуньского царя,  
Живёт он в круглой хижине,  
Обтянутой войлоком;  
Питается мясом,  
Пьёт молоко.  
Как вспомню об Отчизне, —  
Сердце изнывает.  
Желала бы диким гусем быть,  
Чтоб возвратиться на родину [8, с. 211—212].

В труде основоположника отечественной китаеведческой школы учёного, академика, китаевода Василия Павловича Васильева «История древности восточной части Средней Азии от X до XIII века» содержится описание придворной капеллы Чингиз-Хана со слов находившегося при нём китайского посланника Мэн Хуна: «Когда Царь выступает в поход, за ним следует женский оркестр из 17 или 18 красавиц, весьма искусных в игре. Они играют на 14-струнном инструменте. В знак каданса бьют в ладоши: музыка весьма низкая» [3; 8, с. 212].

Исследование В.П. Васильевым различных аспектов древнейшего китайского источника «Ши-Цзин» — «Книги песен», относящейся к XII—XI вв. до н.э., предлагает музыковедам материал для построения концепций о звучании «Книги песен» [4; 8, с. 225].

Замечательному Китаеведу В.П. Васильеву принадлежат высказывания, обращённые против европоцентристских концепций: «Кто внимательно присматривался к Востоку, тот не станет смело и гордо утверждать, что всё может решить сам собою надменный Запад... Мы живём на границе той эпохи, в которой скоро исчезнет это разъединение...» [8, с. 186]. Необходимость пересмотреть привычные концепции «западной гегемонии», «европоцентризма» была глубоко осознана и публично высказана его учеником российским учёным Сергеем Михайловичем Георгиевским (1851—1893) в 1890 г. в монографии «Важность изучения Китая» [23, с. 26, 32].

Безусловно, публикации первых исследователей Китая, и, тем паче — научные труды выдающихся представителей академической школы Китаеведения, оказали большое влияние на формирование музыкального Китаеведения и историографии научного направления.

Заметки и статьи, центром внимания которых являлась собственно восточная музыка, появлялись в России преимущественно в общих журналах и были довольно поверхностными. К примеру, во второй половине XIX в. в «Русском инвалиде», «Биржевых новостях», «Русском мире», «Живописном обозрении», а также в литературных прибавлениях к «Нувелисту» помещены материалы о музыке японцев, китайцев и др. [8, с. 220, 222].

За четвертьвековую историю издания (с 1894 г.) «Русская музыкальная газета» напечатала около трёх десятков статей относительно различных аспектов восточной музыки [8, с. 220]. Такие сведения нашли воплощение в 6-томном труде «Музыкальная библиография русской периодической печати XIX века» [25], а также в 2 т. «Русской музыкальной культуры XVIII века» замечательного учёного, музыковеда Тамары Николаевны Ливановой (1909—1986) [26].

На протяжении второй половины XIX — начала XX в. растущий интерес русского общества к Востоку и восточной музыке нашёл отражение в ряде появившихся учебных пособий по истории музыки — «Очерках всеобщей истории музыки» [35] и музыкальной хрестоматии «Краткая музыкальная историческая хрестоматия с древнейших времён до XVII века включительно» Л.А. Саккетти (1852—1916) [36]; «Очерках истории музыки от древнейших времён до половины XIX в.» А.С. Размадзе (1845—1896) [34]; а также «Истории музыки» В.А. Чечотта (1846—1917) [50]. Профессиональный уровень названных работ у современников имел разные оценки. Эти авторы отдавали предпочтение рассмотрению ладовой системы древних греков, а остальным, в т.ч. древним китайцам, японцам и др. уделялось от ряда строк до нескольких страниц. И отношение к музыке Востока русских музыковедов, сторонников европоцентристской методологии, в целом можно охарактеризовать как заинтересованное, хотя и не без противоречивых, порой высокомерных оценок её эстетических качеств [8, с. 233, 238, 239].

Напомним, что все авторы занимались педагогической деятельностью, и опубликованные труды представляли собой материалы переработанных лекционных курсов, читаемых ими в консерваториях. Следовательно, можно сделать вывод о том, что студенты уже в конце XIX в. получали элементарные представления о восточной музыке.

По мере накопления и анализа описательного материала стали появляться более глубокие статьи и исследования. И следующий этап в развитии историографии проблемы представлен работами трёх музыкантов — теоретиков. Статья «Китайская гамма в русской народной музыке» [39], опубликованная в 1886 г. в «Музыкальном обозрении», принадлежит перу украинского композитора, критика, фольклориста, общественного деятеля П.П. Сокальского (1832—1887). В 1889 г. в Санкт-Петербурге издано исследование «Древняя индо-китайская гамма в Азии и Европе» [45] русского музыкального критика, теоретика, композитора (оппонента знаменитой «Могучей кучки») А.С. Фаминцына (1841—1896). Эти работы имели большое значение в процессе развития русской востоковедческой музыкально-теоретической мысли. По мнению музыковеда-востоковеда В.С. Виноградова, примечательны попытки учёных выйти за рамки этнографизма, частных локальных явлений и проблем и подняться к широким теоретическим обобщениям и выявлению традиций, а также признаков, сближающих национальные культуры, в том числе русскую музыку с музыкой Востока. [8, с. 233, 239].

Сейчас работы этих теоретиков, несмотря на спорность их некоторых суждений, представляют большой интерес как ценные исторические документы, в которых нашли отражение существенные тенденции развития музыкального востоковедения и, в частности, китаеведения второй половины XIX — начала XX в.

В результате, на протяжении дореволюционного периода историография музыкального китаеведения нашла своё представление в литературе самых разных жанров, начиная от коротких газетных заметок и репортажей в отделах «Смесь», отдельных упоминаний о музыке в этнографических, исторических, лингвистических трудах и завершая статьями и книгами о собственно музыке. Постепенное увеличение количества такого разнородного материала способствовало тому, что сегодня мы располагаем значительными, но ещё не вполне выявленными и освоенными ресурсами источников. Не все они равноценны, однако это наследие насыщено многими достоверными фактами, обобщениями и выводами, весьма важными и полезными для современного музыкального востоковедения. Вместе с тем исторические и теоретические труды авторов-музыковедов конца XIX — начала XX в. создали основу для перехода русского музыкального востоковедения на новый уровень научного знания и постепенной дифференциации отдельного направления — музыкального китаеведения. Формирование же концепции, обосновывавшей необходимость пересмотра гегемонии европоцентризма и постепенное упрочение её позиции, придавало импульс дальнейшему развитию новых научных направлений, отпочковывавшихся от общего ствола музыкального востоковедения.

## 2. ИСТОРИОГРАФИЯ МУЗЫКАЛЬНОГО КИТАЕВЕДЕНИЯ В ПЕРИОД ПОСЛЕ 1917 ДО 1991 гг.

После Октябрьской революции в условиях советского государства русская музыкальная культура получила последующее развитие в русле чётко обозначенной системы новых идеологических представлений.

Что же касается музыкального китаеведения, то, исходя из хронологии, прежде всего, нужно отметить разработки, касающиеся исторического аспекта, научные труды советского музыковеда Романа Ильича Грубера (1895—1962) — «История музыкальной культуры» [11] и «Всеобщая история музыки» [12], в которых имеются разделы, знакомящие с музыкой Китая. Интерес вызывает и популярная брошюра музыковеда, пианиста Григория Михайловича Шнеерсона (1901—1982) «Музыкальная культура Китая» [53].

Процесс разрушения концепции европоцентризма всё более интенсивным становится после окончания Второй мировой войны. Непосредственное знакомство с внеевропейской культурой (стран Азии и Африки) открывало путь к признанию художественной ценности культуры Востока и окончательному разрушению мифа о гегемонии европейской культуры.

Напомним, что накапливая описательный материал, фиксируя оригинальную музыку, чаще устной традиции, наука о музыкальной культуре Востока обозначенного периода на некоторых этапах нередко выступала под различными названиями смежных отраслей музыковедения — музыкальная фольклористика, музыкальная этнология, сравнительное музыковедение, этномузыкология (или этномузыковедение). И потому автор монографии «Музыка Востока и Запада» Н.Г. Шахназарова — сторонник сравнительного метода в музыковедении, способствующего созданию целостного представления о двух типах культур, утверждает: «Теперь уже не вызывает сомнений, что по содержательной значительности, концептуальности, виртуозности системы музыкально выразительных формообразующих средств искусство устной традиции не уступает профессиональным жанрам европейской музыки и может с равным правом репрезентировать мировую музыкальную цивилизацию» [52, с. 144].

Виктор Сергеевич Виноградов в «Заметках по русскому музыкальному востоковедению» [8] выявляет вклад огромного числа исследователей в развитие различных ветвей отечественного музыкального востоковедения в дореволюционный период и представляет глубокий анализ каждого этапа в развитии отечественного музыкального востоковедения. Эту работу, скромно причисленную автором к жанру «заметок», нужно отнести к ряду фундаментальных по проблеме историографии отечественного музыкального востоковедения.

В другой статье «Б.В. Асафьев о музыке Востока» [9] он анализирует неопубликованную рукопись учёного — «Проблемы Востока в советском музыковедении», написанную в 1930 г., и показывает роль патриарха советского музыковедения Б.В. Асафьева в процессе развития советской музы-

кальной востоковедческой мысли, нацеленной, в первую очередь, на изучение музыкального опыта Советского Востока.

Нужно отдать должное научной и организационной деятельности крупного музыкального и общественного деятеля советского периода В.С. Виногорадова — музыковеда-востоковеда, члена Международного совета народной музыки ЮНЕСКО в 1953 г., главного редактора серии «Музыка народов Азии и Африки». Учёный внёс решающий вклад в развитие музыкального востоковедения.

Монография С.А. Серовой «Пекинская музыкальная драма» (середина XIX в. — 40-е годы XX в.)» содержит интереснейшие сведения о ярком феномене китайского искусства, известного ныне всему миру [37].

В статье Е.В. Васильченко «Музицирование на цине и его место в китайской культуре» содержатся обобщающие исторические и теоретические сведения, способствующие дальнейшему продвижению в познании китайской музыки отечественными исследователями [5]. На основе анализа ресурсов собранной за предшествующее время научной информации этим же автором представлена большая статья «Музыка Китая», содержащая энциклопедически ёмкий, систематизированный и обобщающий обзор развития китайской музыкальной культуры [6].

Особое место среди советских работ послевоенного времени принадлежит статье Ф.Г. Арзаманова «О некоторых особенностях многоголосия в китайской народной музыке» [1]. Автор был командирован в КНР в качестве советника-преподавателя Шанхайской консерватории. В 1956—1958 гг. он занимался педагогической и научно-исследовательской работой в консерваториях Шанхая, Пекина, Тяньцзина, Шеньяна, а также в китайском союзе музыкантов и на основе детального анализа гармонии и полифонии собранного в Китае музыкального материала подготовил глубокое исследование о многоголосии в китайской музыке. Ф.Г. Арзаманов правомерно полагает, что разнообразие выразительных средств и сложность приёмов в китайском народном многоголосии в значительной степени определяется жанровой спецификой. Такая музыка испытала на себе влияние классической местной оперы и старинных инструментальных пьес неизвестных авторов, вокально-драматических диалогов «янгэ», а также хоров некоторых «малых народностей» Китая. Однако при всём разнообразии музыки многочисленных народов Китая Ф.Г. Арзаманов представляет возможным классифицировать приёмы китайского многоголосия по степени их возрастающей сложности: от простого неполифонического дублирования к развитым подголосочно-полифоническим формам [1, с. 241].

Оригинальное, самостоятельное направление в музыкальном китаеведении представляют исследования двух китайских авторов, опубликованные на русском языке в СССР: в 1984 г. — работа исторического направления Хуана Сянпэна «Концертный зал» под землёй, созданный 2400 лет назад» [48], и в 1987 г. глубокое аналитическое историко-теоретическое исследование Цзо Чжэньгуаня «О музыкально-теоретической системе «люй» в китайской музыке» [49].

По мнению Цзо Чжэньгуаня, детальное ознакомление с системой «люй» — основным теоретическим конструктом китайской музыки — является необходимым условием для более глубокого изучения музыкальной культуры Китая. И с ним нельзя не согласиться, поскольку понятие «люй» охватывает целую музыкально-теоретическую систему, занимающую исключительно важное место в музыкознании Древнего Китая. В статье, написанной на китайских источниках, музыковед осуществляет попытку дать общее представление о системе «люй» в её историческом развитии. Попутно автор отмечает, что в российской музыкальной историографии советского периода, по его мнению, отсутствуют специальные работы по истории китайской музыки, в которых система «люй» получила бы должное освещение.

Таким образом, на протяжении периода 1917—1991 гг. изучение китайской музыки обрело организационно-системный характер и положительную структурную динамику, что свойственно активно развивающемуся научному направлению. Необходимо отметить и нарастающую к концу советского периода тенденцию разрушения монополии методологии формационного подхода, позиции европоцентризма и мифа о гегемонии европейской культуры, а также — в качестве одной из заслуг этномузыкологии — признание профессионального «равноправия» музыки Востока и Запада и в отечественном, и в зарубежном музыкознании.

### 3. СОВРЕМЕННЫЙ ПЕРИОД ИСТОРИОГРАФИИ МУЗЫКАЛЬНОГО КИТАЕВЕДЕНИЯ

Начало нового этапа в развитии музыкального китаеведения в России связано с основательным пересмотром прежних исследовательских концепций, наметившемся ещё на протяжении второй половины 1980-х гг. и рождением новых подходов к изучению искусства. И прежде всего необходимо отметить появление научных трудов, созданных на основе методологии цивилизационного подхода, признающего как единство историко-культурного процесса, так и наличие множества уникальных культур (в данном случае — Китая), имеющих свой собственный путь развития, обусловленный естественно-географическими, религиозными, социально-экономическими и др. факторами. Такой подход предполагает выявление и объяснение историко-культурной самобытности Китая путём соотнесения реалий истории и культуры китайцев с общечеловеческими цивилизационными закономерностями и универсалиями.

И здесь в культурологическом направлении исследования проблемы музыкального китаеведения необходимо отметить появление в серии «Мир культуры» первой на русском языке книги «История культуры Китая» учёного-китаеведа М.Е. Кравцовой, в которой представлена полная картина истории развития и состояния культуры Китая от глубокой древности до наших дней [23]. Работа создана на основе китайских источников, автори-

тетной отечественной и зарубежной научной литературы, с учётом новейших теоретико-методологических установок и носит фундаментальный, энциклопедический характер. В специальных разделах книги, представляющей собой учебное пособие, автор рассматривает космологическую семантику и сакральный смысл музыкальных видов искусства в контексте проблемы архаико-идеологической традиции в художественной и материальной культуре древнего и имперского Китая. Учёный уделяет существенное внимание происхождению и истории театрального искусства Китая, важным компонентом которого является музыка, рассматривает основные художественно-композиционные особенности китайской драмы.

В 2001 г. работа А.Ю. Ефимова «Художественная культура Китая» была опубликована в качестве раздела в учебном пособии «Мировая художественная культура» (под ред. Б.А. Эренграсса). Автором в весьма кратком изложении показаны исторический путь развития различных видов искусства — музыки, танцевального и песенно-сказительного, циркового, театра, кино и др. — и значение искусства как системообразующей доминанты культуры [14].

В статьях «Связь этики и онтологии в философии Ван Аньши» [15] и в комментариях к собственному переводу статьи Ван Аньши «Рассуждения о ритуале и музыке» [16] А.Б. Калкаева обращается к проблеме философского осмысления феномена музыки в дальневосточной цивилизации (Сборник научных трудов молодых специалистов востоковедов-философов Института Дальнего Востока РАН «Человек и духовная культура Востока», вышедший из печати в 2003 г.).

Нужно отметить, что на современном этапе научные труды востоковедов внесли значительный вклад в развитие отечественного музыкального китаеведения.

Предметом исследования Е.В. Васильченко «Музыкальные культуры мира», опубликованного в 2001 г., явилась традиционная музыкальная культура различных племён и народов, в т.ч. и музыкальная культура китайцев. Значительный раздел книги посвящён истории становления этномузикологии как науки [7].

Монография У Ген Ира «Введение в музыку стран Дальнего Востока» [40] является фундаментальным исследованием по изучаемой проблеме, в котором впервые в отечественном музыковедении столь детально рассматриваются вопросы не только истории, но и теории китайской, корейской и японской музыки. Им впервые в музыкальном востоковедении (а также в отечественном музыковедении, в целом) столь подробно рассмотрена многовековая история музыкального Китая. Исследователь предлагает историческую периодизацию изучаемого феномена, коррелятом и своего рода стержнем которой выступает принцип формирования китайской государственности.

Автор отмечает, что китайская музыкальная культура в разные исторические периоды формировалась во взаимодействии с музыкальными культурами Центральной и континентальной Восточной Азии, островного мира Тихого океана (прежде всего Японии), испытала влияние корейской

музыкальной культуры, а также индийско-буддистских музыкальных традиций, и в некоторой степени — средневосточных (Иран).

В исследовании рассматривается и теория китайской музыки — музыкальный строй, звук, нотация, звукоряд, лад, мелодика, ритм и темп, транспозиция и модуляция, гармония, форма, проблемы классификации музыкального инструментария.

Опираясь на лингвокультурологический экскурс, автор объясняет специфику терминологии музыкальной культуры стран Дальнего Востока тем обстоятельством, что в генезисе музыки Китая, Кореи и Японии сыграла свою роль общность использования обозначений музыкальных жанров китайской иероглификой, которая при одинаковом значении читается каждым народом по-своему. Корейский «аак» (aak) имеет теснейшую связь с китайским «яюэ» или «яве» (ya-yueh) и они в свою очередь оказали сильнейшее влияние на японский «гагаку» (gagaku). При этом и Корея, и Япония имеют собственный письменный язык. Таким образом, исследователь определяет в музыкальной культуре Кореи и Японии наличие «двуязычности»: в приведённых выше терминах, каждый из которых состоит из двух слов-иероглифов (я+юэ, а+ак и га+гаку), юэ, ак и гаку означают — «музыку». В данном значении юэ, ак, гаку применяются и в следующих словосочетаниях, например: юэ-цзи (книга о музыке), (тогаку танская музыка), чонъак (классическая музыка) и других. Однако, значение юэ, ак, гаку можно трактовать и шире: «радость», «наслаждение», «искусность» и др. Подобное смысловое содержание следует учитывать при использовании их в качестве терминов, обозначающих виды и жанры театрального искусства. Например, японское слово бугаку следует понимать не как «музыку танца», как обычно принято, а как «танцевально-театральное искусство», в котором танец и музыка играют равнозначную роль.

В итоге исследователь У Ген Ир приходит к важному выводу, для подтверждения убедительности которого апеллирует к специфике развития театрального искусства в странах дальневосточного региона — *искусство театра всегда было синтетическим жанром и является одной из областей музыкальной культуры* (выделено мной — В.К.). Для конкретизации же выражения музыки в собственном значении этого слова в качестве приставки к слову юэ, ак, гаку, обозначающему радость, наслаждение и т.д. присоединяется *ин, ым, он*, что означает «звук». В результате: *инюэ* — по-китайски, *ымак* — по-корейски, *онгаку* — по-японски — дословно означает «наслаждение звуком», «искусный звук», «искусство звука» и т.д. Однако, несмотря на общую корневую систему генезиса музыкального искусства Китая, Японии и Кореи, китайская, японская и корейская музыкальные культуры, как и сами страны, обладают уникальным характерным обликом. В монографии «Традиционная музыка (Китай, Корея, Япония)», изданной в Санкт-Петербурге в 2005 г., У Ген Иром материал переработан и дополнен [41].

Значительный интерес исследователей вызывают особенности развития художественной культуры китайцев на Дальнем Востоке России в период 1860-х — конца 1930-х гг.

В.А. Королёва в контексте изучения проблемы регионального культурного образа Дальнего Востока России (на материалах музыкальной культуры) рассматривает различные аспекты музыкального и театрального творчества китайцев в работах «Китайский и корейский театры на Дальнем Востоке России» [18], «Русские музыканты в Китае» [19], «Китайские театры на Дальнем Востоке России» [20] и др.

Художественное творчество китайцев на Дальнем Востоке России рассматривается В.А. Королёвой в качестве одного из важнейших факторов формирования многополярного культурного мира самого молодого российского региона. Автор изучает процессы «культурного диалога» Востока и Запада на примерах деятельности китайских и корейского театров Владивостока и называет данный феномен оригинальным признаком региональной культуры «далёкой окраины» России 1860-х — конца 1930-х гг.

По мнению автора, представленный исторический опыт весьма актуален и в современных условиях, он позволяет в более широком географическом аспекте на принципах полилога выстраивать многообразный и многомерный художественный мир единого культурного пространства Азиатско-Тихоокеанского региона.

К похожей позиции можно отнести концепцию исследователя из Китайской Народной Республики (г. Пекин) Хань Ин. В работах «Развитие романа в Китае как влияние музыкальной культуры России» [46] и «Чжао Юаньжэнь как создатель романсов в Китае (единое пространство культуры)» [47] рассматриваются проблемы взаимодействия европейской и китайской музыкальной культуры на материалах творчества современных китайских композиторов. Рассуждения автора опираются на результаты исследований предшественников — китайских учёных, музыковедов историков и теоретиков, исследования которых необходимо включить в самостоятельное направление историографии проблемы: Цзо Чженьгуаня («О музыкально-теоретической системе «люй» в китайской музыке») [49], Ван Гуанси («Изучение музыкально-теоретических систем Востока и Запада» [54], Ван Даяня («Главные направления развития китайского романа в новый период») [55], Ван Юйхэ («Новая история Китая») [56], Ян Жуйшина («Ретроспектива 100-летия романа в Китае») [57], Ян Инъю («Очерки по истории китайской музыки (Чжунго иньюэ жиган)» [58] и «Очерки по истории древней китайской музыки (Чжунго гудай иньюэ шиган)» [59].

Подводя итоги, можно отметить, что история музыкального китаеведения в России как самостоятельного научного направления насчитывает относительно небольшой срок. Однако, формируясь как в рамках отечественного музыкального востоковедения, так и в русле поисков и достижений исторической мысли, философских, культурологических, этнографических исследований, эта проходящая очередные этапы развития научная сфера показала достаточно выраженную положительную динамику постоянно расширяющегося спектра исследовательских интересов российских и китайских специалистов. Отметим рождение новых направлений в развитии музыкального китаеведения, обусловленное возрастающим вниманием

российских специалистов-гуманитариев к самобытности феномена китайского искусства музыки и театра в контексте изучения истории российской региональной дальневосточной художественной культуры. Необходимо подчеркнуть, если в дооктябрьский, и советский периоды авторское видение проблемы находилось преимущественно в ракурсах европоцентристского, формационного подходов, то на современном этапе специалисты-гуманитарии использовали преимущественно цивилизационный подход. На всём протяжении современного этапа развития российского музыкального китаеведения совместными усилиями российских и китайских специалистов всё активнее проявляется тенденция к изучению диалога-взаимодействия культур соседствующих в Азиатско-Тихоокеанском регионе государств — России и Китая.

#### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арзаманов Ф.Г. О некоторых особенностях многоголосия в китайской народной музыке // Музыка народов Азии и Африки: сб. статей. сост. и ред. В.С. Виноградов. М.: Сов. композитор, 1987. Вып. 5. С. 241—256.
2. Бичурин И.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 1—3. М.; Л., 1950—1953.
3. Васильев В.П. История и древности восточной части Средней Азии // Труды вост. отд. Имп. русск. арх. общества. Ч. IV. СПб., 1859. С. 194.
4. Васильев В.П. Материалы по истории китайской литературы. СПб., 1888.
5. Васильченко Е.В. Музицирование на цине и его место в китайской культуре // Музыкальные традиции стран Азии и Африки: сб. науч. ст. М., 1986. С. 99—130.
6. Васильченко Е.В. Музыка Китая // Музыкальный энциклопедический словарь / гл. ред. Г.В. Келдыш. М.: Изд-во «Советская энциклопедия», 1990. С. 50—251.
7. Васильченко Е.В. Музыкальные культуры мира. М., 2001. С. 9—29.
8. Виноградов В.С. Заметки по русскому музыкальному востоковедению // Музыка народов Азии и Африки: сб. статей. сост. и ред. В.С. Виноградов. М.: Сов. композитор, 1987. Вып. 5. С. 182—240.
9. Виноградов В.С. Б.В. Асафьев о музыке Востока // Музыка народов Азии и Африки... С. 8—14.
10. Волкова С.П. Отражение особенностей музыкального мышления китайцев в специальной терминологии: дис. ... канд. искусствовед. наук. Москва, 1990. Рукопись.
11. Грубер Р.И. История музыкальной культуры. М.; Л., 1941. Т. 1. Ч. 1—2; Т. 2. Ч. 1—2. М., 1953—1959.
12. Грубер Р.И. Всеобщая история музыки. М., 1956; 1965. Ч. 1.
13. Дрожжина М.Н. Молодые национальные композиторские школы Востока как явление музыкального искусства XX века. Новосибирск: Консерватория им. М.И. Глинки, 2004.
14. Ефимов А.Ю. Художественная культура Китая // Мировая Художественная культура. Б.А. Эренграсс, В.Р. Арсеньев, Н.Н. Воробьев и др.; под ред. Б.А. Эренграсс. М.: Высшая школа, 2001. С. 513—533.
15. Калкаева А.Б. Связь этики и онтологии в философии Ван Аньши // Человек и духовная культура Востока. Альманах. М.: Изд-во «ОГНИ», 2003. Вып. 1. С. 83—104.
16. Калкаева А.Б. Комментарии и перевод статьи Ван Аньши «Рассуждения о ритуале и музыке» // Там же. С. 143—154.

17. Ключко С.И. «Текстологический анализ партитурной нотации первой оды из Шицзин «Гуань Цзюй» (о специфике графем и детерминативов) // Культура Дальнего Востока России и стран АТР: Восток — Запад: материалы. науч. конф. 24—25 апр. 2002, 2003 гг. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2004. Вып. 9, 10. С. 248—261 и др.
18. Королёва В.А. Китайский и корейский театры на Дальнем Востоке России // Россия и современный мир. 2002. № 2 (35). С. 176—182.
19. Королёва В.А. Русские музыканты в Китае // Россия и АТР. Владивосток, 1999. № 3. С. 103—107.
20. Королёва В.А. Китайские театры на Дальнем Востоке России // Северо-Восточная Азия: Проблемы регионального взаимодействия. (История и современность) // Труды Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН. Серия «Востоковедение». Владивосток: Дальнаука, 2003. Т. 12. С. 104—116.
21. Королёва В.А. Синтез искусств как мировоззренческая проблема Дальневосточного национального театра 1880—1930-х гг. // Взаимодействие искусств на рубеже веков: материалы науч.-практ. конф., посвящ. 70-летию Примор. академ. краев. театра драмы им. М. Горького. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2002. С. 11—26.
22. Королёва В.А. Музыка и театр корейцев на Дальнем Востоке России 1860—1937. Диалог истории и искусства. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2008. 328 с.
23. Кравцова М.Е. История культуры Китая. Изд. 3-е, испр. и доп. СПб.: Изд-во «Лань», 2003. С. 123—137, 342—347.
24. Лехнер Л.Л. Современное положение в китайском музыкальном образовании и перспективы его развития в XXI в. // Культура Тихоокеанского побережья: материалы IV Междунар. науч.-практ. конф. 19—22 окт. 2007 г. Владивосток: Изд-во Дальневост. техн. ун-та, 2007. С. 121—128.
25. Ливанова Т.Н. Музыкальная библиография русской периодической печати XIX века: в 6 т. М., 1960—1979.
26. Ливанова Т.Н. Русская музыкальная культура XVIII века. Т. 1—2. М., 1952—1953. С. 294—295.
27. Лупинос С.Б. Канон в музыкальной культуре Японии // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2005. № 3 (7). С. 29—37.
28. Лупинос С.Б. Ладовое мышление японцев. Проблема этнических контактов // Культура Дальнего Востока XIX—XX вв.: сб. науч. тр. Владивосток: Дальнаука, 1992. С. 145—158.
29. Лупинос С.Б. Музыкальное наследие Японии: Традиционная модель мира и музыкальное мышление // Этнос и культура. Владивосток: Дальнаука, 1994. С. 155—194.
30. Лупинос С.Б. Феномен ладового объёма как модуль единораздельности лад — фактура — форма в музыкальных культурах Востока и Запада: опыт постановки проблемы // Познавая историю музыки прошлого: сб. ст. в честь Евгения Владимировича Герцмана / отв. ред. Е.М. Алкон. Владивосток: Дальнаука, 2007. С. 112—123.
31. Lupinos S.B. Canon in the musical cultures of China, Korea and Japan // Asian musicology. 2007. Vol. 11. P. 43—59 и др.
32. Полуэктова О.В. Китайская дворцовая музыка эпохи Тан из японских источников (структурно-аналитический аспект): автореф. дис. ... канд. искусствовед. Новосибирск, 1999.
33. Попов А.А. Материалы для библиографии русской литературы по изучению шаманства североазиатских народов. Пг., 1923.
34. Размадзе А.С. Очерки истории музыки от древнейших времён до половины XIX века. М., 1888.
35. Сакетти Л.А. Очерки всеобщей истории музыки. СПб., 1883.
36. Сакетти Л.А. Краткая музыкальная историческая хрестоматия с древнейших времён до XVII века включительно. СПб., 1896.
37. Серова С.А. Пекинская музыкальная драма (середина XIX в. — 40-е годы XX в.). М., 1970.

38. Сисаури В.И. Китайская ритуальная музыка и кризис конфуцианских музыкальных концепций в эпоху Тан // Музыкальная коммуникация: сб. науч. тр. СПб., 1996. Вып. 8.
39. Сокальский П.П. Китайская гамма в русской народной музыке // Музыкальное обозрение. 1886. № 26, 27, 28.
40. У Ген Ир. Введение в музыку стран Дальнего Востока. (Китай, Корея, Япония). Петрозаводск, 2002. 185 с.
41. У Ген Ир. Традиционная музыка (Китай, Корея, Япония). СПб., 2005.
42. У Ген Ир. К вопросу классификации *гугак* (Из истории корейской национальной музыки). Петрозаводск, 1996.
43. У Ген Ир. О корейской традиционной музыке // Музыкальная академия. 1998. № 2.
44. У Ген Ир. Ещё раз к проблеме Olient Lux: об изучении музыкальной культуры Японии // Междисциплинарный семинар-3. Петрозаводск, 2000 и др.
45. Фаминцын А.С. Древняя индо-китайская гамма в Азии и Европе. СПб., 1889.
46. Хань Ин. Развитие романса в Китае как влияние музыкальной культуры России // Культура Тихоокеанского побережья: материалы IV Междунар. науч.-практ. конф. 19—22 окт. 2007 г. Владивосток: Изд-во Дальневост. техн. ун-та, 2007. С. 81—85.
47. Хань Ин. Чжао Юаньжэнь как создатель романсов в Китае (единое пространство культуры) // Культура Дальнего Востока России и стран АТР: Восток — Запад: материалы науч. конф. 29—30 апр. 2008. Владивосток: Изд-во ТГЭУ, 2008. Вып. 15. С. 96—98.
48. Хуан Сянпэн. «Концертный зал» под землёй, созданный 2400 лет назад // Культуры (ЮНЕСКО). 1984. № 4.
49. Цзо Чженьгуань. О музыкально-теоретической системе «люй» в китайской музыке // Музыка народов Азии и Африки: сб. статей / сост. и ред. В.С. Виноградов. М.: Сов. композитор, 1987. Вып. 5. С. 257—272.
50. Чечотт В.А. История Музыки. Киев, 1890.
51. Чжен И.А. О некоторых тенденциях развития профессиональной музыки в Китае в XX веке (к вопросу межкультурного взаимодействия) // Культура Тихоокеанского побережья: материалы IV Междунар. науч.-практ. конф. 19—22 окт. 2007 г. Владивосток: Изд-во Дальневост. техн. ун-та, 2007. С. 157—160.
52. Шахназарова Н.Г. Музыка Востока и Запада. М., 1983.
53. Шнеерсон Г.М. Музыкальная культура Китая. М., 1952.

#### На китайском языке

54. Ван Гуанси. Изучение музыкально-теоретических систем Востока и Запада // Дунси юэчжи яньцзю. Тайвань: Изд-во Чжунхуа, 1972.
55. Ван Даянь. Главные направления развития китайского романса в новый период // Китайское музыковедение. 2002. № 4.
56. Ван Юйхэ. Новая история Китая. Пекин: Изд-во Худавэнь, 1991.
57. Ян Жуйшин. Ретроспектива 100-летия романса в Китае // Музыкальное искусство. 2000. № 4.
58. Ян Инью. Очерки по истории китайской музыки = Чжунго иньюэ жиган. Пекин, 1955.
59. Ян Инью. Очерки по истории древней китайской музыки = Чжунго гудай иньюэ шиган. Пекин, 1980.
60. Словарь китайской музыки = Чжунго иньюэ цыдянь. Пекин: Жэньминь иньюэ чубаньшэ, 1984.
61. Сюй Чжихэн. Краткая история китайской музыки = Чжунго иньюэ сяоши. Тайвань: Изд-во Шаньу, 1969.
62. Чжунго иньюэ цылянь = Китайский словарь музыкальных терминов. Пекин: Жэньминь иньюэ чубаньшэ, 1985.

## СОДЕРЖАНИЕ

### I. ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ

<b>Ларин В.Л.</b> «Горячие точки» российско-китайских отношений в современной китайской исторической и экономической мысли . . . . .	5
<b>Рябченко Н.П.</b> Советская модель социализма: её оценка и критика в КНР. . .	24
<b>Каретина Г.С.</b> Политика губернатора Синьцзяна Шэн Шицая (1933—1939 гг.) в оценках историков . . . . .	53

### II. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

<b>Забровская Л.В.</b> Анализ политики России и Китая в отношении КНДР в работах китайских учёных (начало XXI в.) . . . . .	68
<b>Иванов С.А.</b> Изучение проблем современного приграничного и межрегионального сотрудничества Востока России и Северо-Востока Китая (по материалам журнала «Сиболия яньцзю») . . . . .	78

### III. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

<b>Романова Г.Н.</b> Китайская историография экономических отношений Дальнего Востока России и Северо-Восточного Китая (XIX — первая половина XX в.) . . . . .	95
<b>Белоглазов Г.П.</b> Концепция «строительства новой социалистической деревни» в КНР в официальных документах и трудах китайских исследователей . . . . .	118
<b>Кондратенко Г.В.</b> Система хукоу в китайской и англоязычной историографии рубежа XX—XXI в. . . . .	128

### IV. ГУМАНИТАРНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

<b>Ставров И.В.</b> Реализация национальной политики КПК в северо-восточных провинциях КНР (1978—2009 гг.): историография проблемы . . . . .	136
<b>Веремейчик А.С.</b> Демографическая политика КНР в программных документах КПК (1949—2009 гг.) . . . . .	152
<b>Гридина Н.П.</b> Китайские историки об адаптации российской интеллигенции в Маньчжурии . . . . .	162
<b>Королёва В.А.</b> Музыкальное Китаеведение в России: историография проблемы . . . . .	170

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

ТРУДЫ  
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ,  
АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ  
НАРОДОВ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА ДВО РАН

Серия ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

Том XV

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ КИТАЯ  
И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ  
В ТРУДАХ КИТАЙСКИХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

Редактор-корректор *Л. Ф. Юрчук*  
Редактор электронной верстки *А. С. Иванов*

Отпечатано с оригинал-макета, изготовленного в РИО  
Института истории, археологии и этнографии  
народов Дальнего Востока ДВО РАН

Изд. лиц. ИД № 05497 от 10.01.2006 г.  
Подписано к печати 12.09.2011 г.  
Формат 70×108/16. Печать офсетная.  
16,1 усл. печ. л., 13,22 уч.-изд. л.  
Тираж 300 экз. Заказ .

Отпечатано в типографии ФГУП Издательство «Дальнаука» ДВО РАН  
690041, г. Владивосток, ул. Радио, 7.